

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

2(34)
2020

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год
Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Барлыбаев Х. А., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф.,
Калиниченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М.,
Митрофанова А. В., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В., Стычинский М. С.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай),
Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Москва), Гэй У.
(США), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания),
Иноземцев В. Л. (Россия), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В.
(Иран), Коротаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия),
Мазур И. И. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С. (Казахстан),
Сергеев М. Ю. (США), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия).

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А,
МГУ, факультет глобальных процессов.
Тел.: 8(495) 939-43-23. E-mail: chumakov5@yandex.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru
DOI: 10.30884/vglob/2020.02.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальные исследования и концепция устойчивого развития 3

Ильин А. Н. Результаты неолиберальной глобализации: пространство для дискуссии 18

Спиридонова В. И. Императив возврата к национальной идентичности как фундамент полицентричного мира 33

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Егоров Д. Г., Егорова А. В. Глобальное потепление и экономическая теория: преодоление кризиса мировой цивилизации..... 45

Белянцев А. Е. «Супертехнологии»: глобальные риски и социально-политические последствия NBIC-конвергенции..... 55

Иоселиани А. Д. Глобальное цифровое общество и социальная адаптация к онлайн-повседневности 62

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Лукьянов В. Ю. Гармонизация системы международных отношений XXI века: использование исторического опыта..... 72

Савченко В. А. Субъективизм и революция в век информационных технологий 85

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Николайчук О. А., Бондаренко Н. О. Россия в выборе пути экономического развития 95

Леонова О. Г. Динамика рейтинга «мягкой силы» России..... 104

Митрофанова А. В. Теология освобождения в современной русскоязычной фантастике..... 119

In Memoriam 134

Contents 135

ТЕОРИЯ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Урсул А. Д., Урсул Т. А.*

Уже сформировались контуры глобального направления науки, включающего в себя глобалистику, глобальные научные дисциплины, глобализационные исследования, глобальный эволюционизм и другие области научного поиска, где каждая его составляющая вносит определенный вклад в познание целостного объекта – становящегося глобального мира. В этот кластер глобальных исследований включилось изучение развертывающегося глобального процесса устойчивого развития, который в перспективе не будет ограничиваться только взаимосвязью экологии, экономики и социальной сферы, а станет расширяться за счет других направлений деятельности, особенно в глобальном измерении. С учетом возможностей движения к «устойчивой эволюции» под глобальным миром предлагается понимать этап социоприродного развития, который сформируется через достижение планетарной и геокосмической устойчивости, поскольку любой иной вариант такого мира не гарантирует длительное существование и перманентное поступательное развитие цивилизации.

Ключевые слова: геокосмическая устойчивость, глобализация, глобалистика, глобальная устойчивость, глобальное социоприродное противоречие, глобальное управление, глобальные исследования, глобальный мир, глобальные процессы, способ социоприродного взаимодействия, устойчивое развитие.

The contours of the global scientific direction have already been formed which includes Globalistics, global scientific disciplines, globalization studies, global evolutionism and other areas of scientific research, where each of its components makes a certain contribution to the knowledge of the integral object – the emerging global world. This cluster of global studies has already included the study of the unfolding global process of sustainable development, which will no longer be limited to the system of interrelationship of the environment, economy and social sphere, but will expand to other areas, especially in the global dimension. Taking into account the prospects of moving towards “sustainable evolution”, it is proposed to understand the global world as a stage of socio-natural development,

* Урсул Аркадий Дмитриевич – д. ф. н., профессор, академик АН Молдавии, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра глобальных исследований, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: ursul-ad@mail.ru.

Урсул Татьяна Альбертовна – д. ф. н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заведующая кафедрой социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета «МИСиС». E-mail: ursult@mail.ru.

which will be formed through the achievement of planetary and geocosmic sustainability, since any other variant of such a world does not guarantee long-term existence and permanent progressive development of civilization.

Keywords: *geocosmic sustainability, globalization, Globalistics, global sustainability, global socio-natural contradiction, global governance, global studies, global world, global processes, way of socio-natural interaction, sustainable development.*

Введение

Современное человечество находится сейчас в процессе неустойчивого развития – исторически сложившегося типа эволюции цивилизации и ее взаимодействия с природой, ведущих не только к прогрессу, но и к умножению опасностей, глобальной антропогенной катастрофе. Причем негативные тенденции уже стали доминировать над позитивными, что открыло перспективы альтернативному пути эволюции цивилизации, снижающему вероятность глобального риска катаклизма.

Еще во второй половине прошлого века было выявлено фундаментальное глобальное противоречие между всевозрастающими потребностями человечества и невозможностью биосферы их удовлетворять без дальнейшей все более необратимой ее деградации. Ранее окружающая среда и, тем более, вся планета и ее биосфера представлялись как неограниченное поле для эволюции цивилизации, а ее существование практически представлялось весьма долгим (пока не «угаснет» Солнце).

Однако в дальнейшем был выявлен ряд глобальных (и космических) вызовов, угроз и планетарных границ для человеческой деятельности, зависящих не от внешних факторов, а от антропогенной активности, которая вызывает как дальнейшую деградацию окружающей среды, так и неблагоприятные климатические изменения, что может привести к гибели не только человечества, но и многих других живых существ. После осознания умножающихся глобальных вызовов и угроз стало очевидным, что при инерционном продолжении современного типа цивилизационного развития уже *в XXI в. вполне реален антропогенный кризис глобального масштаба, переходящий в катастрофу если не в ближайшие десятилетия, то уже в начале наступившего тысячелетия.*

В таких условиях необходимо переходить от ликвидации чрезвычайных и иных негативных последствий антропогенной деятельности к предотвращению катастроф и превентивным действиям, что и предполагает дальнейшее движение к глобальной устойчивости. Когда негативные воздействия носили локальный (или, в отдельных случаях, даже региональный) характер, можно было ликвидировать их последствия, пусть и с огромными потерями. Но в случае глобального масштаба возможных негативных проблем их необходимо только предотвращать, что ведет к иному видению перспектив существования цивилизации.

Ведь если произойдет экологическая либо иная общепланетарная катастрофа, то устранять ее последствия будет уже невозможно и некому. Чем масштабнее катастрофа, тем труднее борьба с ее отрицательным влиянием на человечество, поэтому средства решения глобальных проблем, уменьшение негативного воздействия глобализации, глобальных кризисов в принципе должны носить упреждающий характер, а не «отстающий», как ныне практикуемая в локальных мас-

штабах ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций и катастроф. Мировое сообщество обязано заранее предвидеть пределы эволюции, вызовы и угрозы и превентивно создавать модели и сценарии возможного будущего, используя различные способы опережающей деятельности для своего поступательного развития.

Все это привело к тому, что во второй половине прошлого века стали все более масштабно разворачиваться глобальные исследования и особенно использоваться глобальное моделирование. *Упомянутые и другие научные разработки (особенно доклады Римскому клубу) способствовали как развертыванию глобальных исследований, так и появлению концепции устойчивого развития (УР)*. Стала осознаваться необходимость поиска и создания принципиально новых способов антропогенной активности, условий и возможностей, реализующих стратегию УР и формирующих более безопасную систему «человек – общество – природа», гарантирующую наше общее будущее в глобальных темпорально-пространственных измерениях.

Глобальные исследования: основные этапы и направления

Генезис глобального направления науки обнаруживается в трудах В. И. Вернадского еще в самом начале прошлого века. Именно в этот исторический период ушедшего столетия стали изучаться некоторые глобальные феномены в работах Вернадского, поэтому его можно считать основоположником глобальных исследований в их начально-синкретической форме [Урсул 2018а].

Следующий этап формирования глобальной проблематики науки во второй половине XX в. в значительной степени связан с деятельностью Римского клуба, сыгравшего огромную роль в становлении как глобальных исследований, так и концепции *устойчивого развития*, повернув сознание многих ученых и общественности в глобальном направлении [Чумаков, Штарк 2019]. Вместе с тем такая область научного знания, как глобалистика, возникла (по крайней мере, в СССР) еще несколькими годами ранее этих докладов, в 60-х гг. ушедшего столетия. Именно этот период характеризуется углубленным изучением как минимум трех мировых проблем – проблемы войны и мира, освоения космоса и охраны окружающей среды, когда стала осознаваться их глобальная природа и взаимосвязь между собой и другими подобными феноменами.

Основным понятием этого этапа развития глобалистики было понятие «глобальные проблемы», которые хотя и связаны с глобализацией, но также возникают из некоторых социальных и социоприродных процессов и противоречий. Появление глобальных проблем, особенно социоприродного характера, было «запрограммировано» как планетарными особенностями и пределами, так и необходимостью дальнейшего мирового развития и ускоряющегося роста народонаселения планеты. Ограниченность Земли как космического тела стала «доказательством» того, что ни население, ни объем материального производства не смогут преодолеть пределы роста, зависящие от несущей емкости биосферы планеты.

Поэтому было важно выяснить, какие ограничения ведут к новым путям прогресса в целом, а какие – существенно тормозят и даже ведут к деградации и глобальным катастрофам. Это в значительной степени было реализовано группой ученых во главе с Д. Медоузом в виде первого доклада *Римскому клубу* «Пределы

роста» [Медоуз и др. 1991]. После этого и других докладов данному клубу, посвященных пределам и ограничениям развития, стало понятным, что если нынешние тенденции социально-экономического развития *будут продолжаться, то уже в XXI в. может произойти глобальный антропогенный кризис, а возможно, даже общепланетарная катастрофа.*

Ключевой категорией следующего этапа (начавшегося с 1980-х гг.), которая до сих пор находится в центре внимания исследователей, становится *глобализация*. Последняя сейчас рассматривается в основном в плане усиления интегративных взаимодействий между различными фрагментами социума, прежде всего в форме экономических, финансовых, политических, социально-культурных, информационных, социоэкологических и других взаимосвязей. Однако глобализация проявляется и как унификация и универсализация ряда форм и результатов деятельности (например, техники и технологий) в социальном и социоприродном пространстве.

Глобализация идет достаточно сложно, сопровождаясь и наполняясь разного рода негативными последствиями и противоречиями. С некоторого времени развертывание глобализации происходило в двух формах – стихийной и направляемой тем или иным государством (в однополярном мире и в настоящее время эту роль играют в основном США). Снижение темпов и масштабов этой «направленной» формы глобализации, особенно начиная с президентства Д. Трампа, вовсе не означает, что глобализация в целом закончилась, она продолжается, и этот объективный процесс вряд ли можно остановить, хотя он принимает новые формы, в том числе и через начавшийся переход к устойчивому развитию. Несмотря на временные откаты, проявления нового трайбализма, национализма, ксенофобии и других аналогичных тенденций, становление глобального мира вряд ли будет повернуто вспять.

В это же время интенсивно формировалось крупное направление глобальных исследований, в рамках которого *экологические* проблемы, в том числе и в глобальном масштабе, стали рассматриваться в связи с социально-экономическим развитием. На ЮНСЕД (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) была сформулирована и принята общемировая стратегия устойчивого развития цивилизации, призванная обеспечить выживание человечества в связи с проблемами ухудшения окружающей среды. Устойчивое развитие представляет собой не только социально-экологический, но и потенциально-глобальный процесс, все более полно развертывающийся по мере реализации упомянутой стратегии.

Как уже показали первые годы (а фактически старт этого перехода начался с 2005 г.) практической реализации стратегии УР, этот процесс оказался беспрецедентно трудным и пока не принес ожидаемых результатов. Вместе с тем стала осознаваться настоятельная необходимость движения к глобальной устойчивости и продолжается дальнейшая, но пока относительно медленная реализация новой цивилизационной стратегии. Включение проблематики УР в глобальные исследования в основном произошло только в текущем столетии и уже становится одним из самых актуальных направлений научного поиска, масштабы и значимость которого будут только возрастать с течением времени. И неслучайно уже появился термин «глобальное устойчивое развитие», поскольку реализоваться УР может только в глобальном измерении и масштабе.

С 2009 г., на наш взгляд, начался этап развития глобалистики, когда стало происходить еще более существенное расширение ее предметного поля. В него, кроме глобальных проблем, глобализации и устойчивого развития, включилось значительно большее число глобальных процессов и систем, которые пока еще недостаточно исследованы, поскольку ранее они не входили в сферу глобалистики. Был предложен и использовался эволюционный подход для расширения горизонта видения глобальных исследований, причем эволюционная глобалистика уже видится как исследование эволюции и коэволюции глобальных процессов и их системно-синергетического результата – глобального развития, которое в основном приводит к формированию глобального мира [Ильин, Урсул 2009; 2013].

Глобальные феномены в своей эволюционной форме представляют особый тип общепланетарного развития в контексте универсальной эволюции. Выявились этапы глобально-универсальной эволюции – космический, планетарный (когда возникают и развиваются жизнь и разум) и социоприродный планетарно-космический, развертывающийся с участием человека, приступившего к освоению космоса. Универсальный (глобальный) эволюционизм сыграл важную методологическую роль в становлении эволюционной глобалистики и продолжает сохранять эту роль, поскольку он входит не только в глобальные исследования, но представляет собой общенаучную теоретико-методологическую базу всей науки в целом.

На социоприродном этапе планетарной эволюции задействованы уже все три основных типа глобальных процессов (природные, социальные, социоприродные). Во второй половине XX в. социоприродная эволюция вышла за пределы земного шара, началось освоение Вселенной. Это оказывается продолжением глобальных процессов и пространственного освоения окружающей природы; человечество, следуя идеям К. Э. Циолковского, не ограничивается только земным шаром.

Глобальные исследования – это новая широкая область исследования и формирования глобального мира. В этом процессе можно выделить ряд основных областей научного поиска, образующих особый мульти- и междисциплинарный научный комплекс как своего рода глобальный кластер научного знания. Прежде всего этот кластер включает в себя глобалистику, представляющую собой основную область глобальных исследований, уже появившиеся отдельные глобальные дисциплины (типа глобальной экономики, глобальной экологии, глобальной истории и т. п.), а также глобальный (универсальный) эволюционизм. Кроме этого, возникли и развиваются глобализационные исследования, которые изучают как отдельные направления глобализации, так и их комплексы. На вхождение в глобальный кластер знания также претендует такая начальная форма глобального поиска, когда ставится цель исследования какой-либо научной проблемы «в условиях глобализации» (либо в контексте других глобальных феноменов) [Урсул 2018б].

В современных публикациях встречаются точки зрения, что глобалистика становится дисциплиной, изучающей только глобализацию (узкое определение), или претендует стать наукой о сегодняшнем целостном глобальном мире, обо всем мировом развитии (наиболее широкое понимание). Однако когда уже выяв-

лен упомянутый глобальный кластер научного знания, то совершенно очевидно, что глобалистика не в состоянии одна изучать только глобализацию либо становление глобального мира, этим уже занимаются все области глобальных исследований, и каждая из них вносит определенный вклад в познание целостного объекта научного поиска.

Вместе с тем довольно быстрыми темпами возникают и эволюционируют междисциплинарные разделы глобалистики, которая в качестве научного направления отличается от глобальных исследований, в частности, тем, что последние носят в основном мультидисциплинарно-кластерный характер. В последнее время появляются работы, посвященные различным междисциплинарным областям глобалистики, среди которых аксиологическая глобалистика, геоглобалистика, глобалистика устойчивого развития, демографическая глобалистика, информационная глобалистика, историческая глобалистика, космоглобалистика, ноосферная глобалистика, образовательная глобалистика, палеоглобалистика, политическая глобалистика, правовая глобалистика, секьюритологическая глобалистика, социальная глобалистика, философская глобалистика, футуроглобалистика, цивилизационная глобалистика, эволюционная глобалистика, экологическая глобалистика, экономическая глобалистика и ряд других, которых насчитывается уже более двух десятков направлений (и будет становиться еще больше).

Таким образом, исследование глобальных феноменов стало важным направлением современной науки, и, по сути, важно выяснить, какую цель она в конечном итоге преследует (хотя изначально эта цель и не ставилась). Такой целью, которую уже можно поставить, нам представляется выявление законов созидания новой сферы социоприродного существования и эволюции – глобального мира. Изучение становления глобального мира происходит достаточно интенсивно и уже претендует на роль новой глобальной революции в науке, которая кардинально отличается от предшествующих глобальных научных революций [Урсул 2019а].

Устойчивое развитие как глобальный процесс

Как уже упоминалось, параллельно с глобальными исследованиями и в определенной, но не всегда осознаваемой связи с ними выявилось новое направление научного поиска – изучение и прогнозирование дальнейшей эволюции цивилизации на пути достижения глобальной устойчивости (перехода к УР). И это связано прежде всего с тем, что было обнаружено новое фундаментальное противоречие дальнейшего развития, которое необходимо будет разрешить для выживания и дальнейшего существования человечества.

Это социоприродное противоречие между всевозрастающими потребностями человечества и невозможностью биосферы их удовлетворять без ее дальнейшей все более необратимой деградации. Данное противоречие предполагается разрешить кардинальным изменением характера взаимодействия общества и природы на пути перехода к новой форме цивилизационной эволюции – устойчивому развитию, которое в документах ООН определяется как такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

Как полагает В. И. Данилов-Данильян, «реализованный в этой дефиниции подход – прямое следствие идеологии общества потребления, и вполне правомерно называть его *консьюмеристским*» [Данилов-Данильян 2019: 8]. Нужно иметь в виду, что термин «консьюмеризм» многозначен и в приведенной цитате, как нам представляется, он употребляется в контексте идеологии общества потребления (в смысле перепотребления). Однако для того чтобы существовать, человечество вынуждено потреблять ресурсы из окружающей среды, и от потребностей как имманентной характеристики существования и дальнейшей эволюции цивилизации отказаться невозможно. Но потребности при переходе к УР необходимо рационализировать, и такое понятие, как «коэволюционно-разумные потребности», уже давно введено в науку. Поэтому, на наш взгляд, вполне уместно формулировать определение понятия УР через понятие «потребности», если основное социоприродное противоречие, которое нужно разрешить, также формулируется через это понятие.

В. И. Данилов-Данильян прав, что наиболее общая идея УР должна формулироваться не столько через потребности, сколько через обеспечение выживания человечества, и это понимал еще К. Э. Циолковский, предложив первый в мире «космический вариант» УР – выживание и вечный прогресс человечества через освоение внеземных пространств. Можно называть этот подход к определению понятия устойчивого развития *сервайвелистским* (от англ. *survival* – выживание), как это предлагает упомянутый автор, но мы уже давно именуем его экзистенциалистским, поскольку это понятие отражает фазу не только выживания, но и дальнейшего устойчивого существования цивилизации. Сохранение биосферы и коэволюция с ней цивилизации сформируют новую систему «общество – природа», реализующую устойчивую форму будущей длительной социоприродной эволюции, что может обеспечить наше общее будущее на планете и за ее пределами.

Концепция УР кардинальным образом отличается от всех предыдущих идей, в том числе и утопических, будущего развития цивилизации тем, что она выдвинула экологические и даже – шире – социоприродные императивы на приоритетное место. Все другие концепции (в том числе и утопии) будущего переустройства мира не затрагивали коренным образом область взаимоотношений природы и общества, ограничиваясь только социальным миром. Но теперь становится очевидным, что глобальный мир в «устойчивой перспективе» может быть только суперсистемой коэволюции цивилизации и природы, то есть безопасным социоприродным миром в глобальных масштабах.

Хотя начальная концепция «устойчивой коэволюции» уже сформирована, тем не менее новая модель развития III тысячелетия требует разрешения не только упомянутого социоприродного противоречия, но и возникшего противоречия между современным неустойчивым развитием и желаемым переходом к УР. В отличие от современной неустойчивой экономическо-цивилизационной модели развития (уделяющей внимание отдельному индивиду) новая УР-модель за основу берет более широкую деятельностьную базу дальнейшей эволюции, сдвигая акцент от индивида ко всему человечеству в целом.

Формирование стратегии устойчивого развития означает постепенное соединение в единую самоорганизующуюся систему прежде всего экономической, экологической и социальной сфер деятельности (нередко именуемую УР-триадой).

Возможно, что с формирования УР-триады и необходимо было начинать, эти три направления глобальной деятельности важны, как и их взаимосвязь, но сейчас стало очевидным, что этого оказалось явно недостаточно. Выявилась необходимость расширения предметного поля исследования движения к глобальной устойчивости и видения концепции УР всесторонне-целостной и тем самым более эффективной в ходе ее реализации.

Если не учитывать опасности и угрозы УР со стороны современной рыночной экономики и других стихийно-естественных процессов нынешней модели цивилизационного развития, в особенности связанных с геополитическими факторами и угрозами, то указанных выше триадных, в том числе и принятых в 2015 г. Целей устойчивого развития [Transforming...] можно и не достигнуть. В этом проявилось заложенное с самого начала противоречие между принятой узкой моделью устойчивого развития цивилизации и современной инерцией неустойчивого развития.

Концепция УР уже не может и в принципе не должна ограничиться УР-триадой взаимосвязи экологии, экономики и социальной сферы, во всяком случае, в ее нынешнем формате. Эти три «целевых измерения» будущего перехода к УР следует существенно расширить, превратив глобальное «пространство движения к УР» в эволюционно-разветвляющееся n -мерное фазовое пространство, где будут появляться иные направления и измерения, сопряженные с разработкой новых моделей будущего цивилизационного процесса. Следует принять модель УР за основу виртуально-теоретического представления будущего глобального мира и пойти по пути включения в него других позитивных сценариев и вариантов видения будущего, которые пока не получили такого широкого признания и официального оформления со стороны ООН.

Тем самым речь идет о новой системной трансформации в трактовке глобальной устойчивости. Это, по сути, новый этап видения «устойчивой революции», поскольку первым можно считать принятие концепции и стратегии перехода от нынешнего цивилизационного развития к будущей глобальной устойчивости. Эту перманентную проблемность и незавершенность концепции УР важно осознавать и учитывать в дальнейшей практической деятельности. В уже сформированную узкую концепцию УР придется время от времени вносить коррективы и расширять ее прежде всего за счет приоритетных направлений, наиболее важных для реализации более системной концепции УР. Таких направлений достаточно много, но основное внимание дальше сосредоточим в основном на еще мало разработанном глобальном измерении в концепции УР.

Для того чтобы реализовать глобальный переход к УР, необходимо в течение по меньшей мере нескольких поколений сформировать сознание людей, принимающих и реализующих новую цивилизационную стратегию, предвидящих последствия своих решений и действий. Появятся поколения, которые будут понимать и активно реализовывать стратегию устойчивого развития (можно пока условно назвать их УР-поколениями) [Урсул 2020]. Поэтому для достижения глобальной устойчивости необходимо формирование опережающего сознания подавляющего большинства (или хотя бы критической части) населения планеты с помощью образования и просвещения в интересах УР.

Решение экологической проблемы выступает началом на пути достижения глобальной устойчивости. Эта проблема в ее глобальном измерении оказывается весьма важной, но все же лишь частью того общего комплекса наиболее важных глобальных проблем (в их широком понимании), которые тоже должны быть решены на пути перехода к новой форме цивилизационного развития. Нынешнее доминирующее экологическое видение движения по пути УР может считаться первым шагом в осознании смысла и ценности нового пути в глобальное устойчивое будущее, которое уже представляется многовекторным и глобально-системным. Экологический вектор оказывается частью того общепланетарного процесса эволюции, который требует решения всех глобальных проблем, на что обращалось внимание, как только были приняты эта концепция и стратегия [Урсул 1993].

Вряд ли сейчас уже можно считать (и тем самым зауживать), что главное в переходе к УР – это решение экологических проблем, ставших уже глобальными и даже космическими. Речь должна идти обо всех (и прежде всего о наиболее опасных для цивилизации) глобальных проблемах и негативных общепланетарных процессах, которые должны решаться на пути перехода к УР и которые тормозят или даже срывают этот переход, по крайней мере в приемлемой перспективе. Новая цивилизационная стратегия представляется наиболее эффективным средством решения не только экологической, но и всех, особенно обостряющихся, глобальных проблем, поэтому в их включении в эту стратегию мы видим одно из наиболее важных направлений превращения УР в самоорганизующийся глобальный социоприродный процесс.

Ведь акцентируя внимание на решении глобальной социально-экологической проблемы при переходе на путь УР, мы обнаруживаем, что желаемый выход на устойчивую траекторию может не состояться из-за недооценки влияния других глобальных проблем, которые оказываются в определенный момент более опасными, чем экологическая, либо существенно отвлекают усилия от ее решения. Вот почему возникла необходимость из преимущественно экологического видения УР выйти на глобальные уровень и масштаб. Поэтому УР как развертывающийся глобальный эволюционный процесс стал все больше рассматриваться как решение наиболее острых и приоритетных, а в перспективе и всех глобальных проблем и других негативно ориентированных глобальных феноменов. Только в этом случае увеличивается вероятность ухода от продолжающейся опасной глобальной неустойчивости в безопасно-устойчивое будущее нашего социоприродного мира.

При исследовании перехода к УР придется учитывать противоречия между нынешним комплексом направлений глобализации, то есть глобализационными процессами, насчитывающими уже не один десяток [Барлыбаев 1993; 2018], и «триадными» направлениями, в том числе и принятыми в их русле Целями устойчивого развития. Разрешение этого противоречия мыслимо на пути выхода из триады УР в более широкую систему измерений УР, особенно тех, которые наиболее эффективно будут работать на переход глобализационных процессов на устойчивую траекторию. Важно, чтобы процесс глобализации и решения глобальных проблем выступал приоритетным средством трансформации ныне существующего и происходящего в будущей устойчивый мир.

Человечество оказалось не готовым к восприятию и реализации стратегии устойчивого развития в том виде, как она существует сейчас на концептуально-стратегическом уровне. Но в то же время неясно, стоило ли специально выделять УР-триаду, может быть, сразу нужно было ввести идею и принципы глобальной устойчивости во все сферы человеческой деятельности и реализовать их там, где это возможно в первую очередь и без чрезмерных усилий. Однако этого не произошло в силу препятствующей этому инерции массового сознания в восприятии новых идей, поэтому необходимость нового этапа разработки теоретических основ УР стала осознаваться лишь после первых не всегда удачных попыток реализации уже созданной модели.

Современная концепция УР – это не обычная научная теория, подтвержденная практикой, а пока в основном прогноз, причем не столько поисковый, сколько нормативный, ставящий цели будущего безопасного глобального развития человечества. Эта концепция будет еще неоднократно изменяться по мере движения к глобальной устойчивости, поэтому превращать в «икону» ее существующий вариант нецелесообразно. Вряд ли следует считать, что искомая адекватная концепция устойчивого развития уже создана в ее целостном виде и главная проблема заключается лишь в том, чтобы только ее реализовать в принимаемых стратегиях и целях.

Важно акцентировать внимание на том, чтобы устойчивый переход все больше принимал всеобъемлющий и глобальный характер, что в перспективе требует формирования глобального управления. Тем самым глобализация и другие в существенной степени антропогенные глобальные процессы должны будут получить новый импульс и стратегическую ориентацию от пока виртуальной модели УР, постепенно утрачивая свойство стихийности, становясь социально проектируемым и управляемым процессом эволюции единого человечества. И хотя глобальное управление необходимо не только для реализации стратегии УР, все же его основная ориентация и функция будут связаны с более эффективным движением к глобальной устойчивости. Под влиянием глобальных процессов (и особенно глобализации) мировое сообщество все больше будет становиться единой целостной системой – глобальным миром, однако механизмы глобального управления в наиболее важных областях мирового развития еще только начинают формироваться [Чумаков 2010].

Вряд ли имеет смысл говорить о реальности и эффективности становлении глобального управления без постановки глобальных целей. Принятие в сентябре 2015 г. на 70-й Генассамблее ООН Целей устойчивого развития (ЦУР) как основы новой Повестки дня в области устойчивого развития [Transforming...] еще раз показало, что мировое сообщество не только продолжает идти по пути достижения глобальной устойчивости, но и делает важные шаги на пути формирования глобального управления своим будущим.

Перспективы созидания и эволюции глобального мира

Когда речь идет о понятии «мир», то обычно понимается совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, что отражается в словарях и энциклопедиях (хотя наряду с этим еще более часто употребляется в ином смысле как отсутствие войны). Однако в нашем контексте понятие «мир» в основном

ограничивается всем тем, что существует на нашей планете, то есть имеется в виду земной мир. Но также понятие мира употребляется для той или иной области существования множества объектов и процессов, которые находятся в той или иной сфере упомянутого более широкого мира (как, впрочем, и понятие глобального в обыденной речи используется как синоним чего-то большого, часто в пространственном отношении).

В природном отношении мир, существующий на нашей планете, всегда был глобальным с тех пор, как образовалась Земля. Глобальное в этом значении представляет собой общепланетарное в его пространственной форме, то есть занимающее территорию всего земного шара или большую часть его поверхности. То есть объективной основой глобальных процессов, объектов и т. п. является их существование на земном шаре, и неслучайно именно это планетарное происхождение глобальности выступает в качестве исторически наиболее раннего [Урсул 2019б].

В контексте исследуемого здесь глобального мира прежде всего имеется в виду, что глобальным является не только природный, но уже в какой-то степени и социальный мир, а точнее – человеческая цивилизация во взаимодействии с биосферой планеты. Общепланетарные в том или ином отношении природные, социальные и социоприродные процессы считаются глобальными процессами, причем некоторые из них уже реально существуют, а другие могут стать глобальными лишь в будущем.

Исследование глобальных процессов, с одной стороны, расширяет пространство-время социальных и социоприродных взаимодействий до общепланетарного объема биосферы. Но, с другой стороны, в ходе такого расширения обнаруживаются не только социальные, но и планетарно-биосферные ограничения, ставящие пределы дальнейшему расширению человеческой деятельности. Тем самым глобальный мир формируется под влиянием не только деятельности человека, но и природных факторов – естественных глобальных процессов и ограничений. Нередко этот последний фактор не учитывается в публикациях в контексте исследований становления глобального мира.

Причем социальные и природные компоненты глобального мира взаимодействуют, влияя и изменяя друг друга, в основном не в лучшую сторону для каждого из них. Но, несмотря на противоречия, сложности и ограничения, постепенно формируется все более сложная и целостная общепланетарная система социальных и социоприродных взаимодействий, которую можно именовать глобальным миром. Становление глобального мира представляется в качестве неизбежного следствия естественной эволюции человечества и его взаимоотношений с природой.

Однако по вопросу о его формировании существуют различные точки зрения. Чаще всего, как это трактуется, например, в Википедии, глобальный мир мыслится как глобальное общество (англ. *global society*), то есть как *концепция* человеческого общества, объединяющего в своем составе все человечество, всех жителей Земли и общества всех стран мира, причем такой же чисто социальной трактовки придерживаются и некоторые авторы [Чернышева 2015]). Хотя можно констатировать и более широкое употребление в публикациях термина «глобальный мир»,

становление пока еще недостаточно исследовано, опубликовано лишь несколько фундаментальных работ [Кувалдин 2017; Чумаков 2018]).

Нередко предполагается, что в созидании глобального мира участвуют только глобальные процессы, среди которых главную роль играет глобализация, приводящая к появлению глобальных проблем. Однако это не единственный путь формирования глобального мира, и об этом также далее пойдет речь. Глобальный мир благодаря предшествующему развитию и глобализации в определенных аспектах существует уже сейчас, но в более развитой форме и социоприродной целостности появится лишь в будущем. И этот процесс становления глобальной социоприродной мир-системы уже находит свое отражение в науке, формируя ее глобальное направление.

Поэтому под глобальным миром имеет смысл понимать лишь такой этап эволюции цивилизации и ее взаимодействия с природой, который реализуется через достижение глобальной устойчивости, поскольку любой иной «вариант» такого мира не сможет долго существовать, а тем более поступательно эволюционировать.

Переход мирового сообщества к устойчивому развитию потребует не только достижения глобальной устойчивости, но и этого же типа развития вне планеты, в особенности это относится к становлению нового способа социоприродного взаимодействия. Это будет, с одной стороны, продолжением земного материального производства, но с другой стороны, новым процессом, обусловленным взаимодействием человека с внеземной средой. Развитие производства в космосе, особенно ресурсодобывающего, – это грядущая кардинальная трансформация в развитии всего предшествующего материального производства, сравнимая с неолитической революцией [Урсул Т. А., Урсул А. Д. 2020]).

Космическое производство будет отличаться от земного производства не меньше, чем материальное производство от охотничье-собираательского хозяйства. Основанием для такого мнения служит то, что эти последние развивались на планете, по существу, в одних и тех же природных условиях, различаясь в основном в способах и технологиях взаимодействия с земной природой. Эти способы имели эндогенно-антропогенную природу, а космическое производство станет развиваться в принципиально иных природных условиях вне Земли, и этот экзогенный фактор существенно повлияет на всю производственно-технологическую деятельность. Начнет формироваться способ производства, все более отличающийся от нынешнего «планетарно-производственного» способа, которому уместно дать наименование «производственно-космического» и основные черты которого еще предстоит выявить. Развитие производств за пределами планеты, особенно изготавливающих ксенобиотики для биосферы, позволит существенно уменьшить антропогенный пресс на биосферу, способствуя ее сохранению.

В перспективе произойдет раздвоение современного земного общественного производства на планетарное, преимущественно сельскохозяйственное, и космическое, в основном индустриальное, между которыми будет осуществляться обмен продуктами деятельности. Однако поскольку человечество в отдаленной перспективе будет одновременно продолжать обитать на планете Земля и постепенно расселяться за ее пределы, то совокупный устойчивый способ взаимодействия природы и общества окажется их взаимной земно-космической комбинацией (комплексом).

Заключение

Таким образом, концепция устойчивого развития сейчас уже вошла в глобальные исследования как полноправная составляющая, эти направления современной науки оказались тесно взаимосвязанными. Мы предпочитаем пока говорить о концепции, а не теории УР, поскольку научное обоснование этого феномена в основном носит гипотетический характер, дополняясь нормативно-политической составляющей. Но все же «доля науки» с течением времени будет возрастать, и в перспективе концепция станет превращаться в теорию. «Степень научности» этой концепции будет увеличиваться с каждым этапом формирования глобального устойчивого мира.

Будущий устойчивый глобальный мир может создаваться только всем мировым сообществом, поскольку в нем будут жить наши потомки, судьба которых теперь зависит от того, какие решения станут принимать нынешние поколения людей. Необходимо создать такой глобальный мир, в котором станут формироваться наиболее благоприятные условия для жизни отдельного индивида и будет обеспечено безопасное существование и поступательное развитие всего человечества на неопределенно долгие времена.

Поэтому важно, чтобы переход к устойчивому развитию обретал глобальные масштабы и характеристики, превращаясь в основной тренд глобального развития. В связи с вышеизложенным под глобальным миром имеет смысл понимать такое состояние (и процесс) эволюции цивилизации и ее взаимодействия с природой, которое достигается в глобальном измерении через переход к устойчивому социоприродному развитию. Видение глобального мира через призму глобальной и – в более отдаленной перспективе – даже космической устойчивости ведет к выделению двух основных этапов этого типа глобального развития.

Начальный этап уже реализуется в современной модели неустойчивого развития, когда в каких-то формах и сферах глобальный мир уже существует, но в принципе не может достичь необходимой целостности и безопасности, он даже рискует исчезнуть в ходе экологической или другой антропогенной катастрофы. Поэтому окончательного созидания глобально-целостного мира следует ожидать на следующем этапе, когда будет достигнута глобальная устойчивость в общепланетарном масштабе.

Вместе с тем глобальная деятельность не может изолироваться от космических факторов в силу природно-пространственной связи планеты с внеземным ее окружением, а тем более из-за развернувшегося освоения внеземных пространств. И хотя можно предположить, что целостный глобальный мир будет создан уже в геоцентрическом мире, но он не будет долго существовать без дальнейшего освоения космоса, которое способствует его становлению и особенно – сохранению на длительные периоды времени. Обоснованию этого важного положения и формированию геокосмической устойчивости уже была посвящена специальная публикация [Урсул Т. А., Урсул А. Д. 2019]. Это своеобразный ответ на усиливающиеся антиглобалистские и антикосмические точки зрения, которые зациклены только на земном и сиюминутном и не видят перспектив бытия человечества в перспективе глобально-космического устойчивого развития.

На определенном этапе достижения социоприродной устойчивости земное направление этого процесса дополнится его космическим продолжением – за пре-

делами биосферы. Причем выход в космос вообще, а тем более созидание ноосферы как нового этапа глобально-космической эволюции в существенной мере объективно обусловлены необходимостью сохранения биосферы и устойчивым развитием цивилизации. Освоение космоса поможет сохранению того глобального устойчивого мира, который будет создан на Земле.

По К. Э. Циолковскому, ноосферогенез может продолжаться и в космической перспективе; в каком-то смысле можно считать, что не только часть биосферы и существующая на ней социосфера будут превращаться в сферу разума, но и некоторые сферы внеземного пространства и небесных тел. Именно так по мере становления ноосферы и освоения космоса будет формироваться космоноосфера, в перспективе этого, пусть и весьма еще далекого, этапа ноосферогенеза. Опять-таки важно подчеркнуть, что будущие «ноосферные миры» прежде всего и чаще видятся в их глобально-планетарных формах. Социальная ступень эволюции, появившаяся на Земле, осваивая космос, будет в первую очередь искать и заселять планеты, подобные по условиям обитаемости нашему земному шару, где и предполагается ее пространственно-темпоральное продолжение уже в глобально-экзопланетных формах.

В космологическом будущем речь может идти о становлении не только социоприродной системы «цивилизация – биосфера», но и геокосмической суперсистемы «человечество – Земля – Вселенная». Это открывает возможность глобальному устойчивому развитию в его социоприродной форме вписаться не только в эволюцию биосферы, но и в более широкую – универсальную эволюцию, стать органической частью процесса перманентной самоорганизации во Вселенной, начавшейся с первых мгновений Большого взрыва [Ильин и др. 2012].

Литература

Барлыбаев Х. А. Общая теория глобализации и устойчивого развития. М. : Изд-е Госдумы, 2003.

Барлыбаев Х. А. Философия солидарности. Анти-Хантингтон. Солидарология. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Научная библиотека, 2018.

Данилов-Данильян В. И. Глобальная климатическая проблема и возможности прогнозирования // Век глобализации. 2019. № 4. С. 3–15. DOI: 10.30884/vglob/2019.04.01.

Ильин И. В., Урсул А. Д. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009.

Ильин И. В., Урсул А. Д. Глобальные исследования и эволюционный подход. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013.

Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012.

Кувалдин В. Б. Глобальный мир: политика, экономика, социальные отношения. М. : Весь мир, 2017.

Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рэндерс Й., Беренс В. Пределы роста. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ, 1991.

Урсул А. Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. М. : Луч, 1993.

Урсул А. Д. В. И. Вернадский и глобальные исследования (К 155-летию со дня рождения ученого) // Век глобализации. 2018а. № 3. С. 3–14. DOI: 10.30884/vglob/2018.03.01.

Урсул А. Д. Становление науки о глобальном мире // Социодинамика. 2018б. № 10. С. 61–67. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.10.27446.

Урсул А. Д. Новая глобальная революция в науке // Вопросы философии. 2019а. № 8. С. 104–112. DOI: 10.31857/S004287440006038-6.

Урсул А. Д. «Глобальность» как базовое понятие глобальных исследований // Философия и культура. 2019б. № 6. С. 1–13. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.6.29279.

Урсул А. Д. Цифровизация и переход к устойчивому развитию: проблема их интеграции в образовательном контексте // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 2020. № 1. С. 1–10.

Урсул Т. А., Урсул А. Д. Становление глобального мира. Пути и перспективы. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2019.

Урсул Т. А., Урсул А. Д. Устойчивое развитие горного дела: от земного к космическому // Горный журнал. 2020. № 2. С. 96–104.

Чернышева Е. Н. Глобальный мир: особенности и проблемы развития // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 4(30). С. 23–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2015.4.3>.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2018.

Чумаков А. Н., Штарк Л. П. Римский клуб: к итогам полувекковой деятельности // Век глобализации. 2019. № 4. С. 40–49. DOI: 10.30884/vglob/2019.04.04.

Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015>.

РЕЗУЛЬТАТЫ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ДИСКУССИИ

Ильин А. Н.*

Охватившую мир глобализацию можно назвать неолиберальной. Она ведет к росту неравенства как внутри стран, так и между государствами, к упрочению позиций мирового гегемона и транснациональных корпораций за счет ресурсов других стран. На этот факт указывает множество тенденций современности. Однако далеко не все ученые обращают на них внимание. В результате они создают концепции, совершенно не согласующиеся с действительностью современного глобального мира. Данная статья представляет собой полемический ответ на опубликованные в журнале «Век глобализации» работы Н. Н. Никулина и А. В. Кацуры.

Ключевые слова: глобализация, США, Россия, неолиберализм, Н. Н. Никулин, А. В. Кацура.

The globalization that has engulfed the world can be called neoliberal. It increases inequality both within and between countries and strengthens the position of the global hegemon and transnational corporations at the expense of the resources of other countries. This fact is evidenced by many trends of our time. However, many scientists ignore this fact. As a result, they develop concepts that are completely inconsistent with the reality of the present global world. This article is a polemic response to the publications of N. N. Nikulin and A. V. Katsura in the journal "Vek globalizatsii".

Key words: globalization, USA, Russia, neoliberalism, N. N. Nikulin, A. V. Katsura.

Сегодня, в условиях усиления развязанной Западом информационной, дипломатической и экономической войны против России, казалось бы, все ранее существовавшие неясности ликвидировались. Раньше сохранялся повод для дискуссий на тему того, выгодна ли народам мира и России проходящая неолиберальная глобализация, являются ли пытающиеся управлять глобальными процессами США для нас врагом или другом. Сейчас, похоже, была дискуссионность некоторых подобных тем ушла в прошлое, очертив вполне очевидную реальность. Однако очевидной она представляется далеко не всем. Так, на страницах уважаемого журнала «Век глобализации», помимо большого количества глубоко содержательных статей, появляются весьма странные работы.

К примеру, доктор экономических наук Н. Н. Никулин считает, что экономическая глобализация устраняет национально-государственные ограничения ради более эффективного использования ресурсов человечества. При этом автор спра-

* Ильин Алексей Николаевич – к. ф. н., доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета. E-mail: ilin1983@yandex.ru.

ведливо определяет экономическую глобализацию как создание условий мировому капиталу для свободного доступа к мировым ресурсам [Никулин 2018]. Только этот капитал действует в соответствии с целями совершенно ограниченного круга лиц, которые противопоставляют свои интересы интересам обществ. Выражаясь марксистским языком, мировой капитал является средством мировой буржуазии для подавления народов. Межклассовые противоречия никто не отменял, и в эпоху глобализации они стали глобальными. Вместе с ними происходят серьезный рост социально-экономической поляризации в мире и выбрасывание целых регионов в бездну нищеты и недоразвитости. «Более эффективным использованием ресурсов человечества» выступает банальное неокolonизационное ограбление слабых стран, осуществляемое сопряженными с транснациональным бизнесом национальными правительствами.

В 60-е гг. XX в. доход обычной развивающейся страны составлял около 12 % от дохода типичной развитой страны, а теперь этот показатель приближен к 5 %, доля богатейших стран в мировом ВВП составляет 86 %, доля средних – 13 %, а доля беднейших – всего лишь 1 % [Бекетов 2009]. Согласно данным за 2013 г., 10 % людей обладают 86 % ресурсов, 1 % из них контролирует 46 % ресурсов [Хлопкова, Клементьев 2018]. США – страна, население которой составляет всего 5 % жителей земли, потребляет около 40 % мировых ресурсов [Лукияненко и др. 2009].

Отдельно обратимся к фактам, которые приводит З. Бауман. Богатейшие 20 % населения потребляют 90 % произведенных благ, а беднейшим 20 % достается всего 1 %. 20 богатейших людей мира владеют таким же количеством ресурсов, что и беднейший миллиард. В 2000 г. на долю самого богатого 1 % взрослых приходилось 40 % глобальных активов. Во владении нижней половины взрослого населения мира находился 1 % глобальных богатств. Богатейший 1 % мирового населения сейчас почти в 2 тысячи раз богаче, чем нижние 50 %. Совокупное состояние самого богатого 1 % американцев составляет 16,8 трлн долларов, что на 2 трлн долларов больше, чем совокупное богатство нижних 90 %. Более 90 % прироста ВВП в США, достигнутого после кредитного кризиса 2007 г., были присвоены богатейшим одним процентом. Средства, принадлежащие 10 богатейшим людям мира, составляют 2,7 трлн долларов, что примерно соответствует богатству пятой по величине экономики мира – Франции [Бауман 2015]. В начале 1970-х гг. доходы 5 % самых обеспеченных жителей планеты превышали доходы самых бедных 5 % в 30 раз, а к 2002 г. – в 114 раз. Половина мировой торговли и более половины прямых иностранных инвестиций обогащают только 22 страны, а на 49 беднейших стран приходится 0,5 % глобального валового продукта, который равен совокупному доходу трех богатейших людей на планете [Его же 2010].

Конечно, данные могут различаться и даже вступать в отношения противоречия, но в целом они показывают, что «мир глобализации» идет в совершенно неверном с точки зрения социальной справедливости направлении. Сложно представить картину совместить с тезисом об эффективном использовании ресурсов человечества. Поэтому говорить о прогрессе в интересах всего человечества не приходится.

Идея эффективного использования ресурсов также предполагает всеобщую возможность обрести технологии. Приведем один из недавних примеров. Ранее

Китай стремился требовать передачи производственных технологий от иностранных корпораций, размещающих на территории Поднебесной свои производства. Теперь США, грозя протекционизмом, настаивают на отмене этого требования китайцами, поскольку не желают делиться технологиями.

Право интеллектуальной собственности можно рассматривать как метод злоупотребления господствующим экономическим положением со стороны глобальных структур, стремящихся к монополизму. В целом патентование оборачивается недоиспользованием имеющихся (но закрытых от большинства людей) знаний и, соответственно, барьером для разработки и внедрения необходимых инноваций и прорывных технологий.

Развивающимся странам необходимо увеличение темпов экономического роста и повышение доходов населения, однако их действия в этом направлении объективно вызывают увеличение выбросов CO₂ и нарастание экологических проблем. Развитые страны используют передовые технологии, внедряют экологичные производства в своих границах, переводя грязные производства в страны периферии. Следовательно, введение жестких экологических стандартов выгодно развитым странам, поскольку создаст дополнительные ограничения для развивающихся стран. Последним требуются освоение, внедрение и развитие современных технологий, которые обеспечивают энергосбережение и снижение экологической нагрузки на окружающую среду, при сохранении экономического роста [Малков и др. 2018]. Мы не можем сказать, что развитые страны повсеместно в своих границах внедряют экологически чистые производства. Для нас главное другое – в условиях существования патентного права неудивительно, что третий мир испытывает дефицит передовых технологий. Значит, призывы к сбережению экологии и основанные на них стандарты – всего лишь элемент лицемерной политики, еще в большей степени закабаляющей третий мир.

Защита прав собственности, распространяющаяся на некоторые объекты, оборачивается социальным вредом в самом ощутимом смысле. Когда та или иная корпорация патентует созданное лекарство, она пользуется своим монопольным положением и решительно противодействует тому, чтобы кто-то производил и распространял аналогичное лекарство по сниженным ценам. Результат – недоступность данного лекарства для бедных слоев населения и огромных масс людей из стран третьего мира со всеми вытекающими последствиями: страдания, болезни, смерти. Патентование выходит за границы здравого смысла, когда распространяется на лекарства, генетические коды, природные ресурсы, идеи, знания, технологии или же на созданные рабочими, но присвоенные капиталистом продукты.

Система защиты интеллектуальных прав собственности, защищая правообладателей от возможных конкурентов, тормозит технологический прогресс в целом. Его же тормозят многие внешнеполитические действия мирового гегемона, которые мы тезисно опишем ниже. Глобальный капитал не хочет иметь сильных конкурентов в лице богатых обществ, достойно управляемых национальными правительствами.

На протяжении десятилетий мы наблюдаем реальную поистине глобализационную политику американских элит и сращенного с ними глобального капитала, которая совсем не соотносится с постулатом. Они:

– «сажают» целые народы на экономические удавки с помощью МВФ и Всемирного банка, требуют проводить антинародные неолиберальные реформы: открытие экономики, отказ от протекционизма, предоставление рынка для глобального капитала, сокращение социальной политики и всяческой помощи малоимущим и необеспеченным слоям населения, повышение тарифов ЖКХ, рост цен, снижение финансирования образования и медицины и т. д. (это происходит сегодня с Украиной). За бесценок выкупаются активы стран-мишеней, а последние втягиваются в кредитные долги. После этого экономика превращается в руины, народ терпит социально-экономическое бедствие, экономическая поляризация увеличивается, национальные активы уходят в руки транснационального капитала, а долг стран перед организациями типа МВФ растет. Неолиберализация также снимает преграды с развития сектора спекулятивного капитала, и огромные средства стран вместо реального производительного сектора (способного реализовывать прогрессивные в технологическом смысле проекты) переходят в пользование глобальных спекулянтов;

– совершают государственные перевороты, после которых в поверженных странах происходит интенсификация неолиберальной политики, результат чего – обнищание народа, рост имущественного расслоения, развал экономики, утрата госсуверенитета и переход национальных богатств в правление внешних по отношению к странам-мишеням сил;

– поддерживают террористические правительства, диктаторов и даже открытых фашистов у власти (М. Сухарто, С. Мобуту, А. Пиночет, А. Сомоса, М. Саакашвили, П. Порошенко, Ж. Болсонару и др.), которые в своих странах проводят экономическую политику, выгодную для американских элит и транснациональных корпораций, а не для собственного народа;

– вооружившись выдуманными предлогами, бомбят неугодные страны (Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия и т. д.), тем самым растапывая международное право, после чего в странах-мишенях пытаются установить те же колониальные неолиберальные порядки;

– стимулируют правительства покупать американские гособлигации, подчиняют центральные банки суверенных стран Федеральной резервной системе США, обязывая их накапливать доллары для того, чтобы эмитировать свою валюту. Вашингтон сподвигает национальные правительства хранить валютные резервы в долларах и в американских банках. Все это ограничивает финансовые возможности стран. Соединенные Штаты силой заставляют поддерживать спрос на доллар, обязывают мир осуществлять торговые сделки именно за доллары;

– пытаются насаждать глобализованную массовую потребительскую культуру и так называемый западный образ жизни (подрывающие жизнеспособность обществ) в разных регионах мира. Ради сохранения и приумножения своих могущества и богатства американские элиты, как некогда европейские, навязывают миру свои ценности, вполне расистским образом выдавая их за универсальные;

– демонизируют в мировых СМИ неугодные им страны только за то, что те имеют «наглость» отстаивать свой суверенитет; в ход идут ложь, клевета, подмена понятий и прочие сугубо аморальные методы. Соединенные Штаты оказывают давление на другие страны, чтобы они присоединились к политической и экономической блокаде неугодных;

– поддерживают откровенных террористов и головорезов (афганские моджахеды во времена советско-афганской войны, антироссийски настроенные чеченские террористы в 1990-х и 2000-х гг., ИГ* сегодня) и создают «управляемый хаос» в масштабных регионах.

Вместо социальных государств глобальным силам необходимы социально безответственные, утратившие государственный суверенитет структуры, управляемые тем же транснациональным капиталом. Чем более государство социально, тем больше оно расходует деньги на общественные нужды и, соответственно, тем меньше средств от него может получить глобальный бизнес. Отсюда и многочисленные призывы мировых элит и их интеллектуальной obsługi к демонтажу госсуверенитетов, к либерализации экономик, что якобы необходимо в условиях глобализации. И везде, куда ступает нога американского солдата, финансиста или профессионального революционера, наступают хаос, разруха, экономический спад и обеднение населения. Вместо демократизации и экономического процветания в странах-мишенях происходят совершенно противоположные процессы. Американские элиты считают свои так называемые интересы (на самом деле интересы глобального капитала, антагонистичные интересам народа) стоящими выше национальных интересов других стран. Они даже приоритетнее международного права, которое США, как некогда нацистская Германия, игнорируют, осуществляя военные, экономические и дипломатические интервенции в дела суверенных стран и наделив себя возможностью проводить превентивные войны, указывающие на установление права сильного в качестве нормы. Описанные факты идут вразрез с постулированным тезисом об эффективном использовании ресурсов человечества.

По мысли Н. Н. Никулина, современная западная цивилизация живет «по Бэкону», который является одним из наиболее известных представителей гностицизма. Очевидно, автор не берет в расчет стремительное падение западного образования, его деинтеллектуализацию, равно как возрождение на Западе самых глупых мифов; распространившаяся сегодня необоснованная русофобия – один из наиболее наглядных примеров [см.: Ильин 2017; 2018а; 2018б; 2018в; 2018г]. Все это сильно отдаляет «цивилизованный» мир от гностических традиций.

Существенной чертой прогресса Никулин именуется стремление к унификации и стандартизации большинства сфер жизнедеятельности человека. Это весьма странный тезис: просто трудно представить, что он был написан всерьез. Неужели стандартизацию в культуре, тенденцию к приведению культур к единому знаменателю (по счастью, пока не наступившему), происходящую американизацию в самом широком смысле стоит считать прогрессом? Также демонтаж различных обществ в сторону формирования стандартизированных обществ потребления с господствующим внеинтеллектуальным, аморальным, эгоистичным типом человека-потребителя явно не является прогрессивной тенденцией. Учитывая этот тезис Никулина, с аналогичным успехом можно любой регресс назвать прогрессом. Это, собственно, и делают некоторые российские чиновники, когда донельзя бюрократизируют и содержательно выхолащивают систему образования, переводят ее на интеллектуально дефицитный европейский стандарт, заваливают препо-

* Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

давателей обширными объемами ненужной бумажной деятельности и называют эти реформы прогрессивными.

Н. Н. Никулин пишет, что идеология прогресса стала оружием Запада и проникает во все иные страны, стремление жить дольше и лучше распространяется вширь, а развитие науки и техники в значительной степени укрепляет такую возможность, и этот путь ведет к объединению человечества. Банально говорить, что между выдвигаемой на суд общественного мнения идеологией и реальными действиями далеко не всегда присутствует комплементарная связь. Так, американцы, иницируя крайне вероломную внешнюю политику, постоянно говорят о том, что несут демократию и экономический подъем. Но риторика о деятельности и последствиях самой деятельности катастрофически разнятся.

Приведенные выше факты об американском вероломстве отлично показывают, что если какой-нибудь актер вооружается идеологией, это не значит, что он действует сообразно с ней. Американские элиты и сращенные с ними деятели транснационального бизнеса (эти основные движущие силы современной неолиберальной глобализации) не признаются честно, что их цели – демонтировать социальные государства таким образом, чтобы ресурсы от обществ уходили в карман глобального правящего класса, дестабилизировать мир, чтобы инвестиции шли в «тихую гавань» (США, Великобритания и т. д.), противодействовать появлению любых геополитических и экономических (в том числе вооруженных новыми прогрессивными технологиями) конкурентов, обеспечивать себе власть над человечеством. Всегда социально вредные цели подменяются красивой социально полезной риторикой. Никулин не учитывает в своем анализе реальные тенденции, при которых влиятельные акторы глобализации абсолютно вероломно устраивают войны и экономический грабеж, ограничивают прогресс в том числе «защитой интеллектуальных прав собственности».

В общем, Н. Н. Никулин рассматривает глобализацию не так, как она осуществляется, а так, как она декларируется. Но между декларациями (идеологией) и реальными – огромная пропасть. Выстраивание анализа исключительно на декларативных предпосылках, в обход реальных фактов, превращает анализ в оторванную от жизни идеологизацию. Изначально опровергнутая и опровергаемая глобальной реальностью гипотеза выдается за теорию, описывающую эти реалии.

Жить дольше и лучше хотят все, но с учетом усиленной деиндустриализации, которую совершает глобальный капитал в огромных регионах мира, вбрасывая немалую часть человечества в состояние неразвитости, весьма странно выглядит мысль Никулина, будто развитие науки и техники дает соответствующую возможность. Такое влияние на страны и регионы указывает на разъединение человечества, но никак не на его объединение, которое постулирует Никулин. Для монополистов – да, для всех остальных – нет. Дары тех же НБИК-технологий будут доступны далеко не каждому.

Н. Н. Никулин рассматривает глобализм в качестве объединения человечества ради решения задачи Спасения на гностическом пути. Глобализация, по его мнению, отвечает интересам отдельных людей и человечества в целом. Аналогичным образом можно было бы постулировать, например, следующую мысль: рост имущественного расслоения на глобальном уровне и расширение бедности в мире – свидетельства того, что глобализация идет по пути сокращения поляризации

и борьбы с бедностью. Конечно, внимательный читатель заметит абсолютную абсурдность этой мысли. Хотя, надо сказать, некоторые апологеты происходящей неолиберальной глобализации типа Дж. Бхагвати совершенно серьезно выдвигают похожие тезисы. Взгляд на многочисленные преступления перед человечеством, совершаемые глобальным капиталом и его союзниками в лице западных (прежде всего американских) элит, заставляет рассматривать глобализм совсем иначе, чем это делает Никулин. Глобализм (по крайней мере распоясавшийся сегодня неолиберальный глобализм) представляет собой идеологию и практику обретения транснациональным капиталом абсолютной власти и благосостояния — за счет стран и народов. И никакие реально происходящие тенденции не дают повода думать, что если руководителям транснациональных корпораций и держателям глобального финансового капитала дать власть, они переведут мир в режим демократии, выравнивания доходов и сокращения имущественной поляризации на общепланетарном уровне. А вот тенденций, указывающих на обратные процессы, настолько много, что их просто невозможно перечислить и содержательно описать в рамках ограниченной печатной работы. Важно обратить внимание хотя бы на следующий факт: управители транснационального капитала, в отличие от государственных чиновников, не несут никакой ответственности перед народами и их интересами; они никем не избираются и никому ничем не обязаны. Им приносит выгоду сворачивание социальных государств, ибо чем больше государства работают в интересах вверенных им обществ, тем меньшую прибыль получает транснациональный капитал. Можно постулировать объединение человечества, но это — *объединение в бесправии* противопоставить себя алчному капиталу, сталкивающему народы в войнах и выбрасывающему страны на обочину развития. Если бы мы являлись свидетелями другого типа глобализации, например, социально-демократической или социалистической, у нас имелся бы легитимный повод ожидать от нее позитивных эффектов для человечества и рассматривать ее в оптимистичном ключе. Но мы видим реализацию совсем иного макропроекта.

Открытость национальных государств, взаимосвязи во всех областях общественных отношений видятся Никулиным необходимой основой решения индивидуальных и общечеловеческих задач. Это видение напоминает мировоззрение перестроечных времен, согласно которому стоит открыть советскую экономику, а заодно в одностороннем порядке сдать свои позиции, вывести войска из Восточной Европы, и придет спасение от разных бед. Открыли, вывели, сдали, в результате получили наислабейшую страну с массой проблем и упадком былого величия. Причем мы уступили, а наши оппоненты не совершили никаких уступок взамен, отправили чикагских советников руководить российской экономикой так, чтобы народ был ввергнут в бедность, а тем временем НАТО придвинулось к российским границам. Не предлагает ли Н. Н. Никулин снова совершить трагичную ошибку? Сегодня Украина открыла свое государство; катастрофичность итогов перечислять не буду, это займет слишком много места. Представители глобально управляющего класса давно постулируют «несправедливость», что Россия держит в своих руках огромные природные богатства, и призывают ее передать эти ресурсы в общечеловеческое пользование. Эти деятели придумали свой новояз, которому Дж. Оруэлл позавидовал бы, и концепт «общечеловеческое пользование» означает «эксплуатацию глобальным бизнесом». Открытость националь-

ных государств, взаимосвязи во всех областях общественных отношений – необходимая основа решения вовсе не общечеловеческих задач, как думает Никулин, конечно, если под общечеловеческими не понимать узкокорпоративные. Не стоит поддаваться соблазну новояза, который используют глобалисты.

Немецкий политолог Клаус Зегберс утверждал, что альтернативных макропроектов нет и вестернизации и рынку сопротивляются только неисправимые фундаменталисты. Н. Н. Никулин предполагает, что Зегберс прав. Но ведь не так давно в поле интеллектуальной моды находился Ф. Фукуяма, который постулировал совершенно западочентричный тезис о конце истории, о конце войн и безальтернативности либеральной демократии. Фукуяма ошибся, причем ошибся действительно глобально. Стоит ли абсолютно ошибочные тезисы снова возводить на пьедестал, игнорируя экономические, политические и геополитические факты, указывающие на их несостоятельность? Близорукость – вовсе не достоинство. Если Зегберс, Фукуяма и их современные последователи говорят об отсутствии альтернатив вестернизации и рынку, это не означает действительного отсутствия макропроектов. Это просто значит, что данные деятели не хотят этих альтернатив видеть. Фраза же Зегберса о том, что сопротивляются вестернизации и рынку только неисправимые фундаменталисты, – откровенная ложь. Разве можно назвать фундаменталистами таких (совершенно различных) авторов, как М. Делягин, А. Фурсов, Н. Хомский, Н. Кляйн, С. Амин, У. Энгдаль, Дж. Стиглиц? Если они фундаменталисты, трудно предложить в нормативном ключе достойный эпитет, который бы характеризовал сторонников современной глобализации. Перечисленные авторы, в отличие от идеологов неолиберализма, именно беспристрастно анализируют реальность, не прибегая к инсинуациям, замалчиванию глобальных фактов, идеологизации и прямой лжи.

Н. Н. Никулин заявляет, что по отдельным проявлениям капитализма не стоит делать вывод о его безнравственности. По отдельным проявлениям не стоит, а по общему характеру капиталистического гегемонизма вполне можно делать такой вывод. Так, многие социологические исследования показывают, что именно после переориентации нашей страны на капиталистический путь уровень нравственности серьезно снизился. Непонятно, о какой высокой нравственности можно вести речь, когда вместо коллективизма проповедуется индивидуализм, вместо служения общему благу (каким бы смешным этот концепт ни выглядел) – потребительство, вместо культа труда – культ развлечений, вместо социально полезной деятельности – та, где хорошо платят (даже если она социально вредна). Достаточно обратить внимание на моральную состоятельность современных СМИ, чтобы прийти к мнению об ошибочности тезиса о нравственности капитализма. Не имеющая никаких ограничений коммерческая реклама пронизывает все сферы жизни, активно манипулирует, подрывает рациональное сознание, ставит потребительство во главе системы ценностей, прививает эгоизм и гедонизм. Ток-шоу проповедуют все тот же эгоцентризм, индивидуализм, сексуальную распушенность. Если все эти медиатенденции считать морально состоятельными, безусловно, капитализм укладывается в нравственное поле – сугубо капиталистической нравственности.

Никулин выражает согласие со словами Франсуа Фюре, что либерализм, коммунизм и фашизм, вышедшие из чрева Революции и из эпохи модерна, насто-

ящей альтернативы друг другу не несли и были в равной степени одержимы революционаризмом. Этот тезис напоминает русофобскую традицию, которая уравнивает фашизм и коммунизм и тем самым принижает героизм победы Советского Союза над фашистской чумой. Никулин далее называет коммунизм и капитализм однокачественными явлениями истории с точки зрения высшей цели для человека, что вытекает из их одинакового взгляда на нерелигиозный путь спасения. Мы видим здесь логическую ошибку, поскольку коммунизм и капитализм нельзя сравнивать, исходя только из одного критерия – их воззрений на путь спасения (которые были различны). Все названные проекты кардинально отличались друг от друга идеологически. Современный либерализм мало связан с идеей защиты равенства прав, суверенности личности, свободы слова и печати. На сегодняшнем этапе либерализм – это идеология приватизации, отхода государств от социальной политики, открытия экономик перед транснациональным капиталом, функционирования государств в интересах последнего. Фашизм и либерализм – проекты капиталистические. В отличие от них коммунизм – проект антикапиталистический, выступающий за социальную справедливость.

При обсуждении фашизма и коммунизма речь стоит вести о двух совершенно разных режимах, которые кардинально отличаются целями, образами будущего, методами влияния на людей, представлениями о добре и зле. Естественно, по всем этим параметрам фашизм отличался антигуманностью, танатальностью, манипулятивной изощренностью и мифологичностью. Советский режим был антибуржуазным, антикапиталистическим и бесклассовым. Немецкий режим являлся капиталистическим, буржуазным, с классовым разделением. Коммунизм не был носителем идеологии расового превосходства. В нем отсутствовала идея избранности одной расы или национальности и призыва к истреблению других рас/национальностей. Коммунизм ставил прогрессивную цель – развитие людей всего мира, освобожденных от классовой эксплуатации. Фашизм, наоборот, преследовал совершенно архаичную цель угнетения народов, уничтожения целых наций и провозглашал идею глобальной сегрегации народов и рас. Фашизм имел идеологию «для себя» и идеологию «на экспорт», то есть предполагал властвование одного народа за счет других, которые призывались и принуждались к подчинению «для их же блага». Коммунизм имел одну идеологию для всех: СССР давал солидарным с ним странам то, что имел сам, и стремился построить в них то, что строил у себя. Различие в гуманистическом содержании очевидно.

Когда идеологи и политики «цивилизованного» мира обрушивались с критикой на творимые в СССР нарушения прав человека, их заботили вовсе не права и демократические свободы, о чем свидетельствуют оды, воспеваемые в адрес капиталистических диктаторов. Советский Союз воплощал в себе альтернативный путь развития, да еще таил в себе риск того, что эта альтернатива будет распространяться с глобальным охватом. Капиталистический гегемон не мог позволить, чтобы его антагонист, наступающий на все святыни капитализма, развивался и расширял свое влияние. Капитализму приходилось подстраиваться к социализму, поддерживать трудящихся, ослаблять угнетение и эксплуатацию, осуществлять поддержку слабо защищенных слоев населения, перераспределять блага в интересах трудящихся, способствовать росту жизненного уровня общества в целом. Благодаря самому существованию Советского Союза в разных странах

использовалось экономическое планирование, а политический спектр в том числе на капиталистическом Западе претерпевал тенденцию к полевению. В общем, верхам капиталистического мира приходилось серьезно делиться с народом и тем самым максимизировать издержки. В ином случае жители капиталистического мира стали бы с завистью смотреть на социалистический мир с его правами трудящихся, относительным равенством в уровне жизни и социальной справедливостью. Благодаря СССР, воплощавшему социалистическую идею справедливости, возродились вполне успешные антиколониальные движения в мире. Даже те из них, которые не получали никакой помощи от Советского Союза, наполнялись энтузиазмом, глядя на воплощенное в жизнь общество социальной справедливости. То есть просто наличие на геополитической арене такого общества уже являлось весомым мотивирующим фактором для развития антиколониализма. Одним словом, СССР способствовал промышленной модернизации, деколонизации и движению к социальной справедливости в разных странах – даже в тех, движениям которых он не выделял никакой помощи. Поэтому взгляды, высказанные Никулиным, далеки от истины.

Обратимся к еще одной статье – кандидата философских наук, члена Союза российских писателей А. В. Кацуры. Он пишет: «Казалось бы, мы, россияне, как вменяемые и здравомыслящие люди должны относиться к Штатам пусть и критично, но вполне на уровне здравомыслия и даже благожелательно. Почему бы нет? В конце концов, это самая старая и деятельная демократия, которая, пусть не без ошибок и серьезных просчетов во внешней политике, все же стремится к некоему разумному мироустройству. Ведь всякому здравомыслящему человеку понятно, что идея о том, будто Америка хочет захватить или подмять под себя весь мир, лжива и пуста. Ибо желание предложить миру свою модель (успешную на протяжении двух с половиной столетий) не совпадает с формулой “захватить и подмять”» [Кацура 2017: 98–99]. Видимо, многодесятилетняя история США автора этих строк совершенно не смущает. Странно называть разумным мироустройством страдания и обнищание целых народов из-за устроенных Соединенными Штатами госпереворотов, экономических удавок неолиберализации, бомбежек как стран, так и самого международного права. Видимо, мы должны относиться к Соединенным Штатам доброжелательно, несмотря на то, что они внесли огромный вклад в катастрофизиацию и разорение Украины, в поддержку украинского нацизма, в масштабирование откровенно русофобского нарратива. Вашингтон буквально захлебывается в абсолютно необоснованных обвинениях России; вспомним официально провозглашаемые смехотворные фразы о влиянии РФ на президентские выборы в США, о российской агрессии. Да, желание предложить миру свою успешную модель не совпадает с захватом, но кто сказал, что миру предлагается именно та модель, которая господствует в самих Соединенных Штатах? Кто сказал, что они действительно желают предложить миру успешную для него модель? Естественно, агрессоры, уничтожающие суверенитет ряда стран и грабящие их своими требованиями открыть экономики и приватизировать государственность, всегда будут использовать «риторику добра и демократии». Однако слова и действия – вещи разные.

А. В. Кацура пишет, что благожелательность к США проявлена лишь в верхних слоях российского общества, где присутствуют воспитание и образование,

а также общедемократические ценности и склонность к анализу. Кацура идет здесь на откровенную манипуляцию. Получается, в других – нижних и нетолерантных к заокеанской стране – слоях данных признаков не наблюдается. Этот тезис напоминает привычные и порядком надоевшие мантры российских либералов в стиле: «Мы хотели как лучше, но наш народ (которого нередко либералы называли быдлом) глуп и несовременен». Тем более не стоит путать предательскую толерантность к мировому гегемону с образованностью, воспитанностью и демократизмом. В истории России уже были деятели из верхних слоев, которые поступили как национальные предатели, развалив СССР и отдав страну в руки США и транснациональной корпоратократии. То, с какой тщательностью последние экспроприировали ресурсы России, заслуживает отдельной истории. Пришедшие к власти в РФ либералы, действуя в интересах транснационального капитала, последовательно продавали за бесценок активы за рубеж и уничтожали отечественную промышленность, тем самым ликвидируя конкурента транснационального бизнеса. Но Кацура утверждает, будто историческая Россия от поражения коммунизма только выиграла, приобретя невиданную свободу. Совсем нецелесообразно называть выигрышем и свободой почти полную утрату государственного суверенитета, демодернизацию, переход Центрального банка под диктат Федеральной резервной системы США, тотальный рост неравенства, лавиноподобное расширение бедности. Если все это – выигрыш, само воображение не позволяет представить, что могло бы именоваться проигрышем. Поэтому не стоит радоваться тому, что некие персоны из высшего слоя толерантны к нашему геополитическому противнику. Ведь история может повториться, и Россия, до сих пор не затянувшая раны от лихих 90-х, рискует снова вернуться под «заботливый» американский диктат, всегда почему-то влекущий за собой падение уровня жизни «демократизированного» населения.

А. В. Кацура высказывает претензии в адрес тысяч ядерных боеголовок России и утверждает, будто наша страна ради возврата прежних колоний готова к откату от соблюдения международного права и к локальным войнам. Впервые, ядерные боеголовки нужны нам как никогда. Если бы наши геополитические противники проявляли миролюбие, никого не бомбили, не бряцали оружием и отказались от оружия массового поражения, тогда еще можно было бы согласиться с данной претензией. Но США тратят на милитаризацию около 700 млрд долларов в год, что почти соответствует военному бюджету всего мира; Кацура не подвергает этот факт никакой критике. По сравнению с такой военной мощью российский милитаризм представляется высшей формой пацифизма. Заодно следует вспомнить слова Слободана Милошевича, сказанные им на Гаагском суде: «Русские! Я сейчас обращаюсь ко всем русским – жителей Украины и Беларуси на Балканах тоже считают русскими. Посмотрите на нас и запомните – с вами делают то же самое, когда вы разобщитесь и дадите слабину. Запад, эта бешеная собака, вцепится вам в горло... Братья, помните о судьбе Югославии! Не дайте поступить с вами так же!» [Слободан...]. Для выполнения вполне обоснованного завета Милошевича необходима сильная военная инфраструктура. Да, милитаризм – достойный объект для критики, но все познается в сравнении, в контексте. И когда мы сравниваем разные страны по степени милитаризации и вероломного вмешательства в дела других государств, Россия тут просто ни при чем.

Во-вторых, России никогда не принадлежали никакие колонии. Если наша страна и совершала экспансию, обитатели «колонизированных» земель «подтягивались» до уровня жизни в самой России, в этих землях осуществлялось развитие, строились школы и больницы, возводилась вся необходимая для жизни инфраструктура. В отличие от нас, европейцы постоянно грабили свои колонии. Так, британцы устраивали голод в Индии, наркоманизировали Китай, завоевывали Поднебесную, когда та отказалась принимать ввозимый Британией опиум. Страны метрополии блокировали всякое развитие своих колоний. Глупо на этом неприглядном фоне европейской истории говорить о каком-то российском колониализме.

В-третьих, неясно, какие локальные войны готова вести Россия. Видимо, за неимением фактов Кацура предпочел оставить этот тезис без конкретизации. Получился безосновательный бросок грязью. Конечно, Россия готова вести войны – сугубо оборонительные. Так и должно быть, ибо добро без кулаков рискует быть ликвидированным. А вот наши западные «партнеры» обычно ведут наступательные войны. Однако Кацуру это не интересует. Его позиция напоминает точку зрения либералов, согласно которой Запад имеет право на любую агрессию по отношению к кому угодно, а Россия лишена права даже на оборону, которая в современных условиях крайне важна.

В-четвертых, от международного права давно отказался именно мировой гегемон – вспомним его интервенцию в Югославию, Афганистан, Ирак и Сирию, обошедшую международное право. Россия подобной агрессии не совершала. Помимо оправданных обвинений в нарушении норм международного права, США заслуживают того, чтобы рассказать о присущей им недоговороспособности. Не предоставив никаких доказательств того, что Иран принял за активную реализацию ядерной программы, Соединенные Штаты в одностороннем порядке разорвали ядерную сделку с этой страной и встали на путь возвращения санкций против Ирана и тех стран, которые с ним торгуют. Тем самым они продемонстрировали недоговороспособность и безответственность, связанную, во-первых, с неуважением к собственным обещаниям, во-вторых, с отсутствием привычки хотя бы как-то обосновывать свои обвинения. Ведь они, как обычно, под фиктивным предлогом просто отказались от своих обязательств. Эта сделка ограничивала активность Тегерана в ядерной сфере в обмен на снятие ограничительных мер, вводимых США и Евросоюзом.

Недоговороспособность США подтверждается многими историческими фактами. Это нарушение ими мирного договора с Вьетнамом 1954 г. и создание в Южном Вьетнаме проамериканского правительства, которое было диктаторским, не брезговавшим ни пытками, ни убийствами, ни запретом политических партий, собраний и даже танцев в общественных местах. Это поддержка в дальнейшем южновьетнамского режима, нарушающего Парижские соглашения методами репрессий и вооруженного захвата вьетнамских земель. Это волюнтаристский, совершенный без всякого предупреждения, отказ Никсона в 1971 г. от международных обязательств в соответствии с Бреттон-Вудскими соглашениями конвертировать доллар в золото, в результате чего иностранные держатели долларов потеряли право на золотой обмен. Это отказ от данного Горбачеву в обмен на ликвидацию Варшавского договора обещания не приближать НАТО к советским

границам. Это односторонний выход из обговоренных с Россией обязательств отказаться от создания систем противоракетной обороны; под мошенническим предлогом опасности терроризма после 11 сентября Дж. Буш разорвал договор по ПРО с Россией. Это и обещание, данное Б. Обамой Д. А. Медведеву, что если в Совете Безопасности ООН Россия откажется от наложения вето на проведение военной операции против Ливии, со стороны США не будет проявлено стремления лишить М. Каддафи его полномочий. Американские и некоторые европейские элиты проявили недоговороспособность, когда пообещали В. Януковичу, что если он пойдет на уступки Майдану, то останется у власти. К недоговороспособности США относится их стремление защитить свой рынок различными барьерами и пошлинами; а как же Всемирная торговая организация и свободный рынок, в который Соединенные Штаты так рьяно затаскивали мир? Недоговороспособность США проявилась во введении ими против России санкций, которые нарушают нормы ВТО и выступают нерыночным методом давления на конкурентов.

К приведенным пунктам стоит присовокупить недавнюю историю о намерении США выйти из договора с Россией о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Соединенные Штаты обвинили Россию в нарушении условий договора – именно когда США строят свою военную инфраструктуру почти во всем мире. Когда С. Шойгу отправил в Пентагон предложение обсудить разногласия по ДРСМД, американская сторона отреагировала очередным бездоказательным обвинением в несоблюдении договора – без конкретизации фактов. Причем Пентагон отказался обсуждать разногласия. Получается странная логика: Россия предлагает разговаривать, а США намекают, что РФ не заинтересована в соблюдении договора. Зачем тогда она стремится договориться? У США нет аргументов, доказывающих позицию, что Россия нарушает договор, поэтому американцы предпочитают продолжать клеветать в прессе и отмалчиваться, когда дело касается официальных запросов. Следом за ними этот русофобский тезис подхватывает «цивилизированный» мир. Так, генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг в январе 2019 г. призвал Россию вернуться к соблюдению ДРСМД (до этого госсекретарь США М. Помпео озвучил аналогичный призыв) [Будут...]. Само такое воззвание означает обвинение России в нарушении договора.

Далее А. В. Кацура постулирует необходимость стратегического союза между США и РФ – союза ради пользы всех, для процветания мира. Только непонятно, каким образом он возможен. Согласно традиционной точке зрения, в конфликте стороны могут договориться, если желают договариваться. Здесь же одна из сторон – США – не желает договариваться на равных. На это указывают массивная программа русофобии, экономические санкции, разные средства давления. Своей агрессивной внешней политикой они на протяжении десятилетий показывают, что воспринимая другие страны в качестве вассалов, а не полноценных союзников. В свое время горбачевское руководство решило договориться, после чего произошло поражение нашей страны перед мировым гегемоном, который неплохо обогатился за счет РФ и благодаря падению геополитического конкурента развязал себе руки в деле дальнейшего наступления на интересы стран и народов. Союз с США означает сдачу позиций, тем более Кацура прямо пишет, что видит в этом союзе продолжение союза Атлантического. Поэтому соответствующее предложение выглядит не просто как утопия, а как катастрофическая для

России утопия. Автор отмечает три причины того, почему высказанное им «союзное» предложение многими будет не понято и не принято: 1) экономическая слабость России; 2) РФ кичится военной силой и неадекватно, по-хулигански себя ведет (а вероломство США, значит, оправданно?); 3) гнездящееся в разных уголках планеты недоверие, даже нелюбовь к Америке. Здесь автор снова пытается манипулировать, так как вторая из высказанных им причин ложна. К тому же им (думаю, сознательно) не была названа действительная причина невостребованности его предложения – реальный характер внешней политики США. Именно из-за нее в разных уголках Земли «разбухает» нелюбовь к Америке.

Интересно, сколько еще стран должны разграбить американские элиты, сколько стран подвергнуть бомбардировкам, где еще поддержать нацизм, до какого уровня раскрутить маховик русофобии, чтобы соответствующие авторы наконец-то взглянули правде в глаза? Можно долго высмеивать антиамериканский поворот в российских СМИ, подвергать остракизму российский патриотизм, называть его великодержавным шовинизмом, но агрессивность мирового гегемона за остротой ехидства и сарказма не скрыть.

Воззрения, раскритикованные нами выше, являются не просто заблуждениями и кощунственными фразеологическими изысками. Они – опасные заблуждения. Опасны они так же, как и заблуждения, распространяемые геополитическими оппонентами (правильнее сказать, врагами) России на территории нашей страны с целью завлечь общественное сознание россиян ложной, капитулянтской идеологией. В условиях геополитической борьбы, войны, развязанной коллективным Западом против России, эти взгляды таят в себе огромный разрушительный потенциал. Аналогичный потенциал таили проамериканские взгляды, которые тиражировались в позднем Советском Союзе и стали одной из причин его развала и передачи нашей страны в руки оппонента со всеми вытекающими отсюда последствиями – катастрофическими потерями в экономике, госсуверенитете, народном благосостоянии. Мы эту идеологическую инъекцию прошли тогда, и не хотелось бы, чтобы российский народ снова проникся идеями атлантизма и неолиберального глобализма. Принимая риторику своего оппонента, он делает шаг к поражению.

Литература

Бауман З. От агоры к рынку – и куда потом? // Свободная мысль. 2010. № 8. С. 73–86.

Бауман З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Бекетов Н. В. Глобализация как процесс формирования информационно-экономического пространства: социальные аспекты развития мировой и национальной экономических систем // Век глобализации. 2009. № 1. С. 28–32.

«Будут проблемы»: НАТО дает России «последний шанс». 2019 [Электронный ресурс] : Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/01/04_a_12118657.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

Ильин А. Н. Френсис Фукуяма: ради идеологически нагруженной русофобии все средства хороши [Электронный ресурс] : Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 2. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/461>.

Ильин А. Н. «Дело Скрипаля»: пустое фантазматическое повествование русофобствующей речи. 2018а [Электронный ресурс] // Геополитика.ru. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/delo-skripalya-pustoe-fantazmaticheskoe-povestvovanie-rusofobstvuyushchey-rechi>.

Ильин А. Н. Русофобия. С предисловием Николая Старикова. СПб. : Питер, 2018б.

Ильин А. Н. Русофобия – инструмент информационной войны // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этносов: сб. тр. Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.) / под науч. ред. проф. В. Ш. Сабирова; СибГУТИ. – Новосибирск : СибГУТИ, 2018в. С. 259–269.

Ильин А. Н. Русофобия как содержательно пустая идеологическая позиция Запада // Информационные войны. 2018г. № 4. С. 13–19.

Кацура А. В. Демократия против социализма. Борьба двух исторических проектов объединения человечества // Век глобализации. 2017. № 2. С. 93–110.

Лукьяненко В. И., Хабаров М. В., Лукьяненко А. В. Homo consumens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.

Малков С. Ю., Билюга С. Э., Власова А. Ю. Энергоэкологические проблемы глобального развития: опыт количественного анализа // Век глобализации. 2018. № 2. С. 72–88.

Никулин Н. Н. Гностические основания процесса экономической глобализации // Век глобализации. 2018. № 2. С. 16–27.

Слободан Милошевич оправдан в Гааге! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4955658/post396262983/>.

Хлопкова О. В., Клементьев А. С. Возможна ли секуляризация ислама? (Взгляд на трансформации религиозности в контексте глобализации) // Век глобализации. 2018. № 2. С. 140–149.

ИМПЕРАТИВ ВОЗВРАТА К НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФУНДАМЕНТ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА

Спиридонова В. И.*

В статье проводится разграничение двух ракурсов глобализации – технологически-экономического и идеологически-политического. Вторая разновидность именуется культурной, или «счастливой глобализацией», и стремится к распространению общеевропейской модели на все человечество. Рост новых мировых центров силы, их желание выстроить собственную идентичность, отличную от европейской, а также внутриевропейские проблемы: провал политики мультикультурализма, рост «дистанционного национализма», востребованность внутринациональной солидарности – заставляют мыслителей Запада вновь обратиться к идее национального государства. Признавая неизбежность многополярного мироустройства, автор переносит акцент на реконструкцию национальной идентичности внутри Европы в целях сохранения собственных ценностей.

Ключевые слова: глобализация, общечеловеческие ценности, многополярный мир, мультикультурализм, гражданство, национальная идентичность, национальное государство, солидарность.

In the article the author distinguishes between two perspectives of globalization – technological-economic and ideological-political. The latter type is called a cultural, or “a happy globalization”, and seeks to spread the pan-European model to the whole humanity. The growth of new world “centers of power”, their aspiration to build their own identity different from the European one, as well as the internal European problems – the failure of multiculturalism policy, the growth of “remote (distance) nationalism”, the demand for domestic solidarity force Western thinkers to turn again to the idea of a Nation-State. Recognizing the inevitability of a multipolar world order, the author shifts the emphasis to the reconstruction of national identity within Europe in order to preserve its own values.

Keywords: globalization, universal values, multipolar world, multiculturalism, citizenship, national identity, Nation-State, solidarity.

Введение

Главным камнем преткновения для победного шествия глобализации сегодня стала проблема возросшего «спроса» на идентичность в мире, нарастающий императив реконструкции идентичности. Долгий спор о неизбежности «смерти государства-нации» в условиях универсализации мирового пространства, развер-

* Спиридонова Валерия Игоревна – д. ф. н., г. н. с., руководитель сектора философских проблем политики Института философии РАН. E-mail: vspirid@yandex.ru.

нувшийся в конце XX столетия, сегодня получил неожиданный поворот. Национальное государство не только продолжает быть главным актором на геополитической сцене, ему прочат стабильное будущее и ведущую роль в мировой политике. Прогрессивные европейские авторы признают перспективу многополярного мироустройства как неизбежность грядущего развития и в этой связи – рост национального самосознания и, соответственно, роли государства как центра формирования устойчивой идентичности.

Два аспекта глобализации

В работах современных авторов отчетливо различаются две ипостаси глобализации. Первая – это технологически-экономический ее контекст. Вторая – идеологически-политический, именуемый иначе «счастливой глобализацией» (*mondialisation heureuse*), которая, по мнению ее приверженцев, могла бы дать всем людям в равной мере мир и процветание. Долгое время считалось, что первый аспект глобализации должен способствовать успешному продвижению второго, однако реальность опрокинула эти надежды. Если успешное продвижение новейших технологий и коммуникаций, в первую очередь из области ИТ, которые представляют фактически новую промышленную революцию, никто не подвергает сомнению и, более того, приветствует, то вторая область – культурная и национально-идентификационная – являет собой серьезную проблему. «Счастливая глобализация», которая как раз и призвана была отвечать за реализацию программы единого культурно однородного человечества, очевидно, потерпела крах. Современный период развитых технологий и новой финансовой экономики не только не привел к процветанию всех народов, но отмечен кумулятивным ростом конфликтов и даже горячих войн на планете. Более того, человечество, как никогда ранее, вплотную подошло к вероятности ядерной катастрофы.

После окончания холодной войны США, став единственным центром силы в мире, сосредоточили все свои усилия на строительстве мировой гегемонии и однополярного мира. В соответствии с поставленными целями сформировалась идеология, которая пропагандировала архаичность национального государства. Его место призвана была занять своего рода гибкая универсальная Федеративная Империя (*empire federal universel souple*) во главе с мировым правительством.

По мнению сторонников «счастливой глобализации» и согласно исследованию программы развития Организации Объединенных Наций с 1990-х гг., она могла бы удвоить мировой ВВП и вдвое повысить уровень жизни населения планеты. Сегодня действительно существуют страны, которые получили значительный выигрыш от глобализации. Например, в Китае насчитывается наибольшее число миллиардеров и миллионеров. Китайский средний класс является самым обширным потребительским рынком мира. На другом конце света 350 млн американских индейцев имеют покупательную способность больше, чем 3000 долларов в месяц [del Valle 2014a].

Однако эти факты вовсе не ведут к культурной однородности мирового пространства. Порядка 4/5 населения планеты весьма далеки от европейской идеологии прав человека и идеологии иудеохристианского универсализма, которая органична для Европы и вырабатывалась там веками, взрастая на собственных идей-

ных корнях. Для большинства стран Ближнего и Дальнего Востока глобализация – это всего лишь источник передовых технологий, а вовсе не путь к мировому гражданству. Турция, Китай, Индия, Индонезия и другие страны Ближнего и Дальнего Востока не поддерживают идею десоверенизации. Напротив, идея планетарного управления, сокращающая поле суверенитета, воспринимается этими странами как стратегия неоимпериализма. Идея «прав человека», под эгидой которой были свергнуты режимы в Югославии, Ливии, Ираке, воспринимается как моральное прикрытие лицемерной политики западного несанкционированного вторжения. (Недаром США до сих пор не признают прерогативы Международного уголовного суда, который не может оправдать силовое вмешательство во внутренние дела других стран.) Таким образом, технологическая глобализация сама по себе не является синонимом всеобщего мира. Это подтверждается ростом количества военных столкновений по всему миру начиная с 1990-х гг., то есть периода, когда распространению технологий сопутствовал режим наибольшего благоприятствования, когда-либо существовавшего в мире. В действительности технологические аспекты глобализации не оказывают того радикального влияния на настроения, связанные с отказом от идентичности, которого от нее ожидали. Напротив, в мире все более укрепляются этноконфессиональные блоки, растет сепаратизм, усиливаются конфликты идентичности (пантюркизм, формирующаяся зона китайского влияния, ЕврАзЭС, АСЕАН, НАФТА и др.).

Разумеется, существует сфера стандартизированного массового потребления. Расширяются глобальные сети, в первую очередь Интернет. Преимущественное распространение получают новейшие средства коммуникации. Это приводит к определенной типизации поведения в разных регионах планеты. Но эти изменения происходят на поверхностном уровне социального взаимодействия и никак не затрагивают область ценностей и глубинных культурных смыслов, а тем более имманентной логики культурного развития отдельных народов и стран. Но именно последние компоненты определяют идентичность. Соответственно, вопрос о замене национальных государств, которые напрямую связаны с идентичностью, а значит, и вопрос о формировании мирового глобального общества, дающего народам мир и благоденствие, отодвигается на неопределенную перспективу.

От глобализации как «завершения единства человечества» к «дистанционному национализму»

В европейской научной литературе, посвященной оптимистическим исследованиям процесса глобализации как способствующего культурной однородности человечества, существует точка зрения, согласно которой само национальное государство в определенном отношении является частью всеобщего процесса универсализации. Авторы, стоящие на этой позиции, ссылаются на определение национального государства, которое дал Э. Хобсбаум в своей известной книге «Нации и национализм после 1780 г.» [Хобсбаум 1998]. В тексте, наиболее близком к оригиналу, оно звучит как эскапада: «Нация, будучи извлеченной из твердой оболочки национального государства, как моллюск из своей раковины, превращается в нечто пластичное и желеобразное» [Thiesse 2014]. Именно эта пластичность, считают сторонники глобальной культурной унификации, и сделала

возможным распространение матрицы национального государства в масштабах всей планеты. Национальное государство, первые формы которого появились в конце XVIII в., на заре XXI в. оказалось самой естественной и копируемой государственной формой в глобальном масштабе, пишет Анна-Мари Тьесс, профессор Национального центра научных исследований в Париже (Centre National de la Recherche Scientifique, CNRS), ведущего государственного научного учреждения Франции [Thiesse 2014].

Более того, полагает А.-М. Тьесс, национальное государство превратилось в своеобразный эталон, мировую норму прогрессивного развития. Такая перспектива стала возможной, в частности, потому, что уже со времен Французской революции национальный принцип виделся как универсальный. Ведь в Декларации прав человека и гражданина говорится о нации и образуемом ею суверенном государстве безотносительно к Франции. Этот принцип объявляется общечеловеческим, что в конечном счете позволило ему перерасти в «мировой стандарт». Согласно такой интерпретации национальные государства, несмотря на конкретные различия, могут быть сведены к одной универсальной виртуальной модели. В подобной трактовке получается, что государство не препятствует глобализации и унификации культурного пространства, а, напротив, способствует им.

Однако с началом XXI в., когда стали более наглядными провалы однополярной глобализации, совпавшие с разочарованиями в политике мультикультурализма, не породившей искомую культурную однородность, акцент в понимании роли и места национального государства в процессе универсализации меняется. Отныне на первый план выходит проблема дифференциации наций в наступающем многополярном измерении, а государство воспринимается как скрепляющая основа особой культурно-политической идентичности. Возникает «новая картография» мира, в которой превалирует тенденция к совпадению политических границ государства и культурных границ нации. Именно эта неразрывная пара определяет для многих авторов суть современной концепции государства [Identité(s) 2007; Laurent 2010: 3]. «Парадокс начала XXI в. состоит в том, что национализм возрождается в самом сердце мировой цивилизации, на Западе. Более того, национализм проявляется с новой силой в тот самый момент, когда люди становятся все более похожими друг на друга вследствие глобализации», – подчеркивает Ален Дикхофф, автор многочисленных работ по современному национализму, директор Центра международных исследований в Париже (CERI) [Dieckhoff 2000: 23].

Сегодня растет экспансия «дистанционного национализма» как факта укрепления национальной идентичности в противовес ожидаемому ее размыванию в процессе глобализации. Американский «котел» далек от декларируемого «плавильного котла», а европейский мультикультурализм, предполагавший скорее поглощение инородных национальностей, нежели их слияние, не оправдал надежд. Большинство людей, переселившихся в Европу, продолжают сохранять свою материнскую культуру и образуют замкнутые островки этой культуры на фоне более широкого европейского ландшафта. Они ощущают себя изгнанниками, которые более тесно привязаны к своей родине сегодня, чем когда-либо. Помимо негативных морально-психологических суждений, «новые» жители Ев-

ропы отчисляют немалые финансовые средства на родину. Это явление получило наименование «дистанционного национализма» [Dieckhoff, Jaffrelot 2004: 78–79].

С другой стороны, сами национальные государства становятся акторами деглобализации. Даже политика США, еще недавно главного мотора глобализации, ратующего за вывод предприятий в страны с дешевой рабочей силой, сегодня переориентируется на национальное производство. Тот же Китай, роль которого в мире до сих пор определяли как «мировую фабрику», в своей долгосрочной стратегии нацелен на обеспечение внутреннего рынка. Менее могущественные государства также стараются удержать производителей внутри своей территории. Так, Бразилия через увеличение таможенных пошлин принудила *Apple* и *Foxconn* построить заводы по сборке *iPhone* и *iPad* внутри страны. В целом вырисовывается тенденция стремления современных государств к обеспечению самодостаточности, а не к распылению производств по планете.

Наконец, общая атмосфера дестабилизации в мире, в котором увеличивается количество войн и конфликтов, повышает запрос на защищенность в ущерб запросу на свободу. Но именно государство выдвигает идеи границы и протекционизма в качестве приоритетов своего существования.

На этом фоне обостряется проблема потери идентичности самой Европой, которая в процессе универсализации европейской модели развития поставила под вопрос собственное самосознание и собственный глубинный смысл существования.

Действительно, существует два подхода к определению идентичности – классический и «постсовременный». Первый восходит к культурным и ценностным основаниям и определяет европейскую цивилизацию исходя из ее христианских и греческих корней, из иудеохристианского монотеизма и греко-латинской рациональности. Но такой подход предполагает включение в европейскую цивилизацию России, Австралии и США. Второй подход, скорее «интернационалистский», чем идентификационный, делает акцент на общечеловеческих ценностях либеральной демократии, свободном обмене, правах человека. В таком случае на основе военно-блоковой принадлежности к Западу следует отнести Турцию, Японию, Южную Корею и исключить Россию. Политизированный подход, каким является второй вариант, основан на концепции К. Шмитта, в соответствии с которым Россия позиционируется политически ангажированными элитами как геополитический враг.

Учитывая, однако, провал политики мультикультурализма, данный подход вызывает глубокую озабоченность у многих западных интеллектуалов, потому что ведет к реальной потере европейской идентичности и к утрате «веры в смысл своего подлинного существования» [del Valle 2014b; Lenglet 2013]. Ставка на универсализацию «общеевропейских ценностей» после окончания холодной войны создала негативный ореол вокруг понятия идентичности. Но это движение оказалось обоюдоострым и сегодня наносит удар по самим европейцам. Первыми, над кем нависает угроза потери идентичности, оказались они сами. Именно поэтому в Европе все громче раздаются голоса в пользу пересмотра политики идентичности и усиливаются надежды на повышение значимости национального государства как такового.

Европейское стремление к возрождению собственной идентичности усиливается на фоне так называемой «второй волны деколонизации» стран третьего мира – в данном случае деколонизации идеологической. Речь идет об отказе этих стран от универсалистских общеевропейских ценностей, которые под маской демократии и идеологии прав человека реализуют политику неоколониализма. Нарастает тенденция к самореализации вновь поднимающихся экономик Востока, Африки и Латинской Америки на фундаменте собственной идентичности, что заставляет европейские страны также переосмыслить национальную политику, вплоть до возврата к реалиям отдельных национальных государств и восстановления границ внутри ЕС. Необходимо, пишет французский политолог Александриэль Валь, признать новую множественную реальность многополярного мира, который будет все менее западоцентричным [del Valle 2014b]. Запад должен отказаться от политики интернационализма и переориентироваться на сохранение европейских ценностей внутри собственных территорий. Более того, дель Валь призывает европейцев примириться с православным русским миром, который вырос из той же греко-римской и христианской матрицы, что и сама Европа. Для этого, полагает он, необходимо отказаться от парадигмы холодной войны, которая заставляет видеть в России постоянного и опасного врага. Французский политолог выступает за сближение Европы с Россией в рамках так называемого «Пан-Запада» [Idem 2014c].

Гражданство или идентичность?

Идеологической основой «победного шествия глобализации» по планете был миф о мировом гражданстве. В традиционной схеме национальное государство было привилегированным местом гражданства. В постнациональном мире утверждается приоритет надгосударственного политического сообщества. Гражданство больше не связывается с национальными рамками, с определенной территорией.

Стержневым для существования национального государства было понятие идентичности, связанной с культурными особенностями, исторической памятью и «общей судьбой» данного народа. Универсализация культурного пространства требовала унификации культурной специфики разных народов и, следовательно, поиска основания для такой стандартизации. Фундаментальная категория была найдена: место идентичности заняло понятие гражданства, которое восходит к истокам формирования республиканской мысли и идеологии либеральной демократии. Отсылка к культурным ценностям и смыслам была замещена «вне-национальными», общечеловеческими понятиями прав человека и свободы личности: свободы ассоциации, слова и совести и, в более общем плане, свободы для каждого определять, как вести свою собственную жизнь. Смысловую трансформацию претерпела парная к идее права категория – категория обязанностей. Последние включили в себя толерантность, приятие нерелигиозного светского характера политической власти.

Предложенные либеральные ценности, несомненно, вненациональны и потому теоретически могли бы служить опорой общечеловеческого «мирового гражданского общества». В реальности, однако, идея «всемирной гражданственности» превращается в утопию.

Канадский политический философ, профессор Королевского университета в Кингстоне, один из авторов теории мультикультурного гражданства, редактор ежеквартального электронного издания «Гражданство, демократия и этнокультурное многообразие» Уилл Кимлика (Will Kymlicka) выделяет пять форм современных политических процессов, которые были призваны стать инструментами реализации вненационального гражданства как фундамента унификации и культурной глобализации, но которые, подчеркивает он, в реальности превратились в «миф» [Kymlicka 2004: 97–111].

Прежде всего речь идет о процессах миграции, которые лежат в основании идеологии и практики мультикультурализма как феномена, призванного расширить поле глобализации. Действительно, мигранты часто представляются как авангард процесса транснационализации, потому что в первоначальном прочтении хода глобальных перемен предполагалось, что мигранты должны были отказаться от своей «природной» национальной идентичности, чтобы вписаться в культуру новой страны проживания. Однако реальность оказалась иной. Мигранты в массе своей не только сохраняют свою исходную идентичность и не ассимилируются в новой среде, но благодаря современным технологиям, которые облегчают связь и коммуникации, остаются активными акторами экономической, социальной и политической жизни своих стран происхождения. Более того, благодаря распространению идеи двойного гражданства такого рода поведение легитимизируется. Если ранее к двойному гражданству относились с осуждением и натурализованный мигрант, сохраняющий живой интерес к политической жизни страны происхождения, считался апатриотичным, даже подозревался в нелояльности, то сегодня двойное гражданство становится официально признанным и воспринимается в позитивном ракурсе либерализма, в ракурсе свободы и расширения прав человека.

Получается, что сама идеология либеральной демократии способствует превращению идеи мультикультурализма из авангарда глобализации в «миф», в авантюру и псевдонадежду для создания мирового гражданского общества. «Бинационалы», как их именуют на Западе, во многих случаях более националистичны, чем их соотечественники, которые остались на родине. Они воспринимают покушения на свой «суверенитет» как незаконное «иностранное вмешательство». Таким образом, они вовсе не являются предвестниками желаемого «постнационального» устройства мирового сообщества.

Вторым элементом «постнациональной универсализации» Уилл Кимлика называет развитие после холодной войны деятельности групп транснациональных активистов, что проявляется в рекрутировании граждан для давления на собственное правительство, которое осуществляется главным образом через сеть НПО. Однако такие действия на практике не приводят к созданию каких-либо независимых политических сообществ, которые можно было бы считать предвестниками создания постнационального мира. Они никоим образом не способствуют появлению принципиально новаторских глобальных структур или моделей власти. Они даже не бросают вызов существованию национальных государств, потому что весь смысл их деятельности тесно связан с продолжением существования именно этих государств, которым они призваны противостоять.

Третьим вероятным инструментом реализации принципа общечеловеческого существования У. Кимлика называет идею глобализации прав человека. Однако в сегодняшнем варианте политика соблюдения прав человека нацелена на «исправление» деятельности конкретных национальных государств, не претендуя при этом на создание каких-либо наднациональных моделей. Более того, практика таких ведущих государств мира, как, например, США, утверждает приоритет собственного внутреннего права над международным, в том числе и в области соблюдения прав человека. Понятно, что это не только не способствует реализации целей построения постнационального «общечеловеческого» миропорядка, но препятствует его утверждению.

Следующим возможным механизмом воплощения в жизнь постнационального сообщества могли бы быть транснациональные парламенты. Однако и этому проекту суждено надолго оставаться бесплотной мечтой. До определенного времени полагали, что эта идея проходит апробацию в рамках Европарламента. Но сегодня растут сомнения относительно долгосрочной перспективы его существования. К тому же эта инициатива имеет мало шансов на успех в мировом масштабе, хотя бы потому, что такая возможность полностью отсутствует в общественном сознании самой могущественной на данный момент страны мира – США. Америка и американцы с присущим им чувством исключительности своей нации вовсе не готовы разделять на равных властные полномочия с другими странами, даже со своими ближайшими соседями – Мексикой и Канадой, не говоря уже о таких региональных державах, как Индия или Бразилия, которые, исходя из принципа равного представительства (по численности населения), могли бы претендовать на паритетное положение с США в международных правительствах.

Наконец, пятой возможностью культурной интернационализации можно считать создание международных контролирующих органов. Но и эта идея, по мнению У. Кимлика, далека от реальности, поскольку она приводит к тем же негативным последствиям, что и предыдущая, только в еще более острой и очевидной форме. Главной причиной этого является «распыление ответственности» даже на национальном уровне, не говоря уже о новых транснациональных учреждениях, которые не имеют многовекового опыта функционирования, присущего традиционным государствам и их институтам. В общей сложности все выступают за то, чтобы надзорные органы действовали в отношении других стран, и никто не хочет, чтобы надзор осуществлялся за их собственной страной.

В целом, отмечает У. Кимлика, главной тенденцией современности является возвращение к идее «нации» или «сообщества общей судьбы». Чехословакия, население которой составляет 15 млн человек, разделилась на две части. То, что осталось от Грузии, Македонии, Шри-Ланки, является обществами, которые насчитывают от 2 до 18 млн человек. Это свидетельствует, что народы идут даже на то, чтобы уменьшить численность своего политического сообщества, и вовсе не потому, что оно «слишком велико», а потому, что оно не соответствует чувству общей принадлежности. Следует признать, пишет Кимлика, глобализация никоим образом не подорвала ощущение того, что только национальные государства способны реализовать идею таких сообществ. Более того, эта идея продол-

жает оставаться в тесной зависимости от «национальной культуры и внутреннего политического ландшафта» [Kumlička 2004].

Одной из основных причин притягательности национальных форм существования является то, что государства продемонстрировали свою способность создавать крепкие и устойчивые формы внутренней солидарности. И пока нет никаких других моделей, которые могли бы делать это так же хорошо. В частности, в современных зрелых демократиях существуют надежные механизмы воздействия народных масс на свои элиты, которые реализуют их взаимные обязательства. Кроме того, у них есть общее поле языковой культуры, системы образования, а также общие «мифы основания» и символы. Все это хорошо функционирует именно в рамках устоявшейся и отработанной веками формы национального государства. Понятно, что эти обстоятельства способствуют так называемому «возвращению» в современное общественное сознание идей культурной нации и идеи государства как способа реализации бытия каждой отдельной нации. В таком контексте транснационализм видится как угроза деградации, отката назад, возврата к состоянию «протогосударственности», в котором будут утрачены общий язык и общие культурные символы, создающие социальную солидарность. Иначе говоря, люди боятся оказаться «чужими» в собственной стране.

Возвращение идеи национального государства и мультикультурализм

Усиление роли национального государства и возвращение его в культурное поле Европы в начале XXI в. связано с обострением мультикультурных процессов внутри Европейского сообщества. Французские исследователи отмечают такие феномены, как нарастание внутреннего раскола общества, поскольку иммигранты, даже в случае их юридической натурализации, продолжают восприниматься коренными жителями как иностранцы. Более того, сами иммигранты, например, во Франции не считают себя настоящими французами. Они идентифицируют себя как «французы с происхождением», то есть как французы алжирского, португальского, сенегальского происхождения [Masure 2007]. При этом они настойчиво отделяют себя от «этнических французов». Таким образом, несмотря на юридически оформленное гражданство, мигранты фактически остаются «бинациональными». Как выразился один из французов сенегальского происхождения во время социологического опроса, «натурализация – это не операция пластической хирургии» [*Ibid.*]. Невозможно избавиться от черного цвета кожи, нюансов происхождения, наконец, от данного при рождении имени и от религии, которая прививает определенные культурные черты. Такая постановка вопроса порождает проблему определенной стигматизации новых переселенцев в страны Европы. Слово «мигрант» превращается в эвфемизм слова «иностранец» или «чужой», присутствие которых плохо переносится французским сообществом из-за огромной культурной дистанции.

Идентификационный кризис усугубляется с конца XX в., когда появляются такие явления, как иммигранты второго и третьего поколения. Во Франции те алжирцы, которые родились в Алжире, так и продолжают считаться иммигрантами в отличие от тех, которые родились на территории Франции. Растет социальное напряжение как следствие актуализации «расовых» тенденций в обществе. Как

свидетельствует антрополог и социолог Франсуа Мазюр, опросы, проведенные в новом тысячелетии, свидетельствуют об устойчивости этой тенденции. Так, начиная с 2000-х гг., уличные акции воспринимаются как «бунты варваров нового рода, врагов изнутри, с которыми нужно бороться едва ли не военными средствами – по крайней мере, введением чрезвычайного положения» [Masure 2007].

Формируется внутренний раскол нации и общества, по крайней мере, между французами по происхождению и французами иностранного происхождения. Эта ситуация заставляет европейцев вновь обратить свои политические размышления к сфере усиления роли национального государства. Сегодня впервые со времени Французской революции встает вопрос о том, каким образом можно реализовать единство народа. Институт государства предстает уникальным механизмом, который способен превратить народ в сообщество. Именно государство благодаря подчинению априорно разнородных этнических и классовых элементов единому для всех закону осуществляет гигантскую работу по национальной интеграции и гомогенизации населения, проживающего на одной территории.

Однако вопрос возвращения государства – это не только вопрос инструментальный. Он затрагивает глубинные проблемы идейного плана. Во Франции, Великобритании, Германии, Нидерландах нарастает кризис «национальных моделей интеграции», поскольку эти «модели» не преуспели в достижении своих целей или не сумели превратить мусульман в лояльных граждан. Кристоф Берточчи, доктор политической философии и директор Центра ИФРИ (IFRI) по вопросам миграции и гражданства при Французском институте международных отношений, констатирует, что во Франции уже недостаточно республиканских практик, в Британии провалилась политика «расовых отношений», в Нидерландах – политика «либеральной терпимости». И если раньше в различных странах Европы мигрантов идентифицировали по разным основаниям (во Франции – по стране происхождения – главным образом из стран Магриба; в Британии – по этническому и расовому принципу – азиаты или чернокожие; в Германии – по основаниям их присутствия в стране – гастарбайтеры), то сегодня основание идентификации мигрантов во всех этих странах одно – это ислам как религиозно-культурная аутентичность. Но поскольку ислам сегодня воспринимается прежде всего как террористическая угроза, то отношение к мигрантам трансформируется в отношении к ним как к варварам или врагам цивилизации [Bertossi 2007: 20–24].

Итогом является заявление о «провале послевоенной политики мультикультурализма», на смену которой приходит требование национальной идентичности, национальной сплоченности и национальной солидарности. Все это сопровождается возрождением национального государства. Это означает, по сути, возможно, временный, но все же отказ от республиканских ценностей. Ведь Французская Республика рассматривала гражданина как абстрактного индивида, отрекаясь от любой формы этнорасовой дифференциации в общественном пространстве. Собственно, эта идея абстрактной принадлежности индивида, рожденная философией Просвещения, и лежала в основании универсализации европейской модели развития и культурной глобализации как унификации общечеловеческих ценностей. Констатируемый европейцами «провал» интеграционной политики и практики мультикультурализма фактически ставит предел монополии «общечеловеческо-

го» и моноцентричного мира. Открывается перспектива создания полицентричной структуры мирового сообщества, идею которого артикулировала Россия.

Заключение

В начале 2000-х гг. Юрген Хабермас видел в Европейском союзе первый пример демократии, выходящей за пределы национального государства, определяя это состояние как постнациональное [Хабермас 2003]. Однако сам термин «постнациональный», как отмечает французский политолог, преподаватель Института политических исследований в Париже Сильвен Кан, грешил двусмысленностью [Kahn 2014]. С одной стороны, его можно было понимать как стремление избавиться от всего национального вплоть до отказа от самого национального государства как такового. Но в то же время понятие «постнационального» можно трактовать таким образом, будто именно национальные государства являются главными акторами самого европейского строительства. В такой интерпретации следовало ожидать, что национальные государства будут эволюционировать и трансформироваться в процессе самого созидания европейского, а в дальнейшем и общечеловеческого дома, что вовсе не означает их исчезновения. Напротив, их роль должна только возрастать. Двусмысленность трактовки «постнационального» привела в конце XX – первом десятилетии XXI в. к разделению исследователей на два лагеря – на тех, кто видел будущее Европы как конец существования национального государства, как конец «суверенитета» и конец «территории», и тех, кто не допускал мысли об отказе от национального государства как носителя национальной традиции [Badie 1995; Lacoste 1997; Ferry 2005; Lévy 2011].

На современном этапе, когда Европа пережила *Brexit* и переоценку ценностей мультикультурализма, восприятие европейской конструкции как исключительно постнациональной и безгосударственной уже не работает. Набирают силу возвратные процессы, которые утверждают необходимость восстановления национальной идентичности. Главной ценностью объявляются единение нации и национальная солидарность, возрождение которых без такого проверенного историей инструмента, как государство, признается невозможным.

Литература

- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб. : Алетейя, 1998.
- Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4–5. С. 105–152.
- Badie B. La Fin des territoires. Essai sur le désordre international. Et l'utilité sociale du respect. Paris : Fayard, 1995.
- Bertossi Ch. France, Grande-Bretagne: deux leçons non apprises // Après-demain. 2007. No. 4. Pp. 20–24. URL: <https://www.cairn.info/revue-apres-demain-2007-4-page-20.htm> (дата обращения: 05.01.2020).
- Dieckhoff A. La Nation dans tous ses États. Les identités nationales en mouvement. Paris: Flammarion, 2000.

Dieckhoff A., Jaffrelot C. Vers un monde postnational? // Critique internationale. 2004. No. 2. Pp. 78–79. URL: <https://www.cairn.info/revue-critique-internationale-2004-2-page-78.htm> (дата обращения: 14.01.2020).

Ferry J.-M. Europe, la voie kantienne. Essai sur l'identité postnationale. Paris: Éditions du Cerf, 2005.

Identité(s) nationale(s): le retour des politiques de l'identité? // Savoir/Agir. 2007. No. 2.

Kahn S. L'État-nation comme mythe territorial de la construction européenne// L'Espace géographique. 2014. No. 3. Pp. 240–250. URL: <https://www.cairn.info/revue-espace-geographique-2014-3-page-240.htm> (дата обращения: 28.01.2020).

Kymlicka W. Le mythe de la citoyenneté transnationale // Critique internationale. 2004. № 2. Pp. 97–111. URL: <https://www.cairn.info/revue-critique-internationale-2004-2-page-97.htm> (дата обращения: 16.01.2020).

Lacoste Y. Vive la nation. Destin d'une idée géopolitique. Paris : Fayard, 1997.

Laurent B. La pandémie de l'identité nationale // Le Monde diplomatique. 2010. No. 2. P. 3. URL: <https://www.cairn.info/magazine-le-monde-diplomatique-2010-2-page-3.htm> (дата обращения: 06.01.2020).

Lenglet F. La fin de la mondialisation. Paris : Fayard, 2013.

Lévy J. Europe, une géographie. La fabrique d'un continent. Paris : Hachette, 2011 (2e édition).

Masure F. État et identité nationale, un rapport ambigu // Journal des anthropologues. 2007. No. 5 (Horssérie). Pp. 39–50. URL: <https://www.cairn.info/revue-journal-des-anthropologues-2007-5-page-39.htm> (дата обращения: 11.01.2020).

Thiesse A.-M. Nations, internationalismes et mondialisation // Romantisme. 2014. No. 17. Pp. 15–27. URL: <https://www.cairn.info/revue-romantisme-2014-1-page-15.htm> (дата обращения: 25.01.2020).

Valle A. del. La mondialisation en question et le destin de l'Occident//Géoeconomie. 2014a. No. 5. Pp. 29–48. URL: <https://www.cairn.info/revue-geoeconomie-2014-5-page-29.htm> (дата обращения: 30.01.2020).

Valle A. del. Le Complexe occidental. Petit traité de déculpabilisation. Paris : éd. du Toucan, 2014b.

Valle A. del. L'Occident doit cesser de se sentir coupable // Le Figaro. 2014c. 14 mai. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/politique/2014/05/19/31001-20140519ARTFIG00333-alexandre-del-valle-l-occident-doit-cesser-de-se-sentir-coupable.php> (дата обращения: 11.01.2018).

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

Егоров Д. Г., Егорова А. В.**

Статья посвящена теме возможных трансформаций в парадигме социально-экономического развития современной мировой цивилизации в контексте изменений климата, а именно: тех изменений в экономической теории, которые являются одним из необходимых оснований для выработки новой глобальной экономической политики. Высказывается предположение, что в основе тех патологических особенностей мировой экономики, которые и ведут человечество к климатическому коллапсу, – предельный субъективизм экономической теории (отказ от категории «стоимость»). Дискуссия о стоимости потенциально имеет огромное практическое значение: это, в сущности, дискуссия о легитимности всего современного мирового финансово-экономического порядка.

Ключевые слова: Киотский протокол, изменение климата, мировая экономика, стоимость, экология, экономическая теория.

The article is devoted to the subject of possible transformations in the paradigm of socio-economic development of modern world civilization in the context of climate change, namely: the changes in economic theory that are one of the necessary grounds for developing a new global economic policy. It is supposed that the basis for vicious features of the world economy that lead humanity to climatic collapse is the ultimate subjectivity of economic theory (its rejection of the category of “cost”). The discussion of value is potentially of great practical importance: it is actually a discussion of the legitimacy of the entire modern world financial and economic order.

Keywords: the Kyoto Protocol, climate change, world economy, cost, ecology, economic theory.

Введение

Последние десятилетия ознаменовались резким усилением и обострением дискуссий по проблеме изменения климата Земли и мерам по предотвращению негативных эффектов этого процесса. Глобальные изменения в биосфере Земли

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00092.

** Егоров Дмитрий Геннадьевич – д. ф. н., профессор Псковского филиала Академии ФСИН России. E-mail: de-888@ya.ru.

Егорова Анжела Васильевна – к. э. н., доцент, независимый исследователь.

(и изменения климата как один из аспектов этих очевидно происходящих в биосфере изменений) так или иначе вызовут существенные изменения в экономике: либо человечество сумеет достичь баланса между экономическим развитием и сохранением окружающей среды, либо само его существование окажется под вопросом [см., например: Глуховцев, Салахова 2016; Иоселиани 2019].

В рамках этой огромной (как по значимости, так и по масштабу) задачи в настоящем тексте мы рассмотрим аспект тех изменений в экономической теории, которые, по нашему мнению, являются одним из необходимых оснований для выработки новой экономической политики.

Социогуманитарное знание не является во всех аспектах аналогом знания естественно-научного. На один из существенных аспектов этого различия, – рефлексивность социогуманитарного знания, – указал в своих известных книгах успешный финансист и социальный философ Джордж Сорос.

Если утверждение (в естественных науках) соответствует фактам, оно истинно, если нет, то оно ложно. Но в случае систем, состоящих из мыслящих участников, все существенно сложнее. С одной стороны, индивиды пытаются создать картину, соответствующую реальности. С другой стороны, они пытаются оказать влияние, «подделать» реальность под их желания. Когда реализуются одновременно оба этих подхода, возникает ситуация, для которой Сорос предложил название «рефлексивной» [Сорос 1999: 17].

В общественных науках в целом и в экономике в частности декларируется необходимость разграничения вышеописанных двух подходов: то есть разделение теорий на позитивные (описывающие то, что есть) и нормативные (описывающие модели того, какими общество/экономика должны быть с точки зрения авторов соответствующих теорий). На практике, однако, избавиться от рефлексивности при создании экономической теории вряд ли возможно: любая экономическая теория высокого уровня имплицитно содержит нормативные элементы (в виде исходных принципов, базовых моделей и т. д.). Как заметил по этому поводу лауреат Нобелевской премии (и автор самого, вероятно, известного учебника по экономике) П. Самуэльсон, «мне все равно, кто пишет законы страны, если я могу написать ее учебники по экономике» [Samuelson 1990: 4].

Основные институты современной мировой экономики созданы в странах Запада; их теоретическим основанием является неоклассическая экономическая теория (в силу своего тотального господства называемая еще «экономический mainstream»).

Каким образом идеологемы *mainstream* связаны с парадигмой экстенсивного социально-экономического развития? И что именно желательно было бы в современной экономической теории изменить для трансформации парадигмы экономического развития современной мировой цивилизации (предотвращения глобальной экологической катастрофы, вполне возможной при сохранении парадигмы экстенсивного социально-экономического развития)? Ответы на эти вопросы мы и предполагаем найти в данном исследовании.

Еще один момент, заслуживающий обсуждения в методологическом аспекте: насколько велик вклад в глобальное потепление (очевидно имеющее место последние десятилетия) антропогенной компоненты?

О гипотезе антропогенности роста средних температур на Земле

Идею о возможности разогрева земной атмосферы парниковыми газами (в первую очередь углекислым газом) предложил в конце XIX в. шведский ученый С. Аррениус [Arrhenius 1896]. Последние 100 лет человечество с каждым годом увеличивало использование ископаемого органического топлива, при сжигании которого образуется углекислый газ (CO_2); последние десятилетия детектируется увеличение углекислоты в атмосфере Земли. Предположение, что эти факты взаимосвязаны (сжигание нефти, газа и угля влечет за собой увеличение CO_2 в атмосфере, которое, в свою очередь, и является основной причиной роста средней температуры на Земле), то есть что климат на Земле меняется в результате антропогенной деятельности (выбросов в атмосферу парниковых газов, в первую очередь CO_2), было положено в основу Рамочной конвенции ООН об изменении климата [1992].

Дополнительным документом к Рамочной конвенции стал принятый в Японии в декабре 1997 г. Киотский протокол [1998], обязывающий страны, которые его приняли (таких стран в мире подавляющее большинство; договор не ратифицирован США, и из него вышла Канада), сократить или стабилизировать выбросы парниковых газов.

Существует масса публикаций, популяризовавших гипотезу антропогенного изменения климата [см., например: Гор 2007]; в 2018 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена Уильяму Нордхаусу за исследования влияния климатических изменений на долгосрочный экономический рост [Nordhaus 2017].

Имеет место и критика гипотезы антропогенного изменения климата (а также принятых на ее основе Киотского и Парижского протоколов). Так, С. Бомер-Кристиансен [2000] эксплицировала ненаучные (геополитические) обстоятельства, вызвавшие конъюнктурную поддержку обсуждаемой концепции.

Если же обратиться к собственно научной критике, ее аргументы таковы:

а) повышение концентрации углекислого газа в атмосфере может быть не причиной, а следствием изменений климата [Сорохтин 2011];

б) природа глобальной климатической системы очень сложна, ее изменения не могут быть объяснены каким-то одним фактором; рост температуры атмосферы в последние десятилетия с высокой степенью вероятности является частью природного цикла большого масштаба [Кондратьев 2000; Sorokhtin *et al.* 2007; Демирчан и др. 2010].

В 2004 г. во исполнение поручения Президента РФ и Правительства РФ Российская академия наук провела научную экспертизу Киотского протокола. В итоговом документе, подписанном Президентом РАН, было, в частности, сказано: «1. Киотский протокол не имеет научного обоснования. <...> 4. Ратификация Протокола в условиях наличия устойчивой связи между эмиссией CO_2 и экономическим ростом, базирующимся на углеродном топливе, означает существенное юридическое ограничение темпов роста российского ВВП» [Павленко 2017: 34]. За прошедшие годы позиция РАН принципиально не изменилась [Осипов 2016].

Наша позиция здесь (в контексте поставленной во введении проблемы) следующая: глобальное потепление угрожает человечеству не само по себе (никто ведь не опасается массовых смертей от теплового удара), а негативным воздействием на глобальные биогеохимические круговороты [Горшков 1995]. Экстен-

сивный экономический рост оказывает это негативное воздействие: как требуемым для него высоким уровнем использования биосферных ресурсов, так и высоким уровнем загрязнения биосферы отходами. Какой конкретно канал негативно-го воздействия экономики на биосферу является главным – выбросы CO₂ или какой-то иной – для задачи настоящего исследования (экспликация связи идеологием современного экономического *mainstream* с парадигмой экстенсивного социально-экономического развития) не является принципиальным вопросом.

Поэтому в рамках данной статьи мы можем принять официальную позицию ООН (отраженную в Киотском и Парижском протоколах) и Межправительственной группы экспертов по изменению климата [МГЭИК 2013], – что климат на Земле меняется в результате антропогенных выбросов в атмосферу парниковых газов, в первую очередь CO₂, – как рабочую гипотезу.

Аспекты современной социально-экономической парадигмы, оказывающие негативное воздействие на биосферу (и климат как одну из ее ключевых характеристик):

а) Гипертрофированное потребление (в первую очередь в странах «золотого миллиарда», или первого мира), в том числе потребление демонстративное (приобретение товаров не для использования по прямому назначению, а для демонстрации собственного статуса). Наиболее «чистый» пример здесь – США: последние несколько десятилетий они потребляют более трети мировых ресурсов (давая взамен виртуальные финансовые обязательства). Уже в 1946 г. специалист по розничной торговле В. Лебоу возвестил в журнале «Fortune» о начале «эпохи изобилия»: «Наша чрезвычайно производительная экономика... требует, чтобы потребление стало для нас стилем жизни, чтобы мы превратили покупку и использование вещей в ритуал... нужно, чтобы вещи покупались, выбрасывались и заменялись другими во все больших масштабах» [Лукияненко 2009]. Культ новизны, выливающийся в перманентное потребление, бесконечные циклы «покупка – выброс – покупка» нейтрализует экологическое сознание [Ильин 2016].

Даже папа римский Франциск в энциклике «Laudato si'» заявил, что богатым странам пора подумать о сдерживании экономического роста и о «шагах в обратном направлении, пока не поздно» [Франциск 2015]. При этом он осуждает преувеличенное внимание к росту населения, указывая на главную проблему: «экстремальность» уровня потребления привилегированного меньшинства: потребление сырья в развивающихся странах в 5 раз меньше среднемирового и составляет 10 тонн на одного человека, а в странах «золотого миллиарда» – в 25 раз больше (250 тонн) [Лукияненко 2009].

б) Гипертрофированное развитие мировой финансовой системы, архитектура которой создана тем же первым миром (в первую очередь Великобританией и США). Англосаксонские финансовые институты более двухсот лет доминируют на мировом финансовом рынке: «...важно осознать, что глобальные финансовые рынки приносят выгоду странам, находящимся в центре международной рыночной системы, в особенности США. Финансовые рынки “всасывают” большую часть сбережений и прибыли, создаваемых во всем мире, перекачивают их в центр... Поэтому он получает львиную долю всех доходов» [Сорос 1999].

Миф о хаосе финансовых рынков (которыми якобы никто не в состоянии управлять) никак не стыкуется со статистическими данными [Абдулгамидов, Гу-

банов 2002], показывающими, что процесс финансовой глобализации есть ряд последовательных циклов искусственного раздувания либо рынков акций ведущих корпораций США, либо рынка государственных облигаций (тоже США), с последующими управляемыми биржевыми крахами, потери в которых несут почти исключительно неамериканцы. Если кто-то «финансовым креативом» получает ценности из ничего, кто-то другой должен эти ценности произвести (а затем их лишиться).

Так, уже к 2007 г. мировые финансовые активы превышали мировой ВВП в десятки (!) раз [Бузгалин, Колганов 2009]. ВВП США в последние годы составляет порядка 20 трлн долларов, а финансовые деривативы – более 200 трлн долларов [Алексеев 2018]. Из надстройки над экономикой реальной экономика виртуальных финансов превратилась (превращена) в доминирующую систему, систематически эксплуатирующую реальный сектор экономики. Это, собственно, в значительной степени и обеспечивает сверхпотребление первого мира (оборачивающееся экологической катастрофой в масштабах планеты в целом): так, внешний долг США по состоянию на август 2019 г. составлял 22,5 трлн долларов, то есть 68 770 долларов на душу населения. Очевидно, его погашение вряд ли предполагается (если оно вообще возможно). Происходит концентрация обязательств (долларов) на одном полюсе (мировая периферия, страны Юга) и долгов (за полученные, но не оплаченные ценности) – на другом (первый мир, страны глобального Севера).

Социально-экономическая поляризованность мира «Север – Юг» (в значительной степени ответственная за нарастающее давление на биосферу) еще 100 лет назад поддерживалась военным доминированием стран Запада. Но в настоящее время ситуация существенно изменилась. Хотя угроза применения силы и сейчас имеет место (достаточно вспомнить Ливию 2011 г.), главным фактором становится продвижение таких социально-экономических идей, которые изначально предполагают (при их принятии как теоретической основы для осмысления реальности) создание институтов в интересах архитекторов современной мировой экономики. В конечном счете речь идет о едином процессе, где силовое и идеологическое давление тесно скоординированы [Кляйн 2011].

При этом мы совсем не имеем в виду какой-то вселенский заговор западных ученых-экономистов; просто господство экономической парадигмы, созданной в своих основных чертах в первой половине XX в., когда природа еще мыслилась бесплатным и бесконечным источником ресурсов, объективно приводит к воспроизводству соответствующей социально-экономической модели экстенсивного развития.

Что в основе?

Что же в экономическом *mainstream* лежит в основе (и поддерживает) тех патологических особенностей мировой экономики, которые и ведут все человечество к климатическому (биосферному) апокалипсису? По нашему мнению, это предельный субъективизм, принявший в неоклассической экономической теории форму отказа от категории «стоимость».

Стоимость – мера ценности (некое общее свойство, позволяющее проводить сравнение ценностей качественно различных вещей). Этот теоретический кон-

структ эксплицирует сущностное свойство экономической реальности – то, что люди в самом деле как-то сопоставляют различные по природе ценности.

От Адама Смита до Карла Маркса понятие стоимости было в классической экономической теории ключевым. Однако сложности как выявления сущности стоимости, так и ее операционализации оказались очень велики. Альтернативой трудовой теории стоимости стал неоклассический подход, с доминацией которого стала общепринятой точка зрения: все осмысленные экономические вопросы могут быть разрешены без обращения к стоимости. Однако отказ от стоимости оборачивается отказом от объективной меры [Егоров 2017].

Ранее нами показано:

1) как понятие идеальное, стоимость непосредственному наблюдению и измерению не подлежит, однако имеет эмпирическое истолкование [Там же: 83–87];

2) универсальный алгоритм измерения стоимости может мыслиться только теоретически, а на практике его реализация вряд ли возможна [Его же 2013]. Но сложность операционализации отнюдь не делает понятие «стоимость» ненаучным, – операционализация при построении теории не является обязательной: «...было бы ошибочным считать, что прежде чем мы получим критерий, позволяющий определить, болен человек туберкулезом или нет, фраза “X болен туберкулезом“ бессмысленна... отсутствие критерия истины не в большей степени лишает понятие истины смысла, чем отсутствие критерия здоровья делает бессмысленным понятие здоровья» [Поппер 1992: 444–446].

Детальное обоснование того, что значительная часть критики идеи стоимости есть не столько наука, сколько идеология, см. также [Егоров 2016].

То, что современная мировая экономика организована как огромное казино, прямо связано с господством в умах людей неоклассической теории, а именно: представлений об отсутствии объективной стоимости у любого товара, в том числе и у денег [Там же]. Ведь если мы отрицаем существование стоимости, возникает вопрос: знаком чего являются деньги? В рамках *mainstream* на него можно дать примерно следующий ответ: «Деньги – это то, что выполняет функцию денег». В результате в современной экономике деньги давно уже являются мерой *без эталона*.

Чему будет равен завтра 1 евро? Тому, что за него дадут на валютных биржах. Гипноз СМИ, передающих сообщения с финансовых бирж, как сводки погоды, делает колебания валютных курсов чем-то привычным (следовательно, «естественным»). А теперь обратимся к аналогии: вы едете на машине, спидометр показывает 90 км/час, но в километре утром 700 метров, а вечером – 1200 (а может, 500) – куда вы приедете? Вы будете строить дом, используя резиновый метр и качающийся нивелир?

Эти аналогии утрированы? Но в начале XXI в. даже планирование бюджетов государств ведется по сценариям: «если курс национальной валюты вырастет, то...», «если цены на нефть упадут, то...», – и жизнь десятков миллионов человек меняется (при неизменной производительности труда).

Отсутствие денежного эталона и плавающие валютные курсы дают организаторам и архитекторам современной «постиндустриальной» мировой экономики фактически безграничные возможности для эксплуатации реального сектора виртуально-финансовым [см., например: Кузнецов и др. 2000: 277], что в реальности

оборачивается добычей и перемещением огромных масс ресурсов из третьего мира в первый с последующей тратой оных в гипертрофированном и демонстративном потреблении.

Другой аспект – отождествление любого роста экономики (ВВП) с общественным благом. В рамках экономического *mainstream* практически не ставится вопрос о качественных характеристиках роста (макроэкономические индикаторы предельно агрегированы). Дж. Кейнс (вероятно, самый влиятельный экономист за последние 100 лет) в 30-е гг. прошлого века написал, что для борьбы с безработицей было бы вполне разумно закапывать в шахтах бутылки с банкнотами, а потом их снова «добывать» [Кейнс 2007: 145]. Из этого вытекают оправдания демонстративного потребления: оно «дает работу» и тем самым «кормит бедных». Но почему же эти «бедные» должны кормиться, удовлетворяя извращенные прихоти богатых (разрушающих гиперпотреблением биосферу)? Не разумнее ли было бы направить эти трудовые ресурсы на восстановление биосферы Земли?

Эксперты Всемирного совета предпринимателей за устойчивое развитие (WBSCD) еще в 1997 г. указали на отсутствие надлежащей технологии измерения стоимости окружающей среды как на одну из главных проблем на пути к устойчивому развитию. Причем меры, которые искажают представления об окружающей среде, дает именно экономическая наука [Кузнецов и др. 2000: 213].

Что мы предлагаем?

Почти десять лет тому назад нобелевский лауреат Дж. Стиглиц написал в связи с мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг.: «Если Соединенные Штаты собираются добиться успеха в реформировании своей экономики, то им, возможно, придется начать с реформирования экономической науки» [Стиглиц 2011: 288]. Наше предложение практически тождественно с этой мыслью Стиглица: реальное изменение современной мировой социально-экономической парадигмы следует начать с пересмотра и реформирования господствующей экономической теории [Егоров 2013; 2016].

Так как, по нашему мнению, первооснова проблем неоклассической экономической теории – отсутствие в ее рамках объективной меры (отрицание стоимости), то именно этот вопрос и является критически значимым. В то же время это не означает тотального отказа от предшествующих концепций и создания экономической теории «с нуля». Возврат к стоимостному подходу означает не снос всего здания современной экономической теории, а капитальный ремонт ее фундамента [Его же 2013; 2016; 2017; 2019].

Главной практической рекомендацией здесь является желательность возврата к денежному эталону (золотому, энергетическому или какому-то еще, но обязательно объективному). Кто-то скажет, что рассуждения о возврате к денежному эталону – совершенный утопизм? И даже если кто-то захочет сделать это «в принципе», практически это крайне сложно? По этому поводу отметим, что мы отнюдь не первые, кто высказывает данную идею. В числе наших предшественников укажем на такого в высшей степени успешного практика-финансиста, как тот же Джордж Сорос, еще в XX в. выступивший с конкретным планом оздоров-

ления мировых финансов через привязку новой мировой валюты к нефти [Сорос 1997: гл. 18].

Если обратиться к отечественным реалиям (и вынести за скобки очевидные политические сложности, вероятное встречное экономическое давление и т. д.), то создать энергетический эталон рубля можно, просто объявив дату, начиная с которой Газпром заключает контракты на экспорт газа в рублях и по неизменной цене газа на границе РФ (например, 10 р./м³).

Заключение

Проблема современной экономической теории – в ее разобщенности. Создание интегральной экономической теории предполагает формирование такой первичной системы принципов (аксиом), в рамках которой основные теоретические схемы представляли бы собой частные случаи (при тех или иных дополнительных условиях). Возврат в экономическую теорию категории «стоимость» позволит объединить на едином теоретическом фундаменте и *mainstream*, и неорикардрианские (неомарксистские) течения экономической мысли: в дополнение к общему принципу существования ценностей в первом случае принимается принцип субъективизма (отсутствия у ценностей объективной меры), а во втором – принцип существования меры ценности, то есть стоимости [Егоров 2017].

Дискуссия о стоимости (то есть о степени адекватности экономического *mainstream*) потенциально имеет огромное практическое значение: это, в сущности, дискуссия о легитимности всего современного мирового финансово-экономического порядка. Возврат широких масс экономистов-теоретиков, менеджеров, политиков к идее объективности стоимости (и, соответственно, необходимости у денег эталона – золотого, энергетического или какого-то еще, но обязательно объективного) лишит легитимности современную систему плавающих валютных курсов. По нашему мнению, это одна из необходимых предпосылок для преодоления современного социально-экологического кризиса мировой цивилизации (в том числе и в его климатическом аспекте).

Благодарности

Авторы выражают благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований за неоднократную поддержку исследований по теме, а также Л. А. Рябовой: за советы, ценные замечания и творческую поддержку при работе над данной статьей.

Литература

Абдулгамидов Н., Губанов С. Двойные стандарты однополюсной глобализации // Экономист. 2002. № 12. С. 20–38.

Алексеев М. Основные вехи истории денег // Вольная экономика. 2018. № 6. С. 120–133.

Бомер-Кристиансен С. Кто и каким образом определяет политику, касающуюся изменений климата? // Известия Русского географического общества. 2000. Т. 132. Вып. 3. С. 6–22.

Бузгалин А., Колганов А. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 119–132.

Глуховцев В. О., Салахова А. И. Онтологические основания мировоззренческого кризиса современности // Век глобализации. 2016. № 1. С. 44–57.

Гор А. Неудобная правда. Глобальное потепление. Как остановить планетарную катастрофу. СПб. : Амфора, 2007.

Горшков В. Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М. : ВИНТИ, 1995.

Демирчан К. С., Кондратьев К. Я., Демирчан К. К. Глобальное потепление и «политика» его предотвращения // Биосфера. 2010. Т. 2. № 4. С. 488–502.

Егоров Д. Г. О теоретической альтернативе экономическому мейнстриму // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 7. С. 70–78.

Егоров Д. Г. Неоклассика vs классика: есть ли в экономической теории третий путь? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6. С. 35–41.

Егоров Д. Г. Микротеория и стоимость // Общество и экономика. 2017. № 11. С. 81–90.

Егоров Д. Г. Предмет экономической науки. Псков : Изд-во Псковского гос. ун-та, 2019.

Ильин А. Н. Кризис экологии и экологического сознания в обществе потребления // Век глобализации. 2016. № 1. С. 147–160.

Иоселиани А. Д. Глобальная экология и экологическая безопасность: философское осмысление // Век глобализации. 2019. № 1. С. 68–74.

Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М. : ЭКСМО, 2007.

Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата – Официальный текст на русском языке. ООН, 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/convkp/kprus.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

Кляйн Н. Доктрина шока. М. : Хорошая книга, 2011.

Кондратьев К. Я. Глобальные изменения на рубеже тысячелетий // Вестник Российской академии наук. 2000. № 9. С. 788–796.

Кузнецов О. Л., Кузнецов П. Г., Большаков Б. Е. Система природа – общество – человек: устойчивое развитие. М.; Дубна : Ноосфера, 2000.

Лукияненко В. И. Homo Consumens – человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2. С. 149–159.

МГЭИК. Изменение климата, 2013 г. Физическая научная основа. Швейцария : МГЭИК, 2013.

Осипов В. И. Есть ли научные обоснования у Парижского соглашения по климату? 2016 // ИА REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/innovation/2139494.html> (дата обращения: 10.10.2019).

Павленко В. Б. Парижское соглашение как угроза национальной безопасности России // Астраханский вестник экологического образования. 2017. № 4. С. 25–40.

Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 2. М. : Феникс, 1992.

Рамочная конвенция ООН об изменении климата – Официальный текст на русском языке. ООН, 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/convkp/convru.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

Франциск, Папа Римский. Энциклика *Laudato si'*. О заботе об общем доме. М. : Изд-во францисканцев, 2015.

Сорос Дж. Алхимия финансов. М. : ИНФРА-М, 1997.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М. : ИНФРА-М, 1999.

Сорохтин О. Г. Что же нам грозит: потепление или похолодание климата? // Изобретательство. 2011. № 1. С. 9–25.

Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М. : ЭКСМО, 2011.

Arrhenius S. On the Influence of Carbonic Acid in the Air upon the Temperature of the Ground // *Philosophy Magazine*. 1896. Vol. 41. Pp. 237–276.

Nordhaus W. Integrated Assessment Models of Climate Change // *NBER Reporter*. 2017. No 3. Pp. 16–20.

Samuelson P. A. *Economics*. New York, 1990.

Sorokhtin O. G., Chilingar G. V., Khilyuk L. F., Gorfunkel M. V. Evolution of the Earth's Global Climate // *Energy Sources, Part A*. 2007. Vol. 29. No 1. Pp. 1–19.

«СУПЕРТЕХНОЛОГИИ»: ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ NBIC-КОНВЕРГЕНЦИИ

Белянцев А. Е.*

В статье проанализированы вероятные социально-политические последствия, глобальные риски и угрозы конвергенции так называемых «супертехнологий» (NBIC-технологий), а также проблемы управления указанными рисками. Приведены важные особенности NBIC-рисков. Рассмотрены сценарии развития био-, нанотехнологий, информационных и когнитивных технологий, а также риски, связанные со сложностью современных социотехнических систем, чреватые угрожающими последствиями для человечества. Названы также и многие другие глобальные риски и угрозы развития комплекса конвергентных технологий. В заключение сделан вывод о необходимости выработки общего концептуального подхода к управлению NBIC-рисками, а также указаны основные направления международного взаимодействия с целью контроля NBIC-процесса.

Ключевые слова: NBIC-технологии, NBIC-конвергенция, конвергентные технологии, биотехнологии, нанотехнологии, технологические риски, глобальные риски и угрозы, управление рисками, международное регулирование.

The article analyzes the probable socio-political consequences, global risks and threats of convergence of the so-called “supertechnologies” (NBIC-technologies), as well as the problems of managing these risks. Important features of the NBIC risks are described. The scenarios considered for the development of biotechnology, information technology, nanotechnology and cognitive technologies, as well as the risks associated with the complexity of modern socio-technical systems, is fraught with alarming consequences for humanity. Many other global risks and threats of development of a complex of convergent technologies are also named. Finally, the authors concludes that it is necessary to develop a common conceptual approach to the management of NBIC-risks, as well as the main directions of international cooperation to control the NBIC-process.

Keywords: NBIC-technologies, NBIC-convergence, convergent technologies, biotechnologies, nanotechnologies, technological risks, global risks and threats, risk management, international regulation.

Современный мир стоит на пороге шестого технологического уклада. Новый технологический уклад – это совокупность принципиально прорывных новейших «супертехнологий», которые оказываются завязанными в единую мультитехносо-

* Белянцев Алексей Евгеньевич – к. ф.-м. н., доцент кафедры прикладного политического анализа и моделирования Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: bellkinn@rambler.ru.

стему, где эффекты использования одних технологий поддерживают применение и развитие других [Громько].

Стратегической целью технологического развития в рамках нового уклада является создание антропоморфных технических систем. Эта задача требует обеспечения синергетического эффекта на базе конвергенции новейших технологий: нанотехнологий (N), биотехнологий (B), информационных (I) и когнитивных технологий (C). В результате такая NBIC-конвергенция создает основу для формирования очередного технологического уклада, обеспечивает выход на принципиально новый уровень систем управления государством, обществом, экономикой и тем самым открывает путь к переходу к качественно новой цивилизации [Каблов 2010; Ковальчук].

Очевидно, что новые технологии помимо положительных последствий несут в себе и угрозы для цивилизации. Определение всего спектра глобальных рисков и угроз развития NBIC-технологий, управление ими, а также их гуманитарная экспертиза в ближайшее время приобретут огромное значение, так как новая квантовая реальность, обусловленная эффектами конвергенции указанных технологий, требует качественно новых подходов и решений в области безопасности.

Можно выделить следующие важные характеристики NBIC-рисков:

– комплекс NBIC-рисков представляет собой сложную синергично сопряженную комбинацию нано- и биорисков, проблем информационной безопасности и функционирования систем искусственного интеллекта, а также рисков, порождаемых системными свойствами техносферы, что в целом может угрожать развитию цивилизации;

– высокий уровень неопределенности при оценке множественных слабо прогнозируемых технологических, экологических, экономических, социально-политических и других рисков, угроз и последствий NBIC-конвергенции;

– политический характер рисков конвергентных технологий, связанный в том числе и с проблемой ответственности групп, имеющих доступ к данным технологиям (казалось бы, неполитическая сфера NBIC-технологий принципиально требует политических управленческих решений как на национальном, так и на международном уровне);

– глобальный характер NBIC-рисков, невозможность полной локализации в пространстве и времени отрицательных последствий применения NBIC-технологий.

Современные политологи и футурологи, анализируя комплекс рисков, связанных с развитием новейших технологий, в частности с биотехнологией, утверждают, что наиболее серьезная угроза – это возможность изменения природы человека и перехода к «постчеловеческой» фазе цивилизации. Причем особенностью биотехнологии является, в отличие от других, отсутствие четкой границы между очевидными преимуществами, которые она несет человечеству, с одной стороны, и широким спектром угроз – с другой.

Предполагается, что в долгосрочной перспективе вероятно реализация следующих сценариев, которые будут иметь существенные социально-политические последствия и могут поставить под угрозу саму природу человека.

Первый сценарий связан с прогрессом нейрофармакологии и генетики, что позволит фармацевтическим компаниям создавать лекарства согласно генетиче-

скому профилю конкретного пациента. Это дает возможность управлять индивидуальными, социальными и политическими аспектами поведения человека, в том числе и в узкогрупповых целях, несовместимых с безопасностью личности и общества.

Второй сценарий определяется успехами в исследовании стволовых клеток, что даст возможность регенерации практически любых органов и систем, в результате чего ожидаемая продолжительность человеческой жизни значительно превысит сто лет. Интересы таких долгожителей обязательно войдут в противоречие с интересами не только их собственных детей, но также внуков и правнуков, что может привести к новым типам социальных конфликтов.

Третий сценарий связан с возможностью стандартной проверки эмбрионов в процессе их искусственной имплантации, что позволит программировать рождение детей с заданными параметрами в интересах правящих элит и влиятельных групп. Кроме того, в данном сценарии обсуждается вероятность создания трансгенных организмов. Например, гены человека могут быть пересажены растениям и животным для создания новых медицинских препаратов; а гены животных добавлены некоторым эмбрионам, чтобы улучшить их иммунитет и физические характеристики. Все это влечет за собой угрозу возникновения социальной евгеники, проблемы «нового неравенства» и «новой ксенофобии», а также распада человечества на несколько видов, чреватого непредсказуемыми войнами и конфликтами.

В рамках четвертого сценария биотехнология и более глубокое понимание наукой человеческого мозга заново открывают возможности социальной инженерии, что будет иметь существенные политические последствия. Прогресс в сфере генетики, молекулярной биологии, когнитивной неврологии, популяционной генетики, эволюционной биологии и нейрофармакологии расширяет знания о мозге, источнике человеческого поведения, а следовательно, и возможности управлять им на уровне конструирования устойчивых (стабильных) социальных структур, функционирующих в рамках конкретно заданных целей в интересах различных групп и субъектов мировой политики (государств, ТНК, сетей террористов, преступных синдикатов и т. д.) [Фукуяма 2008].

Стремительное развитие технологий, а также эффекты и результаты их конвергенции уже превзошли самые смелые предположения футурологов. Все из вышеперечисленных сценариев постепенно из сферы гипотетических и даже фантастических переходят в реальную плоскость.

Сочетание биотехнологий, информатики и когнитивных технологий открывает огромные возможности для дальнейшего прогресса в области расшифровки и анализа генетической информации. Сегодня биотехнологии позволяют определять пол зародыша на ранних стадиях, а значит, и фактически влиять на демографическую ситуацию на локальном и глобальном уровнях. А в течение ближайших 10–15 лет станет реальностью выяснение предрасположенности или устойчивости к множеству болезней, а также природных склонностей у еще не родившегося ребенка. По прогнозам специалистов, все это дает возможность (в долгосрочной перспективе – более 50 лет) конструирования человека с определенными генетическими характеристиками и заданными свойствами на уровне манипулирования ДНК (так называемый «ДНК-дизайн»). Тем самым возникает угроза закрепления

на генетическом уровне различий в социальном статусе, что может привести человечество к новой кастовой системе.

В настоящее время реализована возможность создания новых видов и форм живого, так называемых трансгенных организмов. Например, перенос генов рыб и растений в геномы млекопитающих и наоборот уже осуществлен. Побочные эффекты таких манипуляций пока неясны, а непредвиденные последствия могут быть угрожающими.

Еще одной принципиально новой возможностью является контроль сознания человека и животных, открывающий путь к созданию биороботов – существ, поведение которых будет программироваться или управляться людьми. Это также может привести к катастрофическим последствиям для человечества.

Новое поколение глобальных рисков и угроз NBIC-конвергенции, по мнению многих экспертов, будет определяться квантовыми эффектами, привносимыми нанотехнологиями.

Так, например, рассматривается возможность появления в будущем нанокрибернетических устройств, которые смогут расширить естественные возможности человека, что чревато угрозой киборгизации и, как следствие, появлением новых видов людей, а это также может вызвать новые формы социально-политических конфликтов и войн.

Кульминацией развития нанотехнологий должны стать самовоспроизводящиеся наноассемблеры, которые положат начало молекулярному производству. Наноассемблер является технологией, делающей ненужной гигантскую промышленную сферу. Действительно, достаточно иметь «библиотеку желаемых молекул», и множество проблем от производства продуктов питания, лекарств, материалов и многого другого будет решаться не на огромных предприятиях, а «здесь и сейчас», в пределах одного помещения. Очевидно, что страны, элиты, группы, которые смогут организовать и обеспечить этот прорыв, получают огромные возможности, которые могут быть конвертированы во власть [Аршинов и др. 2011; Сунгатуллина 2012].

Кроме того, поскольку такая ситуация ведет к краху большинства монополий – нефтяных, пищевых, фармацевтических, компьютерных, – это может вызвать их сопротивление и привести к глобальным социальным потрясениям, революциям и войнам. Нельзя исключать и возможность того, что приступившие к саморазмножению наноассемблеры уничтожат все живое, пожирая все вокруг и заполняя землю, воздух и воду «серой слизью» [Соловьев 1997].

Современные нанотехнологии являются областью противостояния и гонки вооружений нового поколения. Поэтому уже сегодня необходимо начать переговорный процесс по недопущению гонки вооружений в этой сфере, принимать соответствующие соглашения, а также продумывать системы контроля их исполнения.

В настоящее время экспертами широко обсуждаются вопросы глобальных рисков и угроз, связанных с системными свойствами современной сложной и многофакторной техносферы. Например, исследуется качественно новая ситуация, с которой сталкивается человечество, при создании и эксплуатации опасных объектов и тем более при ликвидации последствий соответствующих аварий

и катастроф, а также анализируются социально-политические последствия развития опасных технологий, в том числе и NBIC-технологий [Бек 2000].

Катастрофы в высокотехнологичных сферах имеют существенно глобальный характер, их результаты не удается локализовать ни в пространстве, ни во времени. В отличие от обычных аварий невозможно зафиксировать момент завершения работ по спасению людей и ликвидации последствий таких катастроф. Так, например, радиоактивные отходы, которые создаются на АЭС, работающих в штатном режиме, будут представлять угрозу для человечества на протяжении более 100 тыс. лет. Кроме того, неизвестно, как поведут себя на этих временных промежутках многие используемые сейчас материалы.

Также для многих опасных объектов не удается адекватно оценить масштаб ожидаемого ущерба. Например, ущерб от одной крупнейшей катастрофы в сфере атомной энергетики может превысить все остальные аварии в данной области или быть сравним с ними. Таким образом, управление рисками сверхкатастроф является прерогативой сверхдержав. Кроме того, косвенный ущерб подобных аварий может многократно превысить прямой.

На рубеже веков сложилась и принципиально новая ситуация, связанная с человеческими ресурсами. В современной техносфере появилось достаточно большое число рядовых исполнителей, локальные действия которых могут повлечь за собой глобальные катастрофические последствия. Такая ситуация ведет к резкому повышению требований к профессиональной подготовке, человеческим качествам и ценностной ориентации данного круга специалистов, что, в свою очередь, требует развития новейших подходов в сфере высоких гуманитарных технологий (социальных, образовательных и др.) [Аршинов и др. 2011].

Помимо вышеперечисленных, эксперты указывают и на вероятность следующих социально-политических рисков, связанных с развитием NBIC-технологий:

- глобальное ухудшение экологической ситуации вследствие засорения отходами нано- и биотехнологий, возникновение круговорота искусственных наночастиц;
- замедление прироста населения мира как следствие увеличения продолжительности жизни;
- неблагоприятное воздействие на здоровье: новейшие технологии позволяют лечить существующие болезни, но при этом могут стать причиной новых болезней;
- недоступность образования для части населения, имеющей физиологические, психические и социальные особенности, препятствующие обучению в условиях резкой интеллектуализации профессионального образования;
- обострение существующих проблем на принципиально новом уровне: наркомания, преступность, терроризм, безработица, инвалидность;
- развитие черного рынка исследований и разработок в областях, находящихся под запретом;
- различные социокультурные последствия, в частности, трансформация ценностных систем человечества [Социальные...];
- новое качество проблем безопасности: появление принципиально новых угроз безопасности на всех уровнях и тем самым ее ослабление;

– возможность точечного адресного информационного воздействия (вплоть до физического поражения) на людей, в том числе и ЛПП, включенных в глобальную сеть и, в связи с этим, совершенно новое качество технологий политического манипулирования, PR и рекламы;

– возможность латентного глобального управления миром в интересах элит, обладающих доступом к соответствующим технологиям.

Таким образом, подобно любой технологии, NBIC-конвергенция при ее внедрении влечет за собой конструктивные и деструктивные социально-политические последствия, глобальные риски и угрозы, специфика которых связана прежде всего с появлением новых системных свойств у сложной синергично сопряженной техносферы, опирающийся на конвергенцию новейших технологий, позволяющих преобразовывать физический мир на атомно-молекулярном уровне.

Общий концептуальный подход к управлению рисками в условиях дальнейшего развития NBIC-технологий заключается в решении следующих задач:

– анализ основных факторов воздействия NBIC-технологий на общество;

– разработка мер, уменьшающих ущерб от воздействия негативных факторов, в том числе неучтенных рисков и непредвиденных обстоятельств;

– формирование надежной системы обеспечения безопасности личности и общества.

Можно предположить, что международное сотрудничество в сфере регулирования NBIC-процесса будет развиваться по следующим направлениям:

– поиск новых неклассических подходов к управлению рисками в условиях высокой степени неопределенности, характерной для конвергентных технологий;

– регулирование всего комплекса NBIC-технологий, включая выработку стратегий глобального технологического развития в рамках существующих международных институтов и организаций;

– создание новых международных институтов, регулирующих и регламентирующих развитие указанных технологий [Белянцев 2013: 356].

Литература

Аршинов В. И., Буданов В. Г., Лепский В. Е., Малинецкий Г. Г. Самоорганизация, когнитивный барьер, гуманитарные технологии. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ntsrg.info/science/library/3828.htm> (дата обращения: 25.01.2019).

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Белянцев А. Е. NBIC-технологии как сфера международного взаимодействия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 6–1. С. 350–356.

Громыко Ю. В. Что такое новый техно-промышленный уклад? [Электронный ресурс]. URL: http://www.situation.ru/app/j_artrp_1147.htm (дата обращения: 10.01.2019).

Каблов Е. Н. Курсом в 6-ой технологический уклад. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2010/kursom-v-6-oi-tekhnologicheskii-uklad> (дата обращения: 08.12.2018).

Ковальчук М. В. Конвергенция наук и технологий – основа нового технологического уклада [Электронный ресурс]. URL: http://nru.spbstu.ru/scientific_events/conference_nanotechnology/conference_nanotechnology-2010/plenary_lecture/ (дата обращения: 07.10.2018).

Соловьев М. Нанотехнология – ключ к бессмертию и свободе // Компьютерра. 1997. № 41. С. 48–50.

Социальные перспективы и последствия нанотехнологизации [Электронный ресурс]. URL: http://www.ntsр.info/nanoworld/simply/index.php?ELEMENT_ID=1568 (дата обращения: 25.01.2019).

Сунгатуллина Л. Р. Нанориски в ракурсе философско-культурологического анализа // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2012. № 8(63). С. 148–150.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М. : АСТ, 2008.

ГЛОБАЛЬНОЕ ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ К ОНЛАЙН-ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Иоселиани А. Д.*

В статье изучается вопрос о трансформации современной жизни общества в связи с внедрением и широким распространением Интернета и его возможностей во все сферы бытия человека от повседневной жизни до банковских услуг, бизнеса и экономики в целом. Автор рассматривает интернет-банкинг как новое социальное явление глобального мира, ведущее жизнь людей к качественно иному типу взаимоотношений. Раскрываются особенности онлайн-банкинга, его преимущества и недостатки. В работе также исследуются социально-философские основания трансформации общественной жизни в современном техногенном мире, анализируются причины, детерминирующие качественное изменение бытия. По словам автора, проникновение электронных систем во все области приводит к тому, что необходимо нацелиться на поиск новых форм организации человеческих отношений. При использовании высокой технологии требуется высокий уровень подготовленности личности, ее зрелости в духовном плане, ответственности.

Ключевые слова: дистанционный банкинг, электронный банкинг, интернет-банкинг, социальная трансформация, информационное общество, культура, духовность, глобализация.

The article studies the issue of transforming the modern life of society in connection with the introduction and wide distribution of the Internet and its capabilities in all areas of human life from everyday life to banking services, business and the economy as a whole. The author considers Internet banking as a social phenomenon leading people to a qualitatively different type of relationship. The features of online banking, its advantages and disadvantages are revealed. The work also examines the socio-philosophical foundations of the transformation of social life in the modern technogenic world, analyzes the causes that determine the qualitative change in life. According to the author, the penetration of electronic systems in all areas leads to the fact that it is necessary to focus on the search for new forms of organization of human relations. Using high technology requires a high level of preparedness of the personality, its maturity in the spiritual plan, responsibility.

Keywords: remote banking, electronic banking, Internet banking, social transformation, information society, culture, spirituality, globalization.

Одной из характерных черт социального развития современной цивилизации является цифровизация бытия, то есть перевод бытия на язык цифры, ускоренное и повсеместное развитие и распространение дистанционных технологий. Интернет, являющийся глобальной сетью, оказал и оказывает колоссальное влияние

* Иоселиани Аза Давидовна – д. ф. н., профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва. E-mail: aza-i@yandex.ru.

на все области деятельности человечества, включая повседневную рутину, экономику и предпринимательскую деятельность. В контексте цифровизации следует затронуть новое явление глобального мира, которое быстро стало для людей близким, понятным, нужным и необходимым, – это дистанционный банковский сервис, инновационный банкинг.

Банковская сфера, равно как и другие сферы жизни общества, развивается в общем русле новейших изменений и научно-технических прорывов [Цифровая... 2017].

Методологическую базу данной работы составляют принципы единства социально-философского и логического, конкретности, объективности, всесторонности рассмотрения, а также анализ рефлексивных понятий исследуемого объекта. Для достижения научных результатов в статье применяются методы анализа, используемые в современной социальной философии, логике и методологии науки, а также эвристике научного поиска. К таким методам относятся диалектический, логический, научно-исторический, компаративистский и другие.

Фундаментальным принципом дистанционного банковского сервиса являются обмен различной информацией между клиентом и банком на расстоянии и совершение различных транзакций. Особую значимость в данном вопросе приобретает обеспечение высокого уровня безопасности и конфиденциальности общения [Феномен... 2017].

Клиент обладает широкими возможностями таких операций, как, например удаленный доступ к своим счетам, переводы, платежи, управление вкладами, а также получение информации о курсах валют или расположения ближайших банкоматов и т. д. [Еремин 2018: 158–160].

Для пользования отмеченными удобствами дистанционного банковского сервиса клиенту необходимо иметь доступ к мобильной и интернет-связи, а также техническое устройство с соответствующим программным обеспечением и специализированный программный продукт, предоставляемый банком. Эксперты называют дистанционное банковское обслуживание электронным банкингом, также возник термин «интернет-банкинг». Эти понятия довольно точно отражают суть и характер банковской сферы. Здесь ярко прослеживается ее зависимость от уровня развития высоких технологий и технических инноваций, дающих возможность клиентам осуществлять транзакции онлайн [Кириченко, Булавенко; Трифонов, Коршунова 2016].

В современном техногенном мире основными формами осуществления дистанционного сервиса в банковской сфере являются онлайн-банкинг с помощью мобильной связи, через Интернет и специальные устройства самообслуживания (терминалы и банкоматы).

Многие исследования, проведенные аналитическими компаниями, свидетельствуют о быстром росте количества онлайн-операций, которые и становятся доминирующими тенденциями в современном обществе. Кроме того, в наши дни онлайн-банкинг из популярного дополнения трансформируется в неотделимый компонент розничных банков (в этом плане его можно сравнить с банковскими картами, когда они только появились). Набор функций и комфорт в применении привели к возрастанию интереса со стороны клиентской базы.

Одно из предназначений интернет-банкинга – повышение качества обслуживания клиентуры. Инновационный банкинг отличается следующими достоинствами:

- высокий уровень оперативности;
- экономия времени;
- платежи без задержек;
- платежи, выполняемые в любых городах и странах мира;
- возможность проведения различных операций без посещения банковских офисов 24 часа в сутки;
- отслеживание реализуемых процедур;
- безналичные платежи;
- управление различными счетами параллельно;
- денежные переводы;
- круглосуточный контроль собственных счетов;
- возможность открыть счет в любом банке.

Современный интернет-банкинг удобен клиенту еще и потому, что отпадает необходимость иметь с собой наличность всегда и везде [Кириченко, Булавенко].

Безусловно, интернет-банкинг, дающий столько преимуществ, является привлекательным для киберпреступников. Поэтому современная система интернет-услуг, которые оказывает банк, должна предусматривать надежную защиту финансовых средств клиентов.

Дистанционный банкинг в России по сравнению с США и Европой несколько отстает, но все же развивается стремительными темпами, банки успешно осваивают интернет-пространство, растет качество услуг.

Как и любое другое сложное социальное явление, интернет-банкинг наряду с отмеченными преимуществами имеет и негативные стороны, создающие некие риски. К недостаткам дистанционного банкинга можно отнести, например, недостаточность защитных механизмов клиентской базы и их денежных средств от кибермошенничества, отсутствие грамотного руководства по использованию системы интернет-банкинга, психологические трудности, вызывающие страх и недоверие у клиентов, проблемы в использовании цифровой подписи и др.

В современном техногенном мире проблемы, детерминирующие качественное изменение самого человека и его повседневного бытия, имеют глубокие социально-философские корни. Человечество глобализируется, при этом возрастает ценность, а также взаимозависимость отдельных регионов и стран. Основой социально-политического развития являются приоритет общечеловеческих ценностей, отвергается насилие [Чумаков 2019а: 68–75].

В социальной среде люди общаются, переживают чувства, мыслят, обретают собственное «Я». В этом процессе устанавливается бытие людей, претерпевающее сложную и существенную трансформацию. От человека ускользает подлинная пространственная граница, та, которая изначально дана природой. Подлинная граница реальности начинает терять смысл. Бытие людей перешло в плоскость социально-коммуникативных пространств, которая поддерживается разными технологиями и техническим оборудованием. В современной жизни люди неотделимы от техники. Совершается слияние людей с техникой [Иоселиани 2019: 103–105].

На сегодняшний день люди изучают реальность, активно пользуясь техникой. У техники огромные возможности, но при этом она забирает в рабство людей. Наблюдение мира природы уже не так интересно человеку, как круглосуточное погружение в экраны.

Новые информационные технологии интегрируют мир в глобальных сетях инструментализма. Коммуникация, осуществляемая с помощью различных способов, применяемой компьютерной техники, привела к появлению большого количества сообществ, существующих исключительно в виртуальном мире. Впрочем, характерной тенденцией 1990-х гг. в политической и социальных сферах было следующее: сформировать социальное действие и политику на основе первичных идентичностей, которые либо построены в хаотичном процессе нахождения духовности и смысла, либо укоренены в географии и истории.

Информационные общества делали первые шаги к осознанию того, что идентичность как организующий критерий должна доминировать. Идентичность – это процесс, с помощью которого социальный фактор узнает себя, формирует смыслы, в первую очередь на фундаменте данного культурного качества или комплекса качеств, отказываясь от более широкого сопоставления с другими социальными структурами. Если идентичность установлена, то она в любом случае сможет сопоставляться с другими идентичностями (в качестве примера можно привести женщин и мужчин). Она также может охватывать весь социум под покровительством своей идентичности (к примеру, религиозные фундаменталисты стремятся обратиться в свою веру как можно больше людей) [Яблоновская, Шляпникова 2018: 182–189]. Таким образом, модернизация не исчерпывается экономическими и политическими переменами, не завершается ими. Внутреннее содержание процесса модернизации как развития составляет изменение ценностных приоритетов личности.

Новое общество, возникающее в рамках подобного преобразования, является капиталистическим и информационным одновременно. В разных государствах такое общество формирует обилие характерных вариаций, согласно специфике национальных институтов, национальной культуры и истории в соответствии с информационными технологиями.

Одним из определений людей является *Homo faber* – существо, которое изготавливает орудие для непосредственного облегчения труда и жизнедеятельности. То есть техника – это средство, которое позволяет достичь больших результатов при минимальной потере сил. Проблемы людей нашей эпохи связаны с тем, что на смену целям жизни зачастую приходит средство жизни. Оно может доминировать до такой степени, что цель со временем стирается из людского сознания. Технической цели жизни не существует. Существовать может исключительно техническое средство. Цели жизни в любом случае будут находиться в других сферах, сферах духа.

Представленная учеными и футурологами новая картина общества постепенно приобретает определенные черты.

Во-первых, формируется единое компьютерное и информационное сообщество людей, которые проживают в домах, оборудованных различными электронными приборами и различными «интеллектуальными» устройствами.

Во-вторых, развиваются новые отрасли производства, которые формируются в рамках использования информационных технологий и наукоемких отраслей.

В-третьих, изменяется культурное содержание в общественном развитии, в том числе приоритеты в рамках семьи, развиваются виртуальные музеи, используются различные формы взаимодействия людей.

В-четвертых, процесс обеспечения повседневной жизни людей происходит с использованием инновационных принципов и средств производства, оплаты товаров и услуг (например, электронные деньги, интернет-банкинг, мобильный банкинг, WAP-банкинг, SMS и др.).

Эти изменения, оказывая комплексное воздействие на все общество в целом, приводят к значительным преобразованиям производственной и духовной жизни человека.

Техника, технологические инновации, широкодоступная информация повышают адаптивные свойства индивидов к увеличивающимся объемам знаний, но сила естественной природы человека убывает в силу организации, «рационализации» условий труда, создания комфортных бытовых условий жизни. Об этом довольно ярко высказывается Н. Бердяев: «Техника является виновницей страшных поражений душевной жизни, и в первую очередь жизни эмоциональной, людских чувств. В современной цивилизации происходит угасание душевно-эмоциональной стихии... Сердцу сложно выдержать касание холодного металла, оно не в состоянии существовать в металлической среде» [Бердяев 1994: 500–501].

Массовое использование компьютеров обеспечивает доступ к информации, избавляет людей от рутинной работы, ускоряет принятие оптимальных решений, автоматизирует обработку информации. В результате движущей силой развития общества становится производство не материального, а информационного продукта. Что же касается материального продукта, то он становится более «информационно емким» и его стоимость в значительной степени зависит от объема допущенных в его структуре инноваций. Деятельность людей сосредоточена главным образом на обработке информации, а производство энергии и материальных продуктов возложено на машины.

В рамках философических учений человек является главной фигурой в условиях развития информационного общества. В рамках философии человек считается сложным существом с комплексом многомерных универсальных качеств.

Когда индивид предается своим мыслям и формирует информационные объекты, то в какой-то момент возникает нужда осмыслить данный феномен самобытного преобразования людьми природы и самих себя. Философия подобного рода интегрируется в область информационной деятельности человека, дает ему множество вопросов, включая вопросы, касающиеся целесообразности такой деятельности.

Более того, в настоящий момент именно информационная деятельность приводит к возникновению самых значительных проблем человечества. Само существование человека в результате описываемой деятельности оказывается под угрозой. Принимая во внимание то, что данная проблема стоит невероятно остро, современная философия представленный вопрос тщательно анализирует.

Информация – это мощнейший инструмент, позволяющий оказывать влияние на человека и общество. Обладатель большого количества информационных данных по определенному вопросу имеет преимущество перед другими людьми.

Способ существования человека в плане истории характеризуется следующим отношением: человек – орудие – техника. На протяжении столетий сбор и систематизация определенной информации, касающейся того, что окружает человека, помогали нам выживать в непростых обстоятельствах: умение изготавливать орудия труда и охоты передавались из поколения в поколение, на постоянной основе создавались одежда и целебные средства. Объем информации постоянно обновлялся, вбирая в себя новые сведения – каждый проанализированный феномен предоставляет возможность переключиться на что-то новое, на явление с более сложной структурой. С течением времени обилие информации об окружающем мире привело к научно-техническому прогрессу. Общество прогрессировало: в какой-то момент люди научились осуществлять управление различными типами энергии и вещества.

Современный мир как итог развития практической деятельности человека в историческом плане – это пространство, которое является информационным и технологизированным. Важно понимать, что самому человеку удалось технологизировать свое естество. Он существует в пространстве, которое обусловлено технически. Человек реализует себя на основе законов природы, а также на основе законов технической сферы.

Передача информационных данных – это один из решающих нюансов формирования такой среды, существования в ее рамках человека. Со временем значение информации в жизни людей становилось все более и более насущным.

Возникла необходимость исследовать и осознавать уже не только природные законы, но также ценности и понятия социума (речь идет об архитектуре, искусстве, книгах и т. п.).

В данном контексте следует указать на некоторые отрицательные последствия компьютерной революции для традиционного образа существования. К ним можно отнести, в частности, то, что письменность (включая книги и письмо) отходит на второй план, уступая Интернету и набору символов на клавиатуре.

Возникновение новых форм коммуникации, преобразования в привычном наборе традиций, трансформация социальных ценностей – все это осуществляется так быстро, что массовое сознание общества, а также многие эксперты, изучающие данные процессы, называют компьютерную революцию не иначе как кризисом культуры. Если в прошлом культурная адаптация к инновационным явлениям по большей части растягивалась (быстрая передача, усвоение и распространение большого количества информации были невозможны с технической точки зрения), то в настоящий момент мы видим, что скорость овладения всеми благами культуры мира резко увеличилась. Рост оказался таким большим, что многие теоретики начали затрагивать вопрос, касающийся способности психики человека все это принять. Данный вопрос считается злободневным.

Нет никаких сомнений в том, что культурогенез XXI столетия нельзя представить без применения персональных компьютеров, информационных технологий, Интернета и ТВ. При помощи данных средств претворяется в реальность способность выбирать потоки информации. Перечисленные факторы на восприятие мира человеком действуют разнонаправленно и далеко не во всех случаях положительно. Благодаря им время социального бытия в существенной мере ускоряется: человеческая психика загоняется во все более строгие рамки.

В последнее время очевидным стало повышение интереса к возможностям искусственного интеллекта. Основная причина такого явления заключается в том, что повысились требования к информационным системам. Бытовые приборы становятся сложнее, а программное обеспечение – «умнее».

В современном мире люди наделены правом (и даже обязанностью) осмысливать то, что именно значит информационная революция для них самих, для их существования как для живых и реальных, а не абстрактных существ.

Ввиду того, что социум все больше информатизируется, повышается значение авторитарных тенденций. Речь идет о том, что компьютерные сети предоставляют следующие возможности: манипулировать сознанием масс, получать подробные сведения о каждом члене общества. Вполне можно представить себе ситуацию, когда наделенные властью элиты знают все и обо всем, а все остальные – пребывают в неведении.

Тенденции развития в сфере информации заставляют предположить, что, например, политическая власть, получаемая большинством на основе концентрации информационных данных, снизит значение выборов, значение реальной власти политиков-трибунов. Правящие круги, сформировавшиеся таким образом, могут превратиться в инфократию (когда главенствующая роль отведена информации). Это источник власти, у которого нет авторитета перед народом. У него имеется лишь широкий потенциал по применению информационных данных.

В качестве примера можно привести то, как олигархи борются за СМИ. Каждый из них стремится приобретать телевизионные каналы, газеты, радиостанции. Сверхбогатые люди видят в этом гарантии политической власти, которая основана на владении большим количеством информационных данных, гарантии, которые позволяют манипулировать информацией.

Из-за того что электронные системы проникают во все сферы существования людей, нам требуются новые формы организации человеческих отношений. Для работы с высокими технологиями нужны высокая подготовленность, духовная зрелость и ответственность личности. Если гармония нарушается в сторону технологий (она развивается быстрее нравственных ресурсов социума), то различные аспекты бытия человека дегуманизируются.

Более того, компьютеры формируют далеко не только безлюдные производственные процессы. Речь также идет о формировании «безлюдного» общения (вместо собеседника мы видим ПЭВМ). На наших глазах отчетливые формы приобретает новая реальность, основанная на компьютеризации (виртуальной реальности). Это искусственно созданная псевдосреда, с которой можно вести общение как с реальной средой.

Компьютерная техника становится частью жизни современного человека с самых ранних лет: они приходят на смену театру, книгам, друзьям, снижая интенсивность традиционной коммуникации. Компьютеры формируют другую реальность, которую можно воспринимать более серьезно по сравнению с окружающим миром. Данная среда отличается мощным влиянием на психику человека (это влияние невозможно прогнозировать). В настоящий момент эта перспектива становится очевидной, помимо всего прочего, в феномене погружения в виртуальную реальность с обилием псевдоразновидностей человеческой деятельности

(в качестве примера можно привести людей, которые с головой погружаются в компьютерные игры, превращаясь в подобие зомби).

Информационное общество диктует человеку новые правила. Речь в первую очередь идет о готовности сменить деятельность, способности сохранять высокий уровень мобильности, способности переучиваться и осваивать новые профессии. На предыдущей стадии развития значение таких навыков не было столь актуальным.

Антропогенная цивилизация основывается на следующем: человек – это главная ценность функционирования социума в целом и отдельных его подсистем.

Можно сделать предположение, что в будущем появятся другие негативные последствия роботизации бытия, которые активно влияют на людей и общество.

Человек как существо, у которого есть ответственность, во всех случаях принимает любые решения, имеющие отношение к преобразованию окружающей среды. Однако инфосфера вносит в данное положение дел свои коррективы [Иоселиани 2019; Ее же].

Интеллектуальные системы не просто осуществляют хранение информационных данных. Они эксплуатируют информацию для того, чтобы принимать решения и искать ответы на имеющиеся вопросы. Они в состоянии кооперироваться с другими системами, получать от них сведения, о которых при изначальной постановке задачи речи не было. Уже сегодня решения, которые находят машины, очень часто людьми не принимаются. А все потому, что люди не понимают основных принципов их получения.

Чем глубже внедрение технологий, с помощью которых можно проводить сложные вычислительные процессы, тем выше риск, что в какой-то момент люди не смогут понять суть машинных решений, логический путь, на котором эти решения были основаны. Далеко не всегда получается добиваться от компьютеров объяснений тех или иных действий. Это одна из самых значимых задач, стоящих перед специалистами, занимающимися созданием искусственного интеллекта. Если представленный вопрос не будет решен, то возникнет весьма явная опасность возникновения катастроф, аварий и хаоса [Ioseliani 2018: 450–453]. Таким образом, крайне важно найти способы, с помощью которых можно эффективно контролировать интеллектуальных помощников.

Не исключено, что в будущем появятся настолько надежные машины, что потребность во вмешательстве человека исчезнет.

Впрочем, при таком развитии событий может стать очевидным риск деградации навыков людей, деградации способности реагировать на преобразования внешних условий и принимать управленческие решения при серьезных сбоях [Чумаков 2019б].

Еще одна проблема, связанная с интеллектуализацией, касается образовательного уровня членов социума (требования к их квалификации и компетентности повысятся).

Потребность общества в неквалифицированном труде будет уменьшаться. В то же самое время важно ответить на вопрос: у всех ли имеется способность использовать высокие технологии? Не исключено, что люди, лишенные такой способности, окажутся в числе безработных. В результате социуму придется защищать их, оказывать им поддержку. Более того, некоторые эксперты полагают,

что массовая интеграция экспертных и информационных систем может привести к возникновению «тунеядцев». Такие «интеллектуальные трутни» будут в полной мере доверять машинам, отказываясь от усилий интеллектуального плана. Еще непонятно, стоит ли рассматривать данные предположения всерьез, однако огульно отмечать подобные размышления все же нельзя.

Стремление человека к компьютеризации своего существования невозможно остановить, и так было всегда.

Не станет ли человечество слишком зависимым от бездушных машин? Не станем ли мы рабами компьютеров? Какое физическое, психологическое и социальное воздействие стремительная компьютеризация оказывает на нас? Как защитить человека от огромных масс информации, которая обрушивается на него каждый день? Можно ли назвать современную рекламу своеобразным насилием над сознанием человека?

Некоторые эксперты приводят обоснованные доводы в пользу того, что процесс компьютеризации оказывает на человека и общество негативное влияние.

К примеру, В. Вольперт заявляет следующее: компьютеры оказывают отрицательное воздействие на психику и творческие навыки людей, становятся причиной серьезных психофизических отклонений, бьют по жизненной активности, разрушают творческую природу [Volpert 1984].

Другие ученые полагают, что данные утверждения имеют право на жизнь, однако все эти проблемы могут быть решены. К примеру, К. Хефнер предлагает создать гуманно-компьютеризованное общество, сформировать гуманные и тщательно разработанные отношения между компьютерами и людьми [Haefner 1984: 396].

Последняя четверть XX в. была ознаменована тем, что человечество вступило в новую стадию информационного развития. Формирование общества информационных услуг и новых технологий, вторжение информационной экономики, массовая персональная компьютеризация – это феномены, с которыми ранее человечество еще не сталкивалось.

Будущее развитие должно основываться на следующем: человечество обязано сохранить то сокровище, которое нам подарено процессом эволюции. Речь идет, конечно же, о жизни человечества. Впрочем, это не значит, что нужно срочно отказываться от научных исследований и инноваций. Мы должны обеспечить новый подход к таким явлениям. Просто важно понимать, что конец и начало всех стадий развития любого научного направления на постоянной основе переходят друг в друга.

Выводы

Трансформация и цифровизация общественной жизни, внедрение дистанционных технологий не исчерпываются экономическими и политическими переменами, не завершаются ими. Глубокие и неоднозначные изменения происходят во всех сферах бытия, в коммуникации людей. Однако в этих процессах самые существенные изменения претерпевают ценностные ориентации личности как ядро процесса модернизации. Таким образом, новый социум, который формируется в рамках подобных трансформаций, образует большое количество специфических вариаций в соответствии с отличительными чертами национальной культуры и истории, а также с отношениями с цифровыми технологиями.

Интеллектуальные системы могут повлиять на социальную повседневность и кардинально ее изменить, однако вопрос в том, что это за влияние и насколько человек как мыслящее существо защищен от него.

Техническая цивилизация диктует свои ценности и приоритеты. Одним из основных ее приоритетов является новое социальное пространство, новый тип коммуникации, иные условия социального бытия, которое и детерминирует приоритеты конкуренции, соперничества и выгоды.

Литература

Бердяев Н. *Философия творчества, культуры и искусства*: в 2 т. Т. 1. М. : Искусство, 1994. С. 513, 500–501.

Еремин И. *Исламский банкинг: экономика и духовность // Актуальные вопросы экономики и управления в условиях модернизации*. Смоленск, 2018. С. 156–160.

Иоселиани А. Д. *Формирование инфосферы: социально-философский ракурс [Электронный ресурс]*. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2016_3-1_18.pdf (дата обращения: 20.12.2019).

Иоселиани А. Д. *Искусственный интеллект vs человеческий разум // Манускрипт*. 2019. № 4. С. 102–106.

Кириченко Л. П., Булаченко О. А. *Система интернет-банкинга в России*. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sistema-internet-bankinga-v-rossii> (дата обращения: 21.12.2019).

Трифонов Д. А., Коршунова С. В. *Современные проблемы банковского корпоративного кредитования в России // Экономика и бизнес: теория и практика*. 2016. № 12. С. 48–52.

Феномен глобализации и проблемы социокультурного многообразия в современном мире: сб. материалов Международной заочной научно-практической конференции / под ред. Л. А. Таймасова, Е. М. Михайловой, Н. А. Подкиной. Чебоксары, 2017.

Цифровая Россия: новая реальность Digital. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tadviser.ni/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> (дата обращения: 22.12.2019).

Чумаков А. Н. *Глобальный мир: столкновение цивилизаций*. М. : Проспект, 2019а.

Чумаков А. Н. *Особенности образования в области глобалистики: актуальные проблемы // Век глобализации*. 2019б. № 2(30). С. 38–48.

Яблоновская Т. В., Шляпникова М. Н. *Информационная парадигма образования в условиях постнеклассической рациональности: реалии и перспективы // Образование – путь к успеху: сб. науч. тр. Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. Е. В. Плужника, Т. В. Яблоновской*. М. : МТИ, 2018. С. 182–189.

Haefner K. *Mensch und Computer im Jahre 2000*. Basel; Boston; Stuttgart, 1984.

Ioseliani A. *Man as a Subject of Internet Communication // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / ed. by E. Popkova*. Switzerland : Springer, 2018. Pp. 449–453.

Volpert W. *Macht die Arbeit am Computer Stumpf // Bild der Wissenschaft*. 1984. No. 11. S. 21–37.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ГАРМОНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ XXI ВЕКА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Лукьянов В. Ю.*

В статье предпринимается попытка анализа тенденций формирования системы международных отношений. Проблема рассматривается как применительно к современной ситуации, так и в исторической ретроспективе. Автор пытается рассмотреть ключевые проблемы создания системы международных отношений современности, используя опыт развития систем прошлого. Основным предметом изучения является Версальско-Вашингтонская система, существовавшая в период между Первой и Второй мировыми войнами. Кроме того, анализируются проблемы создания современной системы международных отношений, начавшей формироваться после распада СССР и окончания периода холодной войны. Автор определяет данную систему как постбиполярную. В статье осуществляется попытка сравнительного анализа тенденций развития названных систем. Автор приходит к выводу о том, что ситуация, сложившаяся в мире в конце XX – начале XXI в., в значительной мере повторяет ситуацию периода 1920–1930-х гг. В завершение статьи автор пытается предложить основные принципы создания стабильной системы международных отношений в XXI в. с учетом опыта развития Версальско-Вашингтонской системы.

Ключевые слова: *международные отношения, Версальско-Вашингтонская система, постбиполярная система, монополярный мир, холодная война, баланс сил.*

The article analyzes the trends of creation of a system of international relations. This problem is considered with respect to the present as well as in historical retrospective. The author tries to analyze the main problems and trends of establishing modern system of international relations using the experience of the evolution of the past ones. The main subject of study is Versailles – Washington system which existed in the period between the First and the Second World Wars. Besides, the author analyses problems of creation of the modern system of international relations which started after the collapse of the USSR and the end of the Cold War. The author defines this system as a post-bipolar one. In the article the author performs a comparative analysis of these systems in terms of development and trends. The conclusion is made that the situation in the late 20th – early 21st centuries is

* Лукьянов Владимир Юрьевич – к. и. н., доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. E-mail: volodya.luckyanov2017@yandex.ru.

largely similar to the situation in the 1920s – 1930s. In the final part of the article the author tries to offer a way to create a stable system of international relations in the 21st century using the experience of the Versailles – Washington system.

Keywords: *international relations, Versailles – Washington system, post-bipolar system, mono-polar World, “cold war”, “balance of power”.*

Введение

В конце XX в. прекратила существование биполярная модель международных отношений, основанная на противостоянии сверхдержав – США и СССР. К сожалению, процесс формирования новой системы, обеспечивающей стабильное и предсказуемое развитие, идет крайне трудно. Международные отношения сегодня, в начале XXI в., отличаются очень высоким уровнем конфликтности. Постоянно появляются все новые очаги напряженности – политические кризисы на Украине и Ближнем Востоке, кризис в отношениях России и стран Запада, в первую очередь России и США. Очевидно, что создание стабильной системы международных отношений насущно необходимо. В противном случае неизбежны увеличение количества и рост масштабов международных кризисов, что ведет к непредсказуемым последствиям.

Необходимость скорейшего создания эффективно работающей системы международных отношений объясняется еще и спецификой ситуации, сложившейся сегодня в мире. Процесс глобализации привел к появлению принципиально новых проблем, с которыми не сталкивалась ни одна из ранее существовавших систем, например, проблемы международного терроризма в тех масштабах, в которых она существует сегодня. Международные террористические организации, прежде всего небезызвестное «Исламское государство», превратились в самостоятельных акторов, участвующих наряду с государствами и международными организациями в формировании международных отношений.

Предельно обострилась проблема обеспечения ядерной безопасности. Фактор ядерного оружия стал оказывать влияние на формирование международных отношений сравнительно недавно – во второй половине XX в., в период существования Ялтинско-Потсдамской системы, в рамках которой контроль над ядерным оружием был достаточно эффективен. Была создана целая система договоров и соглашений, позволяющая минимизировать риск возникновения ядерной войны – Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г., советско-американские соглашения об ограничении ядерных вооружений периода 1970–1980-х гг. и т. д.

Сегодня ситуация иная. Прежняя система контроля над ядерным оружием утратила эффективность. Наибольшую тревогу вызывают отношения двух крупнейших ядерных держав – США и России. Советско-американские и российско-американские договоренности об ограничении ядерных вооружений и контроле над ними, достигнутые в эпоху существования СССР и в постсоветский период, перестают действовать. Наиболее показательный пример – выход России и США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Договор,

¹ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

заклученный между СССР и США еще в 1987 г., был фундаментом системы ядерной безопасности на протяжении тридцати с лишним лет. Его крах предельно обострил ситуацию в сфере контроля над ядерным оружием, повысил вероятность начала ядерной войны.

Но главная опасность заключается в том, что международные отношения приобретают хаотичный, труднопрогнозируемый характер. «...Мы предполагаем, что мир достаточно длительное время будет находиться в весьма турбулентной эпохе с кризисами, усилением напряженности, формированием новых и непривычных союзов» [Гринин 2016: 11]. Таким образом, можно констатировать факт насущной необходимости создания новой системы международных отношений, обеспечивающей мировому сообществу стабильность, предсказуемость, минимизацию вероятности возникновения конфликтов и войн.

Что необходимо для создания такой системы? Как нам представляется, задача должна решаться на двух уровнях – условно говоря, практическом и теоретическом.

С одной стороны, исключительно важной является деятельность на мировой арене главных акторов международных отношений – государств мира и международных организаций, прежде всего ООН. Именно нахождение взаимопонимания между государствами при ведущей роли ООН является основой решения поставленной проблемы.

С другой стороны, решение проблемы невозможно без рассмотрения теоретических аспектов проблемы, без своего рода конструирования новой системы на теоретическом уровне. Для этого, в свою очередь, представляется необходимым анализ принципов работы систем международных отношений, существовавших ранее. Проецирование опыта прошлого на современную ситуацию может помочь в создании эффективно функционирующей, сбалансированной системы, снизить уровень напряженности в отношениях между государствами, который сегодня достигает взрывоопасной отметки. Попытке решения этой задачи, то есть анализу проблем формирования системы международных отношений с учетом опыта прошлого, и посвящена предлагаемая статья.

Версальско-Вашингтонская система международных отношений и современность. Уместны ли сравнения?

В плане решения поставленной задачи весьма перспективным видится изучение опыта Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, существовавшей в период между Первой и Второй мировыми войнами. По мнению автора, можно выделить несколько причин, по которым опыт именно этой системы может быть полезен сегодня.

Во-первых, Версальско-Вашингтонская система была одной из самых неудачных, если не самой неудачной из числа когда-либо созданных. Краткий (всего двадцать лет) период ее существования закончился трагически – новой мировой войной. Именно о Версальском мире, ставшем основой системы, маршал Франции Фердинанд Фош произнес знаменитую фразу: «Это не мир, это перемирие на двадцать лет». То есть Версальско-Вашингтонская система представляет собой некий эталон негативного опыта. Именно поэтому изучение принципов ее

устройства и функционирования позволит сегодня не допустить ошибок, которые привели Версальско-Вашингтонскую систему к краху.

Во-вторых, по мнению автора, мы можем отчетливо проследить параллели между событиями периода формирования и функционирования Версальско-Вашингтонской системы и современностью, системой международных отношений, начавшей формироваться после распада СССР и краха биполярной модели (условно назовем ее постбиполярной).

Прежде всего общими являются «стартовые условия». И в том и в другом случае мы видим глобальные сдвиги в расстановке сил на мировой арене. Версальско-Вашингтонская система формировалась по итогам Первой мировой войны, результаты которой – поражение Германии, радикальное «перекраивание» карты Европы, доминирование на европейской арене Великобритании и Франции, выход на мировую арену США, революция в России и создание СССР – означали необходимость выработки принципиально новых подходов к формированию послевоенного миропорядка.

Аналогичным образом в основе системы, начавшей формироваться в период 1990-х гг., лежали глобальные геополитические изменения – распад СССР и мировой коммунистической системы, окончание холодной войны, что также означало необходимость выработки качественно новых подходов к формированию зарождающегося миропорядка.

Другой общей чертой периода 1920–1930-х гг. и периода конца XX – XXI в. является множественность акторов, участвующих в формировании систем. В самом деле, одной из главных тенденций развития Версальско-Вашингтонской системы стало неуклонное расширение числа ее участников – подключение к работе системы Германии, СССР, США. Однако сегодня мы можем видеть тот же процесс. После провала попыток формирования монополярной, американоцентричной системы международных отношений реальностью стало увеличение количества акторов, претендующих на активное участие в формировании системы современных международных отношений, – Россия, Китай, ОДКБ, ШОС и т. д.

«Мир, формирующийся сегодня, полон аналогий с тем, который сложился после Первой мировой войны. Тогда несколько центров влияния определяли расстановку сил на международной арене: европейские державы-победительницы, США, СССР, а затем и Германия. “Многополярность 1920-х гг.” являлась системой гибкой, более подвижной по сравнению с биполярностью, сложившейся по окончании второй Мировой войны. Однако всегда стоит помнить, что Версальско-Вашингтонская система приобрела деструктивную динамику и, разрушив саму себя, ввергла человечество в самую страшную в истории войну. Формирующаяся сегодня система международных отношений, с одной стороны, делает возможной активность многих акторов, но с другой – она не выработала в полном объеме механизмы самосохранения, противодействия угрозам и адаптации к вызовам» [Минаев 2016: 61].

Еще один совпадающий момент в работе двух систем можно определить как изменение сознания, радикальное переосмысление границ допустимого в политике, методов достижения поставленных целей.

По окончании Первой мировой войны традиционные методы решения международных проблем – противостоящие друг другу военно-политические блоки,

тайная дипломатия, «баланс сил» – «все это воспринималось многими... как “старые” методы мировой политики, от которых необходимо отказаться, заменив их системой коллективной безопасности в рамках Лиги Наций и разоружением» [Магадеев 2014: 45].

Схожие настроения царили в мире и в конце XX в. – после распада СССР и краха биполярной модели. Казалось, что окончательно устранены причины геополитического и идеологического противостояния эпохи холодной войны, мир вступает в эпоху стабильности, процветания, отсутствия войн и конфликтов, основой чего должно стать распространение демократии в глобальном масштабе. Отражением этих настроений, их апогеем стала знаменитая работа Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек».

Однако и в том и в другом случае ожидания оказались несостоятельны. В период 1920–1930-х гг. идеи коллективной безопасности, разоружения, пацифизма, Лиги Наций как гаранта сохранения мира и порядка не работали. Как раз наоборот, политика отказа от баланса сил, блокового противостояния привела к трагическим результатам. Именно отказ от баланса сил в Европе, отсутствие коалиции, противостоящей оформившемуся в период второй половины 1930-х гг. германскому блоку, привели к началу Второй мировой войны.

Схожие процессы можно наблюдать и в период конца XX – начала XXI в. Идеи построения нового, безопасного мира на основе отказа от противостояния эпохи холодной войны, повсеместного распространения демократии, доминирующей роли ООН в решении международных проблем, к сожалению, не выдержали проверки временем. Реальностью конца XX – начала XXI в. стала попытка формирования монополярного, американоцентричного мира, претензии США на доминирующее положение в системе международных отношений. Воплощением этих претензий стали осуществленная без санкции Совета Безопасности ООН США и их союзниками по НАТО бомбардировка Югославии в 1999 г. и интервенция в Ираке в 2003 г., процесс расширения НАТО². Результатом этого, в свою очередь, стало резкое ухудшение отношений стран Запада и России, возвращение, по сути дела, к политике баланса сил, блокового противостояния эпохи холодной войны. Сегодня мы можем видеть попытки создания нового центра силы, противостоящего на мировой арене США и НАТО. Здесь мы имеем в виду прежде всего такие структуры, как ШОС и БРИКС. Разумеется, ни ШОС, ни БРИКС не являются военно-политическими блоками, аналогичными НАТО, однако их оппозиционность Западу, претензии на статус важнейших геополитических акторов не вызывают сомнений.

Мы не можем не отметить и параллели между Лигой Наций и ООН. Созданная в рамках Версальского договора Лига Наций виделась как принципиально новая международная структура, осуществляющая глобальную миротворческую миссию, предотвращающая международные конфликты, борющаяся с агрессией

² Не следует, однако, перекладывать всю ответственность исключительно на страны Запада. По мнению автора, определенная доля вины за сложившуюся в мире ситуацию лежит и на России. Так, например, по нашему мнению, достаточно спорным с точки зрения международного права является произошедшее весной 2014 г. присоединение Крыма к России. Также, впрочем, достаточно спорным является и признание рядом государств Запада независимости Косова.

и т. д. Однако Лига Наций так и не превратилась в эффективно работающую организацию. На всем протяжении ее существования государства, проводившие агрессивную внешнюю политику, откровенно игнорировали Лигу Наций, не обращали внимания на принимаемые ею решения. К сожалению, ООН в конечном счете повторила судьбу своей предшественницы. Реальностью стало постоянное игнорирование Организации Объединенных Наций, что находит свое выражение прежде всего в проводимых рядом государств военных операциях, по сути дела, интервенциях, осуществляемых без санкции Совета Безопасности ООН.

Следствием беспомощности Лиги Наций в период 1920–1930-х гг. и ООН сегодня стало то, что периоды существования Версальско-Вашингтонской системы и современность объединяет абсолютное игнорирование понятия «международное право». В период между мировыми войнами государства, в первую очередь гитлеровская Германия, демонстрировали откровенное пренебрежение, даже презрение к международному праву. Однако то же самое, по сути дела, мы видим и в наши дни. Сегодня «сложилась ситуация, когда крупные мировые державы демонстрируют, что решения, акты, юрисдикция международных судов на их страны де-факто не распространяются. Сами международно-правовые институты используются как инструменты давления, как дополнительное поле для “игры”...» [Орлов и др. 2016: 72]. Вместо общепринятых и универсальных норм международного права имеют место «распространение правового нигилизма, применение в правовой практике двойных стандартов, подмена правовых принципов в международных отношениях квазиправовыми понятиями “страны-изгой”, “диктаторские режимы” и т. д.» [Мусаелян 2014: 212].

Еще один общий момент между двумя системами можно определить как усиление роли и значения идеологии в международных отношениях.

Усиление значения идеологии в Версальско-Вашингтонской системе связано было прежде всего с выходом на международную арену СССР. Созданное в результате революции 1917 г. Советское государство провозгласило проведение принципиально нового курса внешней политики, основанного на идее «пролетарского интернационализма». Доктрина последнего носила ярко выраженный идеологический характер. Высшая и главная цель внешней политики СССР определялась как свержение власти буржуазии в мировом масштабе, построение мирового социалистического общества. То есть Советский Союз в области внешней политики ставил во главу угла, по крайней мере формально, идеологические ценности [Мухаметов 2012].

Со своей стороны, государства Запада, в первую очередь Франция и Великобритания, видели в СССР не только, а может быть, даже не столько геополитического, сколько идеологического противника. Главная угроза виделась в проникновении в Европу идеологии коммунизма, которая была абсолютно неприемлема для Запада, так как ставила перед внешней политикой не традиционные, геополитические задачи – борьбу за раздел сфер влияния или ресурсы, но уничтожение капиталистической системы. Реакцией Запада стала попытка создания так называемого «санитарного кордона» вокруг СССР. «Санитарный кордон» ставил задачу противодействия проникновению в Европу идеологии коммунизма, то есть преследовал в первую очередь идеологические цели. Активным проводником этой идеи стал председатель Совета министров Франции Жорж Клемансо, кото-

рый «в марте 1919 г. <...> активно призывал недавно созданные пограничные с РСФСР государства сформировать антироссийский оборонительный союз с целью изоляции Европы от угрозы распространения коммунизма и экспорта революции» [Яшкова 2014].

Пришедшая в 1933 г. к власти в Германии Национал-социалистическая партия, возглавляемая А. Гитлером, при определении внешнеполитического курса также ставила во главу угла идеологию. В основе внешней политики Гитлера лежал тезис об «избранности» арийской расы, ее праве на уничтожение «неполноценных» народов и борьбу за «жизненное пространство» [Буханов 2013].

Таким образом, одним из важнейших факторов развития международных отношений в период существования Версальско-Вашингтонской системы становится усиление тоталитарных идеологий – национал-социализма и коммунизма – и противостояние государств не только, а может быть, даже не столько по геополитическому, сколько по идеологическому принципу: демократия – тоталитаризм.

Однако, по сути, ту же тенденцию – усиление значения в международных отношениях идеологии, в первую очередь идеологии тоталитарной, – можно наблюдать и сегодня. Прежде всего мы имеем в виду так называемый исламизм, или радикальный ислам. «Радикальные исламисты стремятся к насильственному распространению строгого соблюдения традиций и обычаев ислама в обществе, к тотальному контролю над поведением людей, к замене светских законов шариатом, а для достижения таких целей готовы к незаконным и насильственным действиям, включая... терроризм и свержение правительства» [Гринин 2019: 21].

Воплощением идеи радикального ислама стало создание небезызвестного «Исламского государства» (ИГ), бывшего едва ли не главной угрозой для международной безопасности. ИГ являлось в первую очередь именно идеологической структурой. Как известно, на сегодняшний день в результате проведенной силами западной коалиции и России военной операции ИГ было уничтожено. Однако победа над ним имеет чисто военный характер. В идеологической сфере борьба против него, по мнению автора, далеко не закончена.

Причина же успехов ИГ заключалась в том, что «популярности достаточно простой и доходчивой идеологии “Исламского Государства” в немалой степени способствовал кризис “светских идеологий” в арабских странах (прежде всего панарабизма, национализма, насеризма, баасизма, западного либерализма, коммунизма и др.), побудивший широкие мусульманские массы обратиться к более близким им по духу и по менталитету религиозным ценностям» [Федорченко, Крылов 2015: 214].

Другая, не менее важная причина успехов радикального ислама состояла в том, что страны Запада, в первую очередь США, проводят политику откровенного навязывания демократии, априори полагая, что свержение авторитарных режимов в государствах Ближнего Востока автоматически приведет народы Ближнего Востока к демократии, свободе и процветанию. Мы имеем в виду так называемую концепцию смены режимов, допускающую, в случае необходимости, вооруженную интервенцию США для свержения тоталитарного, диктаторского режима без санкции Совета Безопасности ООН и без учета позиции мирового сообщества. Концепция была принята после событий 11 сентября 2001 г. – знаменитой террористической атаки на Нью-Йорк и Вашингтон. В январе 2002 г. прези-

дент США Дж. Буш, выступая в Конгрессе, ясно и недвусмысленно заявил о том, что Соединенные Штаты будут бороться с терроризмом и государствами, его поддерживающими, даже в том случае, если не получат одобрения мирового сообщества. «Некоторые правительства проявляют нерешительность, столкнувшись с террором. Не будем заблуждаться на этот счет: если они не будут действовать, действовать будет Америка» [The White...].

На практике, однако, попытки свержения путем военной интервенции существующих на Ближнем Востоке авторитарных режимов ведут лишь к дестабилизации ситуации – к погружению целых государств в состояние смуты, хаоса, гуманитарной катастрофы. Мы имеем в виду прежде всего события в Ираке в 2003 г. и в Ливии в 2011 г.

Нельзя не согласиться со следующей мыслью: «...события арабской весны показали, что альтернативой свергнутым авторитарным режимам стали не либеральная демократия западного типа, а стремительное утверждение сторонников радикального ислама. Однако исламистские режимы также не смогли стать ответом на запросы местного населения. Альтернативой радикальному исламу стал еще более радикальный ислам» [Васнецова 2016: 100].

Иными словами, имеет место своего рода замкнутый круг. Попытки навязывания демократии путем политического, экономического давления и даже открытой военной интервенции приводят к неприятию демократии и появлению в качестве альтернативы тоталитарных, радикальных идеологий. Новые попытки навязывания демократии приводят к еще большей радикализации этих идеологий и т. д.

Следует отметить, что усиление радикальных идеологий и, как следствие, усиление влияния авторитарных политических партий, рост числа государств с авторитарной моделью устройства касается не только региона Ближнего Востока. Так, крупный американский дипломат, президент Совета по международным отношениям, руководитель отдела политического планирования при Государственном департаменте США Ричард Хаас приходит к неутешительному выводу о том, что политика смены режимов ведет к росту популярности и влияния авторитарных режимов практически по всему миру.

«Либерализм находится в отступлении. Демократии ощущают последствия растущего популизма. Партии политических крайностей завоевывают позиции в Европе... Авторитарные системы, в том числе Китай, Россия и Турция, стали еще более мощными. Такие страны, как Венгрия и Польша, не заинтересованы в судьбе своих молодых демократий» [Haass 2018].

Таким образом, Версальско-Вашингтонскую систему и систему, формирующуюся сегодня, объединяет и общая тенденция к росту влияния радикальных идеологий, усилению противостояния на идеологической основе.

Выводы

Подводя итог, мы можем констатировать, что существовавшую в период между мировыми войнами Версальско-Вашингтонскую систему международных отношений и систему, формирующуюся сегодня, объединяет значительное количество общих моментов. Каким же образом опыт существовавшей почти сто лет

назад Версальско-Вашингтонской системы может помочь в формировании системы международных отношений XXI в.?

Отвечая на этот вопрос, необходимо отметить, что Версальско-Вашингтонская система, несмотря на трагический итог своего развития – Вторую мировую войну, стала, вероятно, первой системой международных отношений, пытавшейся осуществить глобальную внутреннюю перестройку, внутреннее реформирование.

В период 1920–1930-х гг. государства-победители, осознавая несовершенство Версальского мира, предпринимают шаги к его ревизии. «Уже Локарнские соглашения 1925 г. <...> обозначили серьезное изменение в позиции Германии в Европе. Франция и Великобритания, бывшие союзники по Антанте, уже не диктовали ей свою волю, а стремились к совместному принятию решений; их требования по скрупулезному выполнению всех пунктов разоружения смягчились; Германия была принята в Лигу Наций; начался вывод войск из первой оккупационной зоны на левом берегу Рейна...» [Магадеев 2014: 42]. В целом «в начале 1930-х гг. дальнейшее развитие ситуации в Европе виделось многими политиками как продолжение пути по мирной ревизии Версальского договора» [Там же].

Однако трансформация Версальских договоренностей неизбежно ставит непростой вопрос: «Каковы пределы эволюции системы, до каких пор можно “отступать”, не нарушив стабильность и хрупкое равновесие в Европе?» [Батагова 2019: 86].

Развивая эту мысль и абстрагируясь от проблем периода между мировыми войнами, правомерно, на наш взгляд, следующее утверждение. Важнейшая проблема любой системы международных отношений – правильно найденная стратегия ее модернизации, реформирования. Опыт Версальско-Вашингтонской системы наглядно свидетельствует: ошибки при выборе принципов реформирования ведут к катастрофическим результатам – гибели системы и дестабилизации ситуации в международных отношениях в глобальном масштабе.

Исключительно остро эта проблема стоит сегодня, в XXI в. Очевидным является тот факт, что попытки формирования монополярного, американоцентричного мира, предпринимаемые США в конце XX – начале XXI в., потерпели крах. Результатом этого являются нестабильность и хаотичность существующей сегодня системы, возникающие один за другим кризисы, высокий уровень напряженности в отношениях между государствами.

Именно поэтому вопрос о реформировании существующей сегодня системы международных отношений жизненно важен. При определении оптимального варианта реформирования опыт Версальско-Вашингтонской системы может быть исключительно полезен. Необходимо понять, почему принципы устройства Версальско-Вашингтонской системы и попытки ее реформирования оказались неэффективны и привели к трагическому результату – началу новой мировой войны. Ответ на этот вопрос поможет в решении проблемы формирования эффективно работающей системы международных отношений сегодня.

Однако прежде чем перейти к анализу ошибок Версальско-Вашингтонской системы, необходимо остановиться на следующем моменте. Системы международных отношений формируются как следствие некоего события глобального масштаба, чаще всего войны. Принципы работы новой системы излагаются в документе, условно говоря, договоре, фиксирующем новые геополитические реа-

лии. Определяются принципы отношений между государствами, новые границы, зоны геополитического влияния и т. д. Именно так были созданы наиболее известные системы прошлого – Венская, Версальско-Вашингтонская и Ялтинско-Потсдамская. В основе Венской системы лежали решения Венского конгресса 1815 г., зафиксировавшие геополитические реалии, сложившиеся по окончании Наполеоновских войн. В основе Версальско-Вашингтонской – Версальский мир 1919 г., в основе Ялтинско-Потсдамской – решения Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 г.

Но система, формирующаяся сегодня, не основана на подобном документе. В конце XX в. не был подписан договор, фиксирующий новые мировые реалии, сложившиеся по окончании холодной войны, аналогичный Версальскому договору или Ялтинским и Потсдамским соглашениям. Таким образом, важнейшим условием стабилизации ситуации в мире сегодня является как раз подписание некоего глобального соглашения о принципах мироустройства между ведущими геополитическими акторами.

Результатом отсутствия такого соглашения является то, что сегодня «стороны топчутся на месте в поисках победителей и проигравших, ...так как привыкли, что победители должны провозгласить новые принципы и условия мирового порядка, после того как проигравшие признают себя таковыми. В этом главная причина побудить Россию согласиться с ролью проигравшего по различным пунктам, взять на себя “вину” и пр. Проблема в том, что даже если Россия сделает такой шаг, то новый справедливый миропорядок не удастся установить, поскольку в реальности поражение не имело место, а картина мира гораздо сложнее... В настоящий момент и государства, входящие в Европейский Союз, и Россия, и Китай начали стремиться к пересмотру этих отношений. Возникла настоятельная потребность поиска основ для строительства нового миропорядка. Но как его строить?» [Орлов и др. 2016: 72].

И здесь опыт Версальско-Вашингтонской системы как нельзя более кстати. Как было указано выше, Версальский договор, ставший основой системы, был составлен крайне неудачно. Чего же мы должны избежать сегодня? Какие уроки из него мы можем извлечь?

Во-первых, основой для подписания упомянутого глобального соглашения должны стать своего рода фиксация новых геополитических реалий, сложившихся по окончании холодной войны, и нахождение акторами международных отношений нового принципа взаимоотношений друг с другом. При этом, однако, нельзя повторить ошибки, допущенной при подписании Версальского мира, – явного игнорирования интересов побежденных, в первую очередь Германии, которая фактически была превращена в государство-изгой на европейской арене, из объекта – в субъект политики. К сожалению, схожие тенденции мы видим сегодня. Главной тенденцией постбиполярной эпохи стало игнорирование интересов России как государства, проигравшего холодную войну, попытки превращения ее в субъект мировой политики.

Разумеется, параллели между ситуацией конца XX – XXI в. и периода 1920–1930-х гг. достаточно условны. Давление на Россию не носило столь жестких и прямолинейных форм, как в момент подписания Версальского мира – на Германию. По окончании холодной войны не было речи о выплате Россией

репараций, о запрете иметь вооруженные силы и т. д. Наша страна как преемница СССР даже получила статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, то есть формально вошла в пятерку великих держав – постоянных членов Совета [Глобализация 2014].

Тем не менее определенное сходство ситуации, с точки зрения автора, имеет место. Выражается оно в том, что ведущие державы мира, прежде всего США, не считались с позицией России при принятии решений по важнейшим геополитическим проблемам. Здесь мы имеем в виду игнорирование мнения РФ в вопросе о расширении НАТО на Восток, бомбардировках Белграда в 1999 г., интервенции США в Ираке в 2003 г. Следует отметить, что имеет место игнорирование странами Запада интересов не только России, но и других государств, не входящих в категорию «западный мир». В первую очередь мы имеем в виду Китай, официально признанный США наряду с Россией главным противником на мировой арене. Таким образом, первый и главный принцип, который должен быть положен в основу предполагаемого договора, – четкое и ясное определение принципов взаимоотношений государств, признание права на наличие собственных государственных интересов не только у стран Запада.

Иными словами, страны Запада, в первую очередь США, должны пойти на уступки тем государствам, которые отождествляются с понятием «незапад», «не западный мир», в том числе в России.

При этом, однако, автор не стремится переложить всю полноту ответственности за происходящее на Запад. Признание им прав на собственные государственные интересы России и возможные уступки (например, снятие с нашей страны санкций, введенных после событий 2014 г. в результате присоединения Крыма) не должно восприниматься Россией как слабость Запада, сигнал к возможности оказания давления на него и т. д.

Напомним, что, к сожалению, именно по такому пути развивались события в период 1920–1930-х гг. Как говорилось выше, государства – победители в Первой мировой войне пошли на уступки Германии. Прежде всего мы имеем в виду прием Германии в Лигу Наций, планы Дауэса и Юнга по сокращению объемов репараций, которые должна выплатить Германия, согласие Великобритании и Франции на передачу Германии Судетской области в период Судетского кризиса 1938 г. и т. д. Германия, однако, воспринимала это исключительно как слабость европейских демократий, возможность оказывать на них давление с целью получения новых уступок. Именно это и привело в конечном итоге к началу новой мировой войны.

Второй базовый принцип, который должен быть положен в основу соглашения, – достижение своего рода идеологического компромисса на глобальном уровне. Выше была показана общность тенденций периода 1920–1930-х гг. и современности в идеологической сфере – жесткое идеологическое противостояние, усиление влияния тоталитарных идеологий. В реалиях сегодняшнего дня этот компромисс должен заключаться в отказе от идеи навязывания идеологических ценностей. Прежде всего это касается идеи распространения любыми, в том числе силовыми, методами демократии, предпринимаемого США в рамках рассмотренной выше концепции смены режимов. Мы уже указывали выше, что попытки

навязывания демократии ведут к прямо противоположному результату – усилению тоталитарных идеологий, прежде всего радикального ислама.

Наконец, последний важный тезис, который должен быть зафиксирован в глобальном договоре, отражающем принципы устройства новой, постбиполярной эпохи, – признание безусловного приоритета международного права при решении международных проблем, отказ от идеи преобладания целесообразности над законностью и попыток трактовать международное право в интересах отдельно взятого государства или группы государств. Здесь мы имеем в виду принятие рядом государств упомянутых выше псевдоправовых формулировок – «страны-изгои», «ось зла», «диктаторские режимы» и т. д. Именно абсолютное игнорирование норм международного права, Лиги Наций как организации, созданной для контроля над их выполнением, стало одной из главных причин начала Второй мировой войны.

Сегодня задача должна решаться прежде всего через усиление позиций ООН, ее реформирование с целью превращения из чисто декоративной структуры, которой она, к сожалению, является сегодня, в эффективно действующую организацию. Причины низкого уровня эффективности ООН и пути ее реформирования были рассмотрены автором в одной из статей [Лукьянов 2015].

Подводя итог, автор считает возможным сделать следующий вывод. Ситуация, сложившаяся в системе международных отношений начала XXI в., в значительной мере напоминает ситуацию между Первой и Второй мировыми войнами. Речь, разумеется, не идет о буквальном повторении событий. Однако, по нашему мнению, правомерно говорить об общей логике развития, совпадающих тенденциях. Именно по этой причине дальнейший анализ тенденций развития Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, принципов ее работы, допущенных при ее создании ошибок видится весьма полезным в плане изучения современных геополитических процессов, поиска путей оптимизации системы международных отношений XXI в.

Литература

Батагова Л. Х. Версальский мир как предпосылка Второй мировой войны: за и против // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 83–87.

Буханов В. А. Гитлеровский новый порядок в Европе и его крах (1933–1945). 2-е изд. Екатеринбург, 2013.

Васнецова Е. С. «Исламское государство» как шаг на пути к конфликту цивилизаций? // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 96–10.

Глобализация и современная Россия / под ред. В. Ю. Бельского, А. И. Сацуты. М. : Юнити-Дана, 2014.

Гринин Л. Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 2. Возможности и перспективы формирования нового мирового порядка // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 3–18.

Гринин Л. Е. Исламизм и глобализация // Век глобализации. 2019. № 1(29). С. 18–35.

Лукьянов В. Ю. ООН в современном мире – проблемы, тенденции, перспективы // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 2(220). С. 35–44.

Магадеев И. Э. «Вторая тридцатилетняя война» 1914–1945 гг. О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. Т. 6. № 4. С. 34–61.

Минаев А. И. Исторические корни современной системы международных отношений // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. № 4(53). С. 55–63.

Мусаелян Л. А. Кризис международного права: цивилизационный и геополитический факторы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4(26). С. 211–217.

Мухаметов Р. С. Внешнеполитические концепции СССР: от пролетарского интернационализма до нового мышления // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. 2012. № 33(287). С. 7–11.

Орлов А. А., Сопленков С. В., Альбертина В. А. Идеи справедливого мирового порядка: исторический опыт Западной, Центрально-Восточной Европы и России (середина XV – начало XXI вв.) // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2016. № 4. С. 63–76.

Федорченко А. В., Крылов А. В. Феномен «Исламского государства» // Вестник МГИМО-Университета. Политология. 2015. № 2(41). С. 211–220.

Яшкова Т. А. Возрождение «санитарного кордона» // Universum: общественные науки: электронный научный журнал. 2014. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1480>.

Haass R. N. Liberal World Order, R.I.P. 2018. March 21. Council Foreign Relations [Электронный ресурс]. URL: www.cfr.org/article/liberal-world-order-rip.

The White House. President Delivers State of the Union Addresses [Электронный ресурс]. URL: <http://www.georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>.

СУБЪЕКТИВИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ В ВЕК ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Савченко В. А.*

Ускорение процессов глобализации способствовало росту числа насильственных способов смены политических форм и режимов правления в государствах. Мировые события последних десятилетий свидетельствуют, что традиционные научные подходы к изучению революционных процессов не только не могут в необходимой степени предоставить убедительный прогноз их развития, но и далеко не всегда в состоянии выявить причины их возникновения, особенно в условиях энергичного влияния информационных технологий. В статье предлагается вариант обоснования необходимости пересмотра инструментария исследования современных революционных процессов.

Ключевые слова: революция, пропаганда, агитация, оппозиция, А. Грамши, гегемония, цивилизационный разлом.

The accelerated globalization has contributed to increasing number of violent ways to change political forms and regimes of government in states. The events in the world in recent decades indicate that traditional scientific approaches to the study of revolutionary processes cannot make convincing predictions about their development, and besides, they are far from always able to identify the causes of their occurrence, especially in the conditions of vigorous influence of information technologies. The article proposes a possible justification of the need to revise the research tools of modern revolutionary processes.

Key words: revolution, propaganda, agitation, opposition, A. Gramsci, hegemony, civilizational rift.

Идея функционирования и развития социальных систем без революционных потрясений существует в настоящее время как недостижимый идеал. Акты насильственной смены правящих группировок на постсоветском пространстве являются свидетельством того, что риск революции может возникнуть и реализоваться неожиданно, вопреки классическим теориям революций и зачастую косвенно касаясь экономического состояния конкретного социального образования, в том числе его отставания от соседних стран. В современных условиях очевидна возрастающая общественная потребность в переосмыслении сущности и содержания взаимоотношений «власть – народ». Могущество отдельных стран базируется на многих факторах. Один из них – способность восстанавливать состояние приемлемой устойчивости при внешних и внутренних возмущающих воздействиях, в ходе идеологического давления извне и местных протестных проявлений.

* Савченко Виктор Александрович – аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна». E-mail: moisey.1982@mail.ru.

Именно поэтому важно провести корректный научный анализ предпосылок революций в современном мире, обратив особое внимание на обстоятельства, характерные для современной России. Общественный интерес и широкие дискуссии о безопасном будущем нашей страны включают в себя, в числе прочего, исследование совокупности факторов, приводящих к массовым беспорядкам и, далее, к возможной насильственной смене власти. Более того, актуальность проблематики обуславливается нестабильностью внешнеполитической обстановки, связанной с общемировыми кризисными явлениями. В таких условиях особо важными видятся вопросы обеспечения стабильного и безопасного развития российского общества. Крайне необходимо, чтобы социальная система отвечала параметрам, при которых реализуются принципиальные насущные запросы социума при сохранении стабильности и устойчивой тенденции к динамичному развитию.

После распада СССР Россия довольно быстро обрела немало черт, характерных для стран третьего мира, со значительным падением экономического развития, демографическим спадом, проблемами в области науки и образования. Подобные условия существования страны не только породили значительные препятствия для ее динамичного развития, но и создали серьезные угрозы ее жизнедеятельности. Среди институтов российской социальной системы, наиболее подверженных разрушительным процессам, оказались стратегические элементы, прежде всего политические, экономические и образовательные. Сам распад СССР многие исследователи квалифицируют как завершающий этап революции, о чем свидетельствует значительное число признаков. Это прежде всего соотношение настоящего с будущим; доминирование коллективного начала и идеи социальной справедливости; построение нового общества на основе новой базовой культурной модели; подчеркивание возможности активного участия социальных групп в формировании нового социального и культурного порядка; универсалистская ориентация, отрицающая политические и национальные границы [Эйзенштадт 1999: 18].

Научный интерес к проблемам обеспечения социальной стабильности предполагает исследование предпосылок политических революций, в том числе изменение статуса России на международной арене в связи с распадом СССР. Самого пристального внимания заслуживают и проблемы, связанные с формированием установки на массовый протест как важнейший фактор дестабилизации социальной системы. Россия обладает немалыми возможностями и ресурсами для повышения своего статуса в мировом сообществе, но вследствие ряда факторов занимает лишь 62-е место из 80 по уровню жизни по состоянию на середину 2019 г. Подобная ситуация способствует повышению накала агрессии в отношении правящих элит, не заинтересованных в росте уровня жизни граждан и безразличных к необходимости адекватно реагировать на внешние угрозы. Все это увеличивает вероятность возникновения протестных акций, которые в ряде стран переросли в полномасштабные предреволюционные действия [Глобализация... 2014: 28–36].

Под революцией будем понимать процесс принципиальных политических, экономических и идеологических изменений в обществе, в который вовлечены массовые общественные движения и организации (прежде всего политические партии), сопровождающийся сменой существующих формы и режима, нередко путем насильственных действий. Во многом массовый характер отличает рево-

люцию от других форм принудительной смены власти (заговоров, переворотов, свержений и т. п.). Понимание феномена массовости и является ключом к пониманию одного из предельных оснований революции.

Впервые вопрос о массовых формах протеста, которые способны привести к революции, был поднят еще Аристотелем. Он указал на два условия: когда люди не получают достойной доли влияния в деле государственного управления и когда отсутствует равноправие в материальном и статусном положении граждан [Аристотель 1983: 87]. При этом Аристотель особо подчеркивал, что реальное состояние дел менее важно, чем существующее в воображении людей [Там же: 114]. Многие его последователи, например Т. Гоббс, считали справедливым оказание почестей определенным группам людей, обладающих значительным объемом свободного времени [Гоббс 2001: 114], а также «бедность или недостаток того, что необходимо для поддержания достойной жизни» [Там же: 119]. Следует отметить, что суть понятия «достойная жизнь» заметно сместилась в сторону представлений о значительном увеличении потребления. Смысл же термина «революция» (в политическом аспекте) и в наши дни существует примерно в том же звучании, что и во времена Оливера Кромвеля (XVII в.). Впервые в сферу социальных и политических наук термин привнес Ф. Бэкон в 1720 г.

Изучение социальных событий, характерных для современного мира и имеющих признаки «революционности», требует нового ракурса рассмотрения.

Исследователями революционных процессов накоплен большой объем теоретического материала. Их рекомендации на практике дают неплохие результаты по прогнозированию и минимизации вероятности насильственных действий. Выявлены факторы, приводящие к формированию протестного потенциала, который с высокой степенью вероятности приведет к широкомасштабным протестам против сложившегося положения. Наиболее успешными считаются рекомендации, сориентированные на экономические явления и процессы. Со времен К. Маркса экономические предпосылки занимают важное место в процессе выбора вектора развития человеческого общества. Вместе с тем исследования последних десятилетий показали, что зависимости в этой области не столь прямолинейны, как выглядят в классических теориях.

В начале XX в. сложилось несколько научных школ, изучающих это социальное явление. Каждая школа имела свой особый взгляд на причины появления революционных движений, процесс их реализации и итоги. Особое внимание уделялось изучению детерминант возникновения революций. Остановимся на некоторых из них.

Первая научная школа по изучению революций появилась в 1925 г. Ее основал П. А. Сорокин. Действуя в парадигме Т. Гоббса, он усматривал появление стремления людей к революционным действиям в ущемленных природных инстинктах и приобретенных рефлексах, к которым относил пищеварительный рефлекс, инстинкт безопасности, собственнический инстинкт, половой рефлекс, импульс к соревновательности, творческой работе, приобретению разнообразного опыта и т. п. Сорокин отмечал неминуемость революции, когда подавление инстинктов и рефлексов у большого количества индивидов выпадает на время, для которого характерны слабость властей и их неспособность к подавлению силой революционных движений. Данная научная школа имеет название бихевиорист-

ской (англ. *Behavior* – поведение) и причину возникновения революций видит в давлении снизу недовольной массы индивидов и неспособности властей сверху как удовлетворить их требования, так и эффективно применить в необходимой мере репрессивные меры [Сорокин 2005: 91].

Вторая школа, касаясь данной проблематики, рассматривает революционную мотивацию комплексно. Она связана не с подавлением инстинктов, а с болезненным синдромом сознания больших масс населения, которые считают сложившееся положение неприемлемым. Представители данного направления считают, что продуцирует революционные настроения не сама по себе нищета, а неполнота обеспечения людей необходимыми ресурсами. Именно это они воспринимают как крайнюю несправедливость.

Для определения степени готовности к протестным действиям используется понятие «относительная депривация». Это разница между тем, что люди имеют, и чего, по их мнению, заслуживают, то есть между растущими ожиданиями и возможностями. Появление этого болезненного синдрома имеет свои причины. Наиболее значимой теорией в рамках данной научной школы является теория Дж. Дейвиса, обосновывающая необходимость прерывания на определенном этапе параллельности роста благосостояния и ожиданий улучшения благосостояния в будущем. Данная школа рассматривает в качестве преобладающих психологические предпосылки возникновения революции [Дейвис 1967: 67–91].

Представители третьей научной школы, изучающей революционные процессы, отрицают главенствующую роль психологических факторов и отдают предпочтение факторам структурного несовершенства политических систем. Это возникающая напряженность между группами населения, различными политическими течениями во властных структурах, нарастание структурных противоречий в обществе. Оценивая состояние структуры социума, яркий представитель этой школы Т. Скочпол обнаружила во всех вышеперечисленных обстоятельствах острый политический и экономический кризис, обеспечивающий давление на правительство со стороны классовых структур и международного сообщества, который и играет в революционных процессах определяющую роль [Скочпол 2008: 49].

Четвертая школа рассматривает детерминанты возникновения революций только как политический процесс, как нарушение баланса власти в борьбе за право управления государством. Революции в этом случае выступают исключительно как средство борьбы за политический контроль и происходят только благодаря способности оппозиции мобилизовать значительные ресурсы. Основателем и ярким представителем данного направления является Ч. Тилли. Если перефразировать слова К. Клаузевица, революция – это «продолжение политики иными средствами», то есть одна из разновидностей политического процесса. Революция есть заключительная стадия соперничества за политический контроль, который наступает тогда, когда политические группы становятся способны мобилизовать необходимые ресурсы для завоевания власти силовым незаконным путем у старого режима. Данная научная школа предлагает «соревновательную модель революции» [Tilly 1978: 43–51].

Пятая школа во главе с Дж. Голдстоуном определяет главенствующей детерминантой структурный состав общества. Так, в ряде случаев революция произошла в момент, когда доля молодых людей в общей численности населения пре-

вышла какой-то допустимый уровень – высокая доля «пехоты революции» [Goldstone 1991: 3].

Существует интересное наблюдение: революционные движения наиболее характерны для территорий, находящихся на стыке принципиально отличающихся друг от друга культурно-цивилизационных систем. Именно там вполне отчетливо просматриваются зоны нестабильности, в том числе и вокруг Западной Европы. Так, вполне очевидно выстраивается практически сплошная линия, которая начинается от Гибралтара и далее проходит по Северной Африке вдоль средиземноморского побережья через Ближний Восток к Армении и Грузии, далее через Украину, Белоруссию к бывшим прибалтийским республикам. Достаточно четко прослеживается и линия, проходящая по азиатским республикам бывшего Советского Союза. В то же время мы практически не видим ничего подобного в Северной Америке, в Африке (южнее Сахары), в Австралии, а также, с некоторыми оговорками, в Южной Америке. Аналогичная ситуация на азиатском пространстве (помимо уже упомянутых регионов этого континента), где наблюдаются лишь отдельные очаги подобия «цветных революций», примером чего могут быть события на Филиппинах (1986 г.) или в Гонконге (2014–2015 гг.) [Чумаков 2019: 186–202]. Если рассматривать феномен революций под таким углом зрения, невольно напрашивается вывод о том, что причины следует искать не только в социально-политическом устройстве и экономическом состоянии отдельных стран, но и в том, как они соотносятся с окружающими их общественными системами.

В психологии существует феномен, названный эффектом контраста. Понять его суть можно, лишь описав опыт, с помощью которого он был обнаружен. Двум группам юношей показывали одни и те же фотографии девушек, с которыми предстояло свидание вслепую. Та группа юношей, которая посмотрела перед опытом художественный фильм «Ангелы Чарли» с актрисами модельной внешности, оценивали девушек на фотографии гораздо ниже, чем группа, избежавшая просмотра фильма [Канеман 2013: 81]. Проецируя данную ситуацию на социум, вполне законно предположить появление широкого недовольства действительностью у тех, кто общался с представителями социальных объединений более высокого уровня жизни. Революция 2014 г. в Украине как раз и находилась на «цивилизационном разломе», а предварительный анализ революционной пропаганды показывает высокий процент агитационных материалов, основанных на эффекте контраста, демонстрировавших высокие жизненные стандарты Европейского союза.

Проанализировав революции двух последних десятилетий, ряд исследователей пришли к выводу об ограниченной применимости методологии вышеперечисленных школ в деле объяснения возникновения и протекания революционного процесса, его прогнозирования. Была замечена одна немаловажная особенность, заключающаяся в том, что иногда при совпадении в один непродолжительный период времени всех революционных предпосылок многие страны без титанических усилий избегали потрясений обновления. Однако они часто происходят в странах, которые по показателям угнетения, неравенства, степени политической борьбы в верхах власти и других ключевых показателей находятся не на последних позициях. Это заметил еще А. де Токвиль [2008], указав на революционный взрыв в благополучные для Франции годы.

Исследователи зачастую обходят стороной еще одну теорию возникновения революционного потенциала, описанную итальянским философом-марксистом А. Грамши. Один из ключевых разделов теории Грамши – учение о гегемонии. Он описал процесс слома старого государства и переход к новому социально-политическому укладу посредством длительной подспудной идеологической работы по уничтожению старого порядка путем внушения массам идеи необходимости установления порядка качественно нового. Средства его достижения нельзя расценивать как пропаганду. В трудах видных деятелей коммунистической идеологии предпочтение отдается одному пути – от базиса к надстройке, когда экономические отношения определяют все остальные отношения, в том числе и коммуникативные. Грамши описал иной процесс, когда активная атака на надстройку значительно облегчает слом или реформирование самого базиса. Государство, согласно Н. Макиавелли и А. Грамши, держится на силе и согласии. Приемлемый для подавляющего большинства населения уровень согласия о целесообразности сохранения существующего уклада Грамши называет гегемонией. Важно в этом случае иметь в виду и его определение государства: «Государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добываясь при этом активного согласия руководимых» [Грамши 1991: 92]. Гегемония опирается на «культурное ядро», которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, традициях и предрассудках, знаниях и опыте веков. «Культурное ядро» – это своего рода коллективная воля, и чем она сильнее, тем устойчивее государство. Задача субъекта революционных преобразований – разрушение этой коллективной воли путем ежедневного незаметного, малыми порциями внушения о необходимости слома старой системы. Внушение это осуществляется в основном творческой интеллигенцией. Как показывает практика последних десятилетий и произошедших в этот период революций, наиболее действенным средством разрушения или укрепления гегемонии представляются СМИ (печать, телевидение, особенно Интернет). Опасность нашего времени состоит в том, что эти средства утекают из рук национальных правительств. В Российской Федерации ведется работа по ограничению иностранного влияния на работу СМИ, функционирующих внутри государства. Время покажет, до какой степени эта работа эффективна.

А. Грамши определил путь, следуя которым государство либо укрепляет свою устойчивость, либо ослабевает. По его мнению, правительству следует воздействовать на обыденное сознание населения, повседневные, «маленькие» мысли среднего человека, непрестанно убеждать его в целесообразности сохранять сложившееся положение вещей средствами, которые к политике могут и не относиться, убеждать в объективности причин отставания от более развитых стран, укреплять уверенность в необходимости сохранения существующего уклада. Сделать это можно с помощью художественных произведений, телепередач различной направленности, видеофильмов и др. Особую роль в этом процессе играет творческая интеллигенция как агент революционных преобразований [Там же: 81].

Нередко практика показывает, что исследование какой-либо проблемы будет эффективнее, если выйти за рамки одного научного направления и рассматривать

ее с междисциплинарных позиций. Так, социология, политология и другие гуманитарные дисциплины все чаще обращаются к психологии, со временем появляется понимание, что законы мышления определяют как поведение отдельного индивида, так и больших сообществ. С 70-х гг. XX в. утвердилось мнение, что человек есть существо разумное, прагматичное, здравомыслящее и по большей части принимающее решения взвешенно и обдуманно, реагирующее в подавляющем большинстве случаев на реальные стимулы. Однако исследования последнего времени сильно поколебали эти представления. Был сделан ряд открытий, помогающих понять механизм воздействия субъекта манипуляции и получить представление об усилении или ослаблении гегемонии. От этого в конечном итоге зависит степень готовности общества к революционным изменениям или стремление к сохранению существующего порядка [Гринин 2019: 13–15]. Д. Канеман в своей книге «Думай медленно, решай быстро» рассмотрел ошибки в рассуждениях обывателей, способные в определенных случаях привести их в лагерь протестующих [Канеман 2013]. В настоящее время идет активное изучение процесса психологического воздействия на разные группы населения. При этом СМИ уже сейчас используют каналы данного воздействия очень активно.

Первый и наиболее значимый психологический эффект – эвристика доступности (от англ. *availability heuristic*), интуитивный процесс, при котором человек оценивает частоту тех или иных событий по легкости, с которой они приходят на ум. Чем легче вспомнить событие из прошлого, тем индивид больше переоценивает количество их в прошлом и вероятность появления подобного события в будущем. Выводы делаются на основе ограниченного количества примеров из прошедших событий. Это значительно упрощает задачу оценки значимости событий, основанных на собственных воспоминаниях. Такой подход в принятии решений является недостаточным объективным. К примеру, исследования показали, что степень оценки индивидом шансов погибнуть в результате террористического акта значительно возрастает после знакомства с информацией о терактах, умереть от инфаркта – после аналогичного случая со знакомым, попасть в ДТП – после увиденного своими глазами или через СМИ события. Возможно, эту психологическую особенность имел в виду Джордж Оруэлл в романе «1984», когда писал: «Тот, кто управляет прошлым, управляет будущим. Тот, кто управляет настоящим, управляет прошлым». Средства массовой информации путем многократного представления схожих по тематике материалов имеют возможность изменить оценку вероятности какого-либо события. Согласно теореме Томаса, «если ситуация воспринимается как реальная – она реальна и по своим последствиям». Используя эффект эвристики доступности, скомпоновав определенным образом материал по смысловому содержанию в единое целое, можно изменить оценку вероятности событий объектами манипуляции, заставить объект оценивать ситуацию как реальную. Практика показывает, что материалы, формирующие оценку вероятности события, могут содержать необъективную информацию, открытый подлог, клевету. Так, перед революцией достаточно демонстративно очень высокий уровень потребления богача, чтобы объект манипуляции неверно оценил степень имущественной дифференциации в обществе и стал более «революционным». Демонстрируя беззаконие отдельного чиновника, реальное или вымышленное, революционная пропаганда подрывает основы легитимности всего пра-

вящего класса. Перед революцией, используя эффект эвристики доступности, субъектом пропаганды предпринимаются усилия по двум направлениям: путем многократной демонстрации коррумпированности, слабости правительства снизить уровень легитимности правительства и путем демонстрации положительных примеров из жизни государств, в которых революция свершилась, «легитимизировать» оппозиционные силы. Под воздействием такого рода пропаганды объект манипуляции недооценивает вероятность положительных перемен без революционных преобразований, оценивает вероятность коррумпированности всего чиновничьего аппарата значительно выше и склоняется к необходимости перемен насильственным путем. На вопрос «Все ли чиновники коррумпированы?» ответ «Да» более вероятен, если испытуемый накануне посредством СМИ познакомился с одним или несколькими случаями коррупции среди чиновников. Д. Канеман получил Нобелевскую премию за открытия в области принятия решений в условиях неопределенности, а революционная ситуация как раз и является таковой.

Второй вариант эвристики, приводящий к необъективности суждений, – это эвристика репрезентативности (от англ. *representativeness heuristic*). Репрезентативность – это мера совпадения свойств, характеристик выборки со свойствами, характеристиками генеральной совокупности. Было проведено немало количество исследований по вопросу воспроизведения целого по отдельной его части. Был сделан однозначный вывод: если показать испытуемым часть, то остальное они додумают сами, в зависимости от «оттенка» показанной части. Данный эффект применяется субъектом манипуляции, демонстрируя через каналы манипуляции лишь одну сторону объекта. В ходе проведения выборов можно рассказывать лишь о тех характеристиках кандидата, которые обязательно принесут голоса избирателей. В предвыборной борьбе необходимо «выпячивать» положительные стороны своего кандидата и негативные конкурента. В революционной борьбе порочащие эпизоды из жизни политиков в обязательном порядке используются оппозицией в целях дискредитации всего правящего класса. При показе богачей во власти объектами манипуляции однозначно преувеличивается их число. Объект манипуляции видит небольшую часть явления, процесса, движения, коллектива и делает вывод о том, что целое в обязательном порядке имеет сходные качества. У объекта манипуляции имеется природная склонность искать закономерности и тренды там, где их нет.

Третья эвристика, приводящая к ошибкам, называется «корректировка и закрепление» (от англ. *Heuristics and Biases*). Она открыта в ходе психологических экспериментов с испытуемыми, где они оценивали числовые значения в зависимости от действия на них «якоря» каким-либо образом сообщенной цифры в самом вопросе или непосредственно перед вопросом. Эксперименты показали удивительное стремление испытуемых дать свое числовое значение таким образом, чтобы оно не сильно отличалось от числа-якоря. К примеру, обсуждая с группой долю африканских стран в ООН, экспериментатор спрашивает: «Она больше или меньше 10 %?». В ходе дискуссии группа пришла к общему мнению, что стран около 25 %. В другой группе испытуемых при «якоре» в 65 % после всеобщего обсуждения сошлись во мнении, что их доля около 45 %. Данный эффект широко используется при манипуляциях общественным мнением с помощью статистиче-

ских данных. Как любил шутить Бенджамин Дизраэли, «существует три типа лжи: ложь, наглая ложь и статистика». Используя этот психологический эффект, объекту манипуляции предлагают оценить количественно то или иное явление, предоставив «якорь»; зная стремление смещения значения от «якоря» к середине процентной шкалы, меняют оценку в нужную сторону.

Еще одно обстоятельство требует особого внимания. Д. Канеман экспериментально доказал, что если объект манипуляции придавал какому-либо явлению эмоциональную окраску, то он становится наиболее чувствителен к тем фактам, которые соответствуют этой окраске. Одно из направлений деятельности претендующего на власть или другого заинтересованного субъекта – придание негативной эмоциональной окраски действующему правительству в целом и наиболее значимым политическим фигурам. Процесс формирования эмоциональной окраски под воздействием вышеперечисленных эвристик требует отдельного изучения.

В рамках данной статьи не представляется возможным рассмотреть все эвристики, приводящие к ошибкам и заставляющие действовать под влиянием искаженной картины действительности. Однако предварительный анализ показывает, что в предреволюционной стране с помощью эвристики доступности, реперзентативности и якорения наиболее часто создаются агитационные материалы для населения.

В настоящее время особенности протекания революционных процессов недостаточно изучены с позиций влияния на них революционной пропаганды и использования в ней приемов, заставляющих делать искаженные выводы. Исследователь вопросов коммуникаций Г. Почепцов предложил понятие «борьба интерпретационных систем». В соответствии с ним события прошлого, настоящего и будущего не важны сами по себе, но важна их интерпретация [Почепцов 2015: 81]. Накануне революции все заинтересованные политико-идеологические центры одни и те же события трактуют по-разному, а заметные конкурентные преимущества оказываются на стороне того центра, который обладает секретами манипуляции или использует методологию А. Грамши в деле разрушения или укрепления гегемонии.

Русский антрополог Б. Ф. Поршнев предложил эволюционную цепочку: «суггестия – контрсуггестия – контрконтрсуггестия» (от лат. *Suggestio* – внушение). Проще говоря, суггестия есть манипуляция, контрсуггестия – возникающая через какое-то время способность объекта манипуляции противостоять внушению, заражению чужими чувствами и мыслями, «иммунитет к манипуляции», контр-контрсуггестия – преодоление противостояния прямому внушению, когда субъект вновь обретает ментальную власть над объектом [Поршнев 1965: 114]. Д. Канеман утверждает, что знание об эвристиках снижает эффективность их воздействия на объект манипуляции и ведет к более «правильному» мышлению.

Развитие знаний о способах и методах воздействия субъекта манипуляции – это путь минимизации революционных потрясений и залог стабильного существования общества, способного обеспечить процесс государственных преобразований без революционных потрясений.

Литература

- Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983.
- Глобализация и современная Россия / под ред. В. Ю. Бельского, А. И. Сацуты. М. : Юнити-Дана, 2014.
- Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. Минск : Харвест, 2001.
- Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. М. : Политиздат, 1991.
- Гринин Л. Е. Взгляд в будущее: прогнозы на XXI столетие // Век глобализации. 2019. № 3(31). С. 3–24.
- Дейвис Д. К теории революции // Американское социологическое обозрение. 1967. Вып. 27. № 1. С. 5–12.
- Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М. : АСТ, 2013.
- Поршнев Б. Ф. Элементы социальной психологии // Проблемы общественной психологии. М. : Наука, 1965. С. 18–34.
- Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструментарий политики. М. : Алгоритм, 2015.
- Скочпол Т. О революции. М. : Прогресс, 2008.
- Сорокин П. А. Социология революции. М. : Территория будущего, 2005.
- Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб. : Алетейя, 2008.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019.
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект Пресс, 1999.
- Goldstone J. A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley : University of California Press, 1991.
- Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading, MA : Addison Wesley, 1978.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

РОССИЯ В ВЫБОРЕ ПУТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Николайчук О. А., Бондаренко Н. О.*

В условиях стагнации в экономике нашей страны необходимо четко обозначить основную цель поступательного экономического развития для восстановления высоких темпов экономического роста. Глубокое понимание такой цели определит возможные пути развития национального хозяйства. Учет исторических особенностей России позволит выработать собственный путь, выходящий за рамки «новой» капиталистической и «старой» социалистической парадигмы и объединяющий их наилучшие качественные характеристики. В результате исследования сделан вывод о необходимости построения модели экономического развития, основанной на существенной роли государства и ориентированной на налаживание тесного партнерства с бизнесом, в том числе с учетом цифровизации экономики, обеспечивающей темпы экономического роста выше мировых, что в конечном счете будет способствовать укреплению национальной безопасности страны.

Ключевые слова: *экономический рост, модель экономического развития, «Вашингтонский консенсус», государственное регулирование рыночной экономики, цифровизация экономики, национальная безопасность.*

In the conditions of stagnating economy it is necessary for our country to define the main goal of its progressive economic development in order to achieve high rates of economic growth. A profound understanding of this goal will determine the possible paths for development of national economy. The account of Russian historical peculiarities will allow elaborating our own way, going beyond “new” capitalist and “old” socialist paradigms and uniting their best qualitative characteristics. The study concludes that there is a necessity to create a model of economic development, based on essential role of the state and focused on establishing close partnership with business, including digitization of economy, which will ensure economic growth rates higher than the world ones, that will ultimately help to strengthen national security.

Keywords: *economic growth, economic development model, the Washington Consensus, government regulation of market economy, digitalization of economy, national security.*

* Николайчук Ольга Алексеевна – д. э. н., профессор Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ (Москва). E-mail: 18111959@mail.ru.

Бондаренко Никита Олегович – студент Финансового университета при Правительстве РФ (Москва). E-mail: nikita.bondarenko7@rambler.ru.

Основным направлением дискуссии среди российских экономистов, государственных и политических деятелей является поиск новых путей роста отечественной экономики для ее выведения из затянувшейся стагнации. Президент в майских указах 2018 г. сформулировал вполне конкретные целевые показатели, среди которых – вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности и др. [Указ... 2018]. Снижение уровня бедности, обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, повышение качества жизни стали во главу угла политики государства. Достижение данных целей должно сопровождаться ускорением технологического развития Российской Федерации, цифровизацией экономики и социальной сферы, что подразумевает полную перестройку национального хозяйства, направленную на достижение высокоэффективного характера экономических процессов. Здесь главное помнить, что наиболее опасным следствием автоматизации и роботизации человеческих функций может стать создание таких форм искусственного интеллекта, как УЧИ (универсальный человекоподобный интеллект) и ИСИ (искусственный суперинтеллект), которые создадут сильную конкуренцию не столько синим воротничкам, сколько белым – интеллектуальным, культурным, менеджериальным и политическим элитам общества [Ракитов 2018].

Безусловно, российский народ за свою многовековую и весьма непростую историю заслужил эпоху процветания, достижение которой должно стать главной целью для России на ближайшие годы. В статье речь пойдет о выборе средств для достижения этой задачи.

Понимание данной цели намного важнее для нас, чем может показаться на первый взгляд. В течение почти тридцати лет после краха Советского Союза наша нация не имела основной приоритетной цели. Поэтому все меры, предпринимаемые правительством на протяжении этого времени, не могли обеспечить сбалансированный рост российской экономики, поскольку не зная, куда идти, нельзя понять, как идти. Лишь четко сформулировав цель развития нашего общества и доминанту институциональной матрицы, можно более грамотно подойти к выбору пути достижения процветания российского народа. Мы стоим на позиции тех авторов, которые четко выделяют национальный менталитет в качестве доминантного института. Менталитет, темперамент, психология людей всегда определяли и будут определять их реакцию на внешний мир, взаимоотношение людей не только на бытовом, но и на государственном уровне. Именно мировоззрение человека, его отношение к себе и к миру, поставленные цели и задачи, способности и готовность проявить волю и действовать представляют собой главный фактор развития нации. Отметим, что данный подход не нов. Об исключительной важности психологического фактора для национальной истории и экономики писали представители немецкой исторической школы, а также В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский. В современной научной литературе отметим статью И. Н. Шапкина и Н. О. Воскресенской о национальном менталитете как продукте продолжительной эволюции общества, влияющем на все текущие процессы и предопределяющем их характер, динамику и направление в бу-

душем [Шапкин, Воскресенская 2016]. В этом отношении нельзя не согласиться с Р. М. Нуреевым, вслед за К. Поланьи писавшим о напрасной попытке вывести законы рыночной экономики из природы человека [Нуреев 2014: 53].

Можно не согласиться с высказыванием, что в последние два десятилетия мы стремились к увеличению нашего геополитического влияния. Лишь отчасти это верно, но необходимо признать, что реализация данного направления государственной политики в последние годы стала особенно затруднительна. Обострившееся противостояние со странами Запада породило ряд вызовов экономической безопасности державы. Правы те авторы, которые утверждают, что в условиях жесткого противостояния различных общественных систем и государств, обладающих ядерным оружием, единственно возможным способом разрешения противоречий на международном уровне является диалог [Чумаков, Стычинский 2018]. Не имея устойчиво растущей экономики, стране весьма затруднительно противостоять существующим внешнеполитическим вызовам. Поэтому сейчас необходимо сконцентрировать свои силы на создании надежной почвы под ногами нации, которая уже позднее обеспечит нам мировое лидерство и укрепление национальной безопасности страны. Важной в этом плане является мысль премьер-министра Объединенных Арабских Эмиратов Мохаммеда ибн Рашида аль-Мактума: «Экономика – лошадь, политика – телега. Они должны занимать надлежащее места – экономика должна идти впереди политики, а не наоборот» [Гладких 2016: 103]. Именно так поступил Китай, экономический рост которого, по данным информационного портала *Trend Economy*, составил 121 % за десять лет (2007–2017), что сделало его первой экономикой в мире по размеру ВВП.

Возникает закономерный вопрос: как нам достичь экономического процветания, даже если приложить к этому все усилия? Прежде всего необходимо выбрать собственный, уникальный путь. В этом нам, безусловно, может помочь опыт других стран, одним лишь копированием зарубежных моделей заниматься не стоит [Пивоварова 2011: 67]. Необходимо учитывать национальные особенности и современную обстановку и, основываясь на этом, выбирать потенциально удачные меры, адаптируя их непосредственно к интересам своей страны.

Как все мы знаем, в 1990-е гг. наша страна, отказавшись от социалистической модели экономики, приступила к строительству капитализма. Тогда крупнейшей ошибкой, оказавшей значительное влияние на современное развитие России, стало то, что мы попытались воссоздать либеральную модель рынка, применяемую в англосаксонских странах, таких как США, Великобритания, Канада, Австрия и Новая Зеландия [Дзарасов 2012: 235]. Такая модель предполагает наличие конкуренции во всех отраслях, ценовых сигналов как главных индикаторов, низкую защиту занятости и высокие ставки оплаты труда, активные процессы слияний и поглощений. Таким образом, Россия приступила к реализации мер, предложенных странам с переходной экономикой в рамках «Вашингтонского консенсуса» [Глазьев 1998: 40] и направленных на усиление роли рыночных сил и снижение роли государств, а именно проведению обвальная приватизации, введению плавающего обменного курса рубля, либерализации внешней торговли, дерегулированию национального хозяйства.

Как известно, последствия «Вашингтонского консенсуса» весьма противоречивы. Об этом свидетельствуют данные роста ВВП для государств с переходной

экономикой (рис. 1). Страны, отказавшиеся от выполнения «Вашингтонского консенсуса» (Китай, Вьетнам, Индия), показывают значительно более высокие темпы роста экономики по сравнению со странами, принявшими названные рекомендации (Россия, Украина, Грузия).

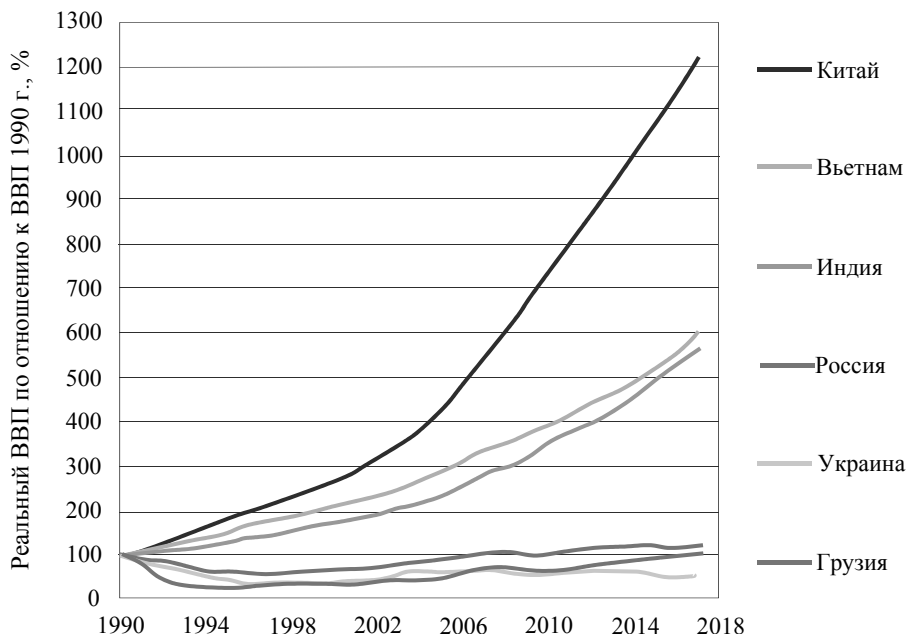

Рис. 1. Сравнение темпов роста ВВП стран с переходной экономикой, присоединившихся к «Вашингтонскому консенсусу» (Россия, Украина, Грузия) и отказавшихся от него (Китай, Вьетнам, Индия), за 1990–2017 гг., %

Источник: составлено авторами по данным интернет-платформы *Google Public Data Explorer*.

Таким образом, наибольший рост экономики среди стран с переходной экономикой наблюдается у тех государств, которые в период реформ занялись не простым копированием западного опыта, а выработкой собственной модели экономического развития. Учет национальных особенностей очень важен, так как нет универсального метода достижения благосостояния. Об этом свидетельствует история развития Японии и новых индустриальных стран, а именно Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня.

Однако с начала 2010-х гг. в публицистической литературе можно встретить характеристику современной модели российской экономики как государственного капитализма, подразумевающего наличие у государства обширных контрольных и стабилизационных функций в экономике и развитие государственного капитала в форме корпораций и суверенных фондов благосостояния. Но этот тезис должен встречать не волну критики, а поддержку и дальнейшее развитие на национальном уровне. Установление госкапитализма в России является нарушением навязанного нам «Вашингтонского консенсуса» и возвращением к национальной традиции наличия особой роли государства в экономике, которая формировалась

не только в советские годы, но и в период существования Российской империи. Именно тесное взаимодействие государства и бизнеса, а не реализация принципа *laissez-faire*, обеспечили наибольшие темпы роста отечественной экономики за всю историю ее существования, а именно на рубеже XIX–XX вв., накануне Второй мировой войны, а также в 1950–1970-е гг.

При рассмотрении исторического прошлого нашей страны становится очевидным, что англосаксонская либеральная модель экономики нам совсем не подходит. Экономика России должна развиваться под покровительством государства, а не отдельно от него, и потому кейнсианская теория макроэкономического равновесия представляет для нас особый интерес. Однако властвующие структуры не должны забывать и о поддержке частной инициативы, развитие которой оправдывает расширенную роль государства. Для успешного движения в данном направлении необходимо изучение опыта стран, реализующих на практике объединение капиталистических и социалистических идей и показывающих наиболее высокие темпы экономического роста. К таким странам относятся нетипичные представители капиталистического мира: Япония и Сингапур, страны с планово-рыночной экономикой, такие как Китай, Вьетнам, Индия, Бразилия и ряд других.

Учитывая все вышесказанное, возьмем на себя смелость сформировать ряд предложений по реформированию системы государственного управления экономикой в современной России, основанных на обобщении зарубежного опыта и демонстрирующих основную суть нового курса, направленного на улучшение качества жизни россиян и укрепление национальной безопасности страны. Группировать предложения будем в соответствии с важнейшими направлениями государственной экономической политики:

- цифровизация экономики;
- реформа налоговой системы;
- реформа системы социального обеспечения и повышение производительности труда;
- управление государственными инвестициями.

1. Итак, именно цифровизация экономики должна стать важнейшим направлением стимулирования развития, причем под цифровизацией будем понимать не что иное, как внедрение достижений нового этапа научно-технического прогресса в реальную экономику. Не стоит надеяться на простое оживление рыночной конъюнктуры, так как, по нашему мнению, основанному, впрочем, на высказываниях известных экономистов, «за исключением потенциальных возможностей использования цифровых технологий в российской экономике по большому счету нечему расти» [Чернышев 2018: 270]. Но, так как мир находится лишь на пороге четвертой технологической революции, у нашей страны тем не менее есть все шансы, используя новую волну, перестроить национальную экономику с экспортно-сырьевого типа на информационный.

Безусловно, цифровая экономика предполагает использование целого набора разнообразных технологий. На повестку дня сегодня выходит технология распределенных реестров, или технология блокчейн. Особо отметим, что хотя блокчейн ассоциируется с заведомо утопической концепцией биткоина, сфера его примене-

ния выходит далеко за область криптовалют. Мы ранее подробно рассматривали, что он может быть внедрен в систему государственных закупок в целях сокращения большого на данный момент числа нарушений, в бухгалтерский учет и аудит, Интернет вещей, процесс голосования и подсчета голосов [Николайчук 2017], а также в такое перспективное направление, как государственные краудфандинговые платформы.

Важно понимать, что последствия внедрения абсолютно новой технологии для частного сектора экономики достаточно дорогостоящи, и поэтому его обеспечение должно быть оплачено государством. Однако не само применение блокчейна и аналогичных достижений прогресса является нашей целью. Как говорил 35-й президент США Джон Кеннеди, большая волна поднимет все лодки [Котлер 2016: 52]. Технологическая перестройка экономики вовлечет в процесс перемен малый, средний и крупный бизнес, основные слои населения, что и призвано обеспечить несырьевое развитие нашей страны, тем самым укрепить национальное достояние.

2. Вторым обозначенным нами пунктом является реформа налоговой системы. В соответствии с кейнсианской парадигмой развития растущий объем потребительских расходов как важнейший фактор увеличения совокупного спроса является залогом экономического роста страны [Кейнс 2017: 36]. Однако у наиболее обеспеченных слоев населения показатель склонности к потреблению ниже, чем у наименее обеспеченных, то есть первые больше склонны к сбережениям. Таким образом, для российской экономики распределение одного и того же объема располагаемого дохода среди бедных эффективнее, чем аналогичное распределение среди богатых, так как, во-первых, бедные больше потребляют, а во-вторых, это ведет к большему повышению спроса на отечественную продукцию, поскольку обеспеченные слои населения ориентированы на «люксовое» потребление, представленное в основном товарами зарубежного производства. К слову, нищими в нашей стране считаются люди, имеющие ежемесячный заработок в размере 8–12 тыс. рублей, бедными – от 12 до 20 тыс. руб., а зарплату выше 60–70 тыс. рублей в месяц получают только 7 % населения страны.

Анализ распределения совокупного объема зарплат по категориям работников в России (рис. 2) показывает, что работники со средним уровнем заработной платы менее 60 тыс. руб. в месяц располагают значительно большим их совокупным объемом, нежели оставшаяся часть работников. Таким образом, небольшое понижение ставки НДС для данной категории работников в рамках введения прогрессивной шкалы НДС обеспечит значительное увеличение их располагаемого дохода, что станет дополнительным стимулом роста отечественной экономики, как это было обозначено выше.

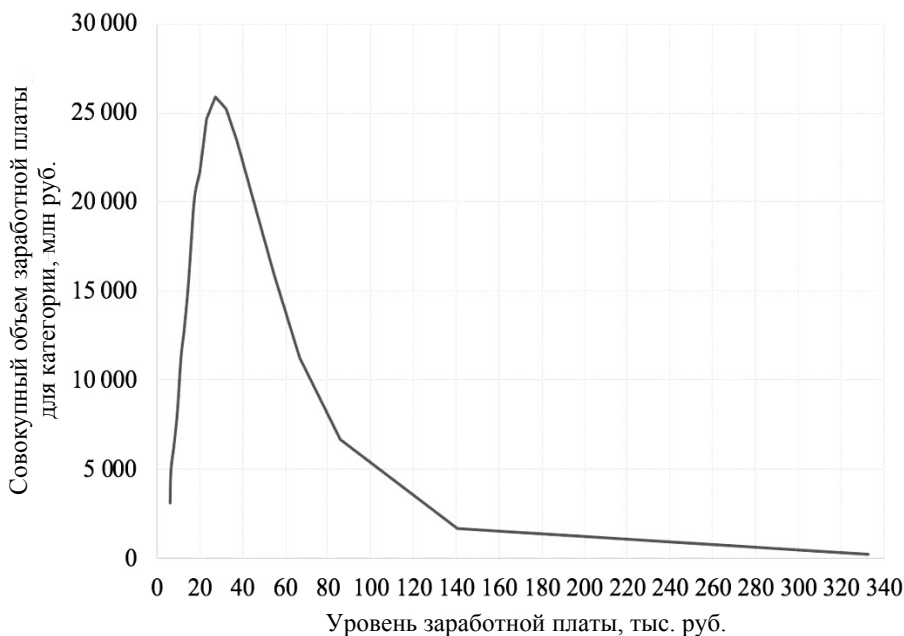

Рис. 2. Распределение совокупного объема зарплат по категориям работников в Российской Федерации [Косов, Бондаренко 2018: 1274]

Кроме того, изменения налогового законодательства должны коснуться и отечественных корпораций. Государство, оказывая поддержку субъектам крупного предпринимательства, должно рассчитывать на максимальную отдачу в периоды благоприятной конъюнктуры. Таким образом, налог на сверхприбыли сырьевых компаний обеспечит, с одной стороны, повышение поступлений в бюджет Российской Федерации, а с другой – переориентацию во вторичный и третичный секторы экономики в поисках сверхприбылей.

3. Дополнительный потенциал роста российской экономики связан с реформой системы социального обеспечения. Социальная помощь отдельным категориям населения приводит к росту располагаемого дохода и, как следствие, потребительских расходов и совокупного спроса. Однако, обратившись к кейнсианской теоретической концепции, можно увеличить благотворное влияние подобных выплат на экономику. Как известно, Дж. М. Кейнс призывал государство к организации общественных работ для борьбы с последствиями Великой депрессии. В наши дни данный принцип может быть использован в виде получения безработными и малоимущими лицами социальных пособий не в форме трансфертов, а, например, в форме платы за проводимые государством работы по улучшению инфраструктуры. Данная мера обеспечит не только повышение располагаемого дохода, но и решение такой вечной российской проблемы, как неразвитость инфраструктуры, а также понижение уровня безработицы, который хотя и остается относительно низким в среднем по стране (4,7 %), но в отдельных субъектах до-

стигает высоких показателей (10,2 % – в Забайкальском крае, 19,0 % – в Республике Тыве, 26,5 % – в Республике Ингушетии) [Минтруд России 2019].

4. И наконец, четвертая группа факторов экономического роста, кроющаяся в системе управления государственными инвестициями. Напомним, что, по мнению Первого заместителя Председателя Правительства – министра финансов Российской Федерации А. Г. Силуанова, высокие темпы роста российской экономики можно обеспечить только с увеличением доли инвестиций в ВВП. Сейчас этот показатель составляет около 21 %, в то время как в ряде быстроразвивающихся экономик – 30–40 %. Таким образом, хроническая нехватка иностранных инвестиций в России сочетается с практикой размещения средств Фонда национального благосостояния и предшествующих ему суверенных фондов в зарубежные активы. В связи с этим необходимо осуществить частичную переориентацию инвестиций ФНБ на внутренний рынок для инновационной индустриализации страны по примеру Китая.

Итак, на основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Россия – уникальная страна, которая не может развиваться исключительно в капиталистической или социалистической парадигме. Единственным выходом для нашей страны является выбор собственного пути развития между двумя названными концепциями, но мы в этом не одиноки. Государства с социально-демократической и планово-рыночной моделями экономики уже несколько десятилетий следуют в альтернативном направлении и добились больших успехов в своем развитии.

В экономике нет универсальной схемы обеспечения сбалансированного роста. Поэтому «Вашингтонский консенсус», пренебрегающий возможностью учета национальных особенностей отдельной страны, изначально обречен на неудачу при всеобщем применении.

Исторической особенностью нашей страны является особая роль государства в общественном развитии и, в частности, в экономике. Попытки переломить сложившуюся тенденцию в 1990-е гг. привели к негативным результатам, последствия которых стало возможным исправить только после возвращения к политике активного государственного вмешательства в экономику. Но не стоит относиться к этому как к временной мере. Хотя вопрос государственного и частного партнерства стар как мир, тем не менее необходимо и дальше работать над совершенствованием партнерства государства и бизнеса, находить новые точки соприкосновения и направления сотрудничества.

Данные предложения, по нашему мнению, основанные в том числе и на обобщении зарубежного опыта, идее «третьего пути» Дж. М. Кейнса, применении передовых технологий, обеспечат поступательное развитие экономики России, достижение высокого уровня благосостояния ее граждан и тем самым будут способствовать укреплению национальной безопасности страны.

Литература

Гладких Е. Л. Эволюция экономической безопасности // Ростовский научный журнал. 2016. № 11. С. 100–116.

Глазьев С. Ю. «Вашингтонский консенсус» и научно-технический прогресс в России // Экономическая наука современной России. 1998. № 6. С. 39–46.

- Дзарасов С. С. Куда Кейнс зовет Россию? М. : Алгоритм, 2012.
- Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М. : Гелиос АРВ, 2017.
- Косов М. Е., Бондаренко Н. О. Теории пропорционального и прогрессивного налогообложения: практика применения // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21. № 11. С. 1267–1280.
- Котлер Ф. Конец капитализма? 14 антидотов от болезней рыночной экономики. М. : Эксмо, 2016.
- Минтруд России. Информация о ситуации на рынке труда Российской Федерации. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/inform/1>.
- Николайчук О. А. Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов // Journal of Economic Regulation. 2017. Т. 8. № 1. С. 142–154.
- Нуреев Р. М. Очерки по истории институционализма. 2-е изд. Ростов н/Д., 2014.
- Пивоварова Э. П. Социализм с китайской спецификой. М. : Форум, 2011.
- Ракитов А. И. Культура, цивилизация и современные технологии в перспективе глобальных трансформаций // Век глобализации. 2018. № 3(27). С. 47–57.
- Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» от 07.05.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 27.09.18).
- Шапкин И. Н., Воскресенская Н. О. Институциональная матрица России в контексте проблем глобализации // Век глобализации. 2016. № 4(20). С. 100–114.
- Чернышев С. Б. Техноэкономика. Кому и зачем нужен блокчейн? М. : Политическая энциклопедия, 2018.
- Чумаков А. Н., Стычинский М. С. Культурно-цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира // Век глобализации. 2018. № 1(25). С. 3–14.

ДИНАМИКА РЕЙТИНГА «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ

Леонова О. Г.*

Целью статьи является выявление динамики рейтинга «мягкой силы» России с 2016 (с момента попадания страны в «Топ-30» известного чарта Portland Communication) по 2018 г. Методология измерения «мягкой силы» Portland Communication включает в себя объективные (70 %) и субъективные данные (30 %). Рейтинг «мягкой силы» России имеет нелинейный характер, а в 2018 г. – отрицательную динамику (28-е место). В работе анализируется динамика рейтинга нашей страны по отдельным субиндексам, а также проводится сравнение с динамикой показателей «мягкой силы» Китая, Бразилии и ряда других стран. Сравнение суммы баллов стран без учета субъективных показателей позволяет России подняться на 20-е место в рейтинге «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила», рейтинг, индексы, субиндексы, сравнение, динамика.

The aim of the article is to identify Russia's soft power rating dynamics (since adding the country to Top-30 in 2016 of the famous chart of Portland Communication) until 2018. The methodology used by Portland Communication for measuring 'soft power' includes objective (70 %) and subjective data (30 %). The rating of Russia's 'soft power' is non-linear, and in 2018 there was observed negative dynamics (28th place). The paper analyzes the dynamics of our country's rating by individual sub-indices, and there is a comparison with the dynamics of indicators of 'soft power' of China, Brazil and a number of other countries. The comparison of the amount of points of countries without taking into account subjective indicators allows Russia to rise to the 20th place in soft power rating.

Keywords: soft power, ranking, indices, sub-indices, comparison, dynamics.

Сегодня глобальный мир находится в процессе фундаментальной трансформации, возникают новые глобальные вызовы, на которые необходимо дать ответ странам, народам, политическим лидерам. Эти вызовы и стремительно меняющийся геополитический ландшафт, новая глобальная иерархия и архитектура диктуют новые подходы к внешней политике, проецированию власти и достижению своих целей.

Данные новые тенденции переписывают правила мировой политики и переосмысливают внешнеполитические стратегии и методы достижения результатов многих стран мира. Эффективность силовых методов в политике и приемов традиционной дипломатии быстро снижается, востребованы новые подходы к внешнеполитической стратегии и тактике.

* Леонова Ольга Георгиевна – д. полит. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: politolga@gmail.com.

Именно поэтому в данный период стала популярной концепция «мягкой силы» [Нye 2004].

«Мягкая сила» в контексте глобальной политики

«Мягкая сила» – это еще одна форма власти, которая может быть использована для достижения поставленных внешнеполитических целей. Поэтому многие страны рассматривают политику «мягкой силы» как важную часть национальной внешнеполитической стратегии. В условиях полицентричного многополярного мира «мягкая сила» будет играть все возрастающую роль.

Феномен «мягкой силы» – это универсальный способ для любой страны использовать свою привлекательность и убеждение для достижения своих внешнеполитических целей без высоких издержек и риска, свойственных политике «жесткой силы».

Почему так важно знать место страны в рейтинге «мягкой силы»

Во-первых, это необходимо для того, чтобы эффективно использовать «мягкую силу». Нужно понять, какие у страны имеются ресурсы, сравнить их с ресурсами других государств и заняться производством недостающих.

Во-вторых, без знания полной и ясной картины данных ресурсов страна вряд ли сможет выстраивать эффективную стратегию политики «мягкой силы» и достигать поставленных внешнеполитических результатов [Ильин, Леонова 2018]. Надежная система измерения «мягкой силы» позволяет правительству лучше понимать сильные стороны своей политики и разрабатывать эффективные стратегии их использовании, конвертируя таким образом свою «мягкую силу» в инструмент глобального влияния.

В-третьих, проведение эффективной внешней политики с учетом геополитических сдвигов и влияния глобализационных процессов все более усложняется. В современном полицентричном многополярном мире с большим количеством участников, взаимно-противоречивыми национальными интересами и целями внешней политики, которые соперничают за глобальное влияние, быстро меняются стратегия, тактика и алгоритм действий. Сегодня не размер государства определяет степень его успешности на международной арене, а количество и качество ресурсов «мягкой силы», а также степень эффективности их использования.

Таким образом, в современном глобальном мире важнейшим инструментом внешней политики становится «мягкая сила», которая транслируется по сложным, многоуровневым, взаимозависимым и изменчивым сетям и методами альтернативной (публичной, гражданской, культурной) дипломатии.

«Мягкая сила» расширяет свое влияние, обеспечивает репутацию и влияние страны в глобальном мире и постепенно становится не только инструментом достижения внешнеполитических целей, но и средством решения многих глобальных проблем и ответом на многие глобальные вызовы.

Методология оценки «мягкой силы» страны

Итак, знание и оценка «мягкой силы» крайне важны для формирования эффективной стратегии страны в глобальном мире. Но измерение ее весьма трудно.

Во-первых, сама «мягкая сила» – это субъективная категория, и то, что имеет влияние на жителей одной страны, может оставить равнодушными жителей другой. Поэтому ее оценка зависит от конкретной цели исследователя, который проводит ее измерение, от его национальной принадлежности, политических убеждений, наличия у него стереотипов восприятия и т. д.

Во-вторых, это нечто весьма эфемерное. Влияние «мягкой силы» – величина непостоянная, оно может резко ослабеть или вовсе исчезнуть, если правительство данной страны-субъекта предпринимает непопулярные действия на международной арене или начинает проводить внутреннюю политику, которая не встречает одобрения у международной общественности.

В-третьих, источники и ресурсы «мягкой силы» слишком многочисленны, чтобы учесть их все. В целом категоризация и количественная оценка «мягкой силы» являются очень трудной и сложной задачей, а методологические прецеденты таких попыток весьма немногочисленны.

Одной из первых попыток определить индекс «мягкой силы» ряда стран, которые считались «быстрорастущими рынками» (rapid growth market), было исследование, проведенное в 2012 г. компанией «Эрнст энд Янг» (Центр исследования возникающих быстрорастущих рынков – Emerging Markets Center) совместно с московским Институтом исследования быстроразвивающихся рынков бизнес-школы Сколково [RapId-growth... 2012].

Другая попытка измерения «мягкой силы» путем оценки конкретных ресурсов, которые ее определяют, была предпринята журналом «Монокль». Однако здесь субъективные оценки и общественное восприятие были *единственным* средством измерения «мягкой силы» разных стран и их сравнения [Леонова 2017].

Одним из наиболее удачных исследований, результаты которого признаны во всем мире, является чарт рейтингов «мягкой силы» стран компании *Portland Communication «Top-30»* [Portland...]. Эксперты этой компании использовали некоторые методологические подходы рейтинга «Монокля», но при этом сводный индекс *Portland* оценивает «мягкую силу» стран путем объединения объективных и субъективных данных (objective and subjective data).

Другое отличие этих рейтингов состоит в том, что *Portland* ввел индекс *Digital*, который можно рассматривать как цифровой компонент политики страны и инструмент цифровой дипломатии, составляющей все большую часть общественной дипломатии и играющей важную роль в международном диалоге. Таким образом, в данном рейтинге измерение «мягкой силы» включает цифровой компонент.

Третье отличие методологии *Portland* заключается в более тонких инструментах анализа данных и системе взвешивания каждой категории международных опросов на основе регрессионного подхода.

Совокупный эффект этих трех достижений в методологии анализа и подсчетов заключается в создании наиболее точной на сегодняшний день оценки «мягкой силы». Итоговый балл для каждой страны рассчитывается путем сложения суммы баллов объективных субиндексов (которые имеют суммарный вес 70 %) и суммарного балла субъективных показателей (которым присваивается общий вес 30 %).

Таким образом, этот рейтинг направлен на измерение объективно существующих у страны активов и ресурсов «мягкой силы» с учетом субъективного их восприятия международной аудиторией.

Рейтинг «Тор-30» дает довольно точное представление о потенциале «мягкой силы» и степени международного влияния разных стран мира. Данный рейтинг использует методологические наработки как Сколково, так и «Монокля».

Методология подсчета рейтинга стран в чарте *Portland Communication «Top-30»* производится путем суммирования, во-первых, тщательно подобранного набора показателей стран на основе объективных данных, во-вторых, данных международных опросов, которые можно отнести к субъективным данным. В результате охвата такого большого набора индексов получается широкая картина реализованного потенциала «мягкой силы» ведущих стран глобального мира.

Страны для индекса выбираются на основе репрезентативной выборки крупнейших мировых держав (всего 50), включая страны из каждого геополитического региона, развивающиеся страны БРИКС и несколько небольших государств, которые достигли значительного уровня влияния на международной арене за счет своей «мягкой силы». В чарт попадают только первые 30 стран из всех, по которым были сделаны расчеты.

Разумеется, ни один рейтинг не показывает неоспоримые результаты, ни один индекс не является совершенным. Однако чарт *Portland Communication* все-таки дает картину того, какая «мягкая сила» имеется в распоряжении страны, какие ее ресурсы используются более эффективно, а каких еще недостает.

Данная картина призвана помочь решить проблему преобразования ресурсов «мягкой силы» в политическое влияние страны, хотя эта проблема еще требует дальнейших исследований.

Позитивным моментом данного рейтинга является то, что он объединяет объективные данные, которые составляют 70 %, с субъективными данными, полученными при помощи международных опросов (на долю которых приходится 30 %), что можно расценивать как несомненный прогресс в методологии определения рейтинга «мягкой силы».

В рейтинге «мягкой силы» *Portland Communication «Top-30»* подсчитываются индексы: *Digital, Culture, Engagement, Education, Enterprise* и *Government* (которые считаются объективными показателями), а также *Polling*, который рассматривается как показатель субъективный, поскольку содержит данные международных опросов и отражает субъективное восприятие «мягкой силы» той или иной страны.

Объективные данные, как указывают составители рейтинга, взяты из различных источников и структурированы по указанным шести категориям (субиндексам).

Субиндекс *Culture* включает в себя такие показатели, как ежегодное количество иностранных туристов, яркие достижения искусства, литературы, музыки, спорта, учитывается также доля расходов в бюджете и ВВП страны на культуру.

Субиндекс *Engagement* отражает степень вовлеченности страны в глобальные процессы и предназначен для измерения ее вклада в международное сообщество. Эксперты *Portland* полагают, что этот субиндекс показывает способность государства взаимодействовать с международной аудиторией, сотрудничать с други-

ми странами и таким образом способствовать решению глобальных проблем и формулированию ответов на глобальные вызовы. Субиндекс *Engagement* включает такие показатели, как количество посольств данной страны за рубежом, членство в международных организациях, оказание гуманитарной помощи бедным странам, усилия по охране окружающей среды и приверженность целям устойчивого развития.

Субиндекс *Education* сам автор концепции «мягкой силы» Дж. Най включает в категорию культуры, которая является важнейшим источником мягкого влияния. Однако в последнее время важность системы высшего образования в составе «мягкой силы» заметно выросла. Это позволило экспертам *Portland* выделить данный показатель в отдельный субиндекс.

Он показывает способность страны привлекать иностранных студентов, обеспечивать студенческие и научные обмены, ее вклад в развитие науки, объем предоставляемых стипендий и грантов зарубежным исследователям и учащимся, место университетов в глобальных рейтингах (*QS Global University Rankings* и *Times Higher Education*), а также академические результаты ее высших учебных заведений.

Следует отметить реверсивное значение обмена иностранными студентами для повышения рейтинга «мягкой силы» страны, что происходит, когда молодые люди возвращаются домой и там выступают от имени страны, где они проходили обучение, и становятся пропагандистами ее культуры.

Субиндекс *Enterprise*. Данный субиндекс хотя и относится к сфере экономики, однако не является мерой измерения экономической мощи или объема выпускаемой продукции. Данный субиндекс призван отразить относительную привлекательность экономической модели страны, уровень ее конкурентоспособности и инновационного потенциала, меры, стимулирующие предпринимательство и торговлю [Кхатри 2017]. Показатели инновационности и нормативно-правовой базы, стимулирующей развитие бизнеса, являются основными в данном субиндексе.

Субиндекс *Digital* – это новый и очень важный компонент в измерении «мягкой силы» страны. Включение данного подиндекса в рейтинг «Топ-30» призвано показать, в какой степени страна использует цифровые технологии, насколько они связаны с глобальным цифровым миром, степень цифровизации всех сфер жизни в стране и эффективность цифровой дипломатии. Субиндекс *Digital* также включает в себя совокупность показателей, отражающих доступ к Интернету в данной стране, доступность и объем предоставляемых правительством онлайн-услуг, широту использования цифровой дипломатии через социальные сети.

Субиндекс *Government* представляет экспертную оценку государственных институтов, политических ценностей и основных результатов государственной политики. Эксперты *Portland* считают, что успешная модель внутренней политики и управления является важной характеристикой «мягкой силы» страны и фактором ее привлекательности. Данный субиндекс включает такие показатели, как свобода личности, развитие человеческого потенциала, степень насилия в обществе, уровень жизни в стране, эффективность управления страной в целом.

Как видим, данный субиндекс трудно отнести к объективному показателю, поскольку входящие в него компоненты находятся под влиянием моральной коррупции, политической конъюнктуры, политической идеологии эксперта, который

его составляет. Потому отнести его к разряду объективных данных можно только условно, слишком велика в нем доля субъективных оценок и вкусовых (политических) пристрастий эксперта.

Субъективные данные. Субъективная природа «мягкой силы» создает самую большую трудность при попытках ее измерить. Как было сказано выше, рейтинг *Portland Communication «Top-30»* включает данные международных опросов, которые проводятся в двадцати разных странах (субиндекс *Polling*). Данные опросы в определенной степени показывают международное восприятие «мягкой силы» той или иной страны. Однако не стоит забывать, что сами участники этих опросов могут быть объектами массивов информационных кампаний, направленных против конкретной страны (в данном случае России и Китая), и опираются в своих оценках на сложившиеся у них негативные стереотипы, которые также являются результатом дезинформации и манипулятивных технологий.

Крайне субъективный и пристрастный характер показателей субиндекса *Polling* отражает, во-первых, сложность динамики межгосударственных отношений, во-вторых, личностное восприятие имиджа страны, над которым уже поработали СМИ, политики и др. Поэтому при оценке «мягкой силы» страны ему не следует придавать большое значение.

Эксперты *Portland Communication* считают, что, объединив ряд объективных показателей с данными международных опросов, они создали самый точный на сегодняшний день рейтинг «мягкой силы» тридцати стран глобального мира.

Можно согласиться с тем, что сумма объективных показателей (субиндексы *Digital, Culture, Engagement, Education, Enterprise*) дает достаточно четкое представление об относительно сильных и слабых сторонах «мягкой силы» и показывает проблемы, над которыми правительства упомянутых в рейтинге стран должны еще поработать.

Эта задача – заполнить лакуны в показателях «мягкой силы» – действительно важна.

Во-первых, способность государства в XXI в. достигать своих внешнеполитических целей все больше будет зависеть от его способности генерировать и использовать «мягкую силу».

Во-вторых, от успешного решения этой задачи зависят репутация страны и потенциал ее международного влияния. Мировое общественное мнение опирается прежде всего на ресурсы «мягкой силы» страны, поэтому данный чарт *Portland Communication* приобрел такую популярность в мире и стал авторитетным источником информации о мощи «мягкой силы» ведущих стран.

Динамика рейтинга «мягкой силы» России в Top-30

Впервые Россия появилась в рейтинге «мягкой силы» Top-30 в 2016 г. и заняла там 27-е место. Само попадание России в данный рейтинг было расценено в нашей стране как большая удача, а 27-е место для новичка в этом чарте рассматривалось как очень неплохой результат.

На следующий 2017 год Россия смогла подняться в этом рейтинге еще на одну ступень и заняла уже 26-е место, что также было, несомненно, хорошим достижением.

Однако уже в 2018 г. наша страна теряет свои позиции и перемещается сразу на две ступени вниз, занимая только 28-е место [Portland...].

Таким образом, рейтинг «мягкой силы» России имеет свою динамику, которая отличается нелинейностью: повышение рейтинга в 2017 г. на один пункт сменилось его падением в 2018 г. на два пункта.

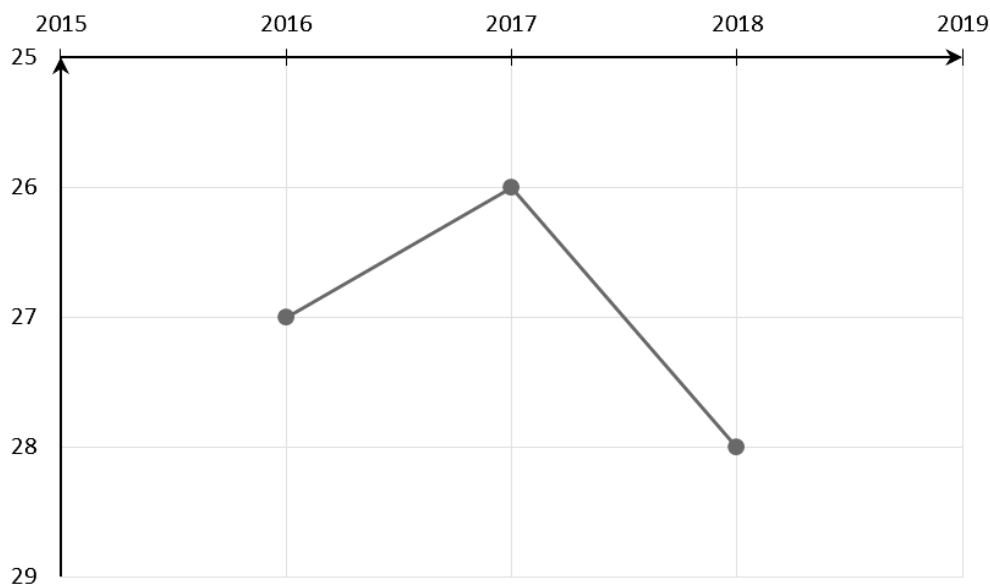

Рис. 1. Динамика рейтинга «мягкой силы» России в Топ-30

Основными факторами, которые повлияли на рейтинг России в Топ-30, по мнению *Portland Communication*, являются следующие: «дело об отравлении Скрипалей», высылка сотни российских дипломатов из разных стран, которые таким образом проявили «солидарность» с Великобританией (или, вернее, не посмели ее послушаться), политика России в Сирии, которая вызвала серию ожесточенных дебатов в ООН, иностранные санкции в отношении экономики в России, оказывающие негативное воздействие на объем зарубежных инвестиций и в целом на ее конкурентоспособность на международной арене.

Однако такие факторы не являются окончательным приговором для нашей страны. *Portland Communication*, пытаясь показать свою объективность в оценках, выражает надежду, что Россия сможет произвести перезагрузку своих отношений с Западом (хотя уважаемое издание не учитывает, что это зависит не только от доброй воли нашей страны) и скорректировать свои позиции по отношению к Сирии (очевидно, имеется в виду, в соответствии с требованиями западных государств).

К сильным сторонам «мягкой силы» России *Portland Communication* относит достижения балета Большого театра, успешное проведение чемпионата мира по футболу, достижения российской моды, театра и киноиндустрии, посредством которых она может знакомить мировую аудиторию со своими традиционными ценностями.

Portland Communication считает, что основной причиной, которая сказалась на падении рейтинга нашей страны, стала практика так называемой *Sharp power*, то есть кампаний по оказанию информационного влияния на зарубежную аудиторию, которые на Западе расценивают как дезинформацию и манипуляции общественным сознанием.

Важную роль играют усилия, которые Россия должна предпринять, чтобы развеять сложившиеся о ней негативные стереотипы.

Таким образом, налицо **отрицательная динамика** рейтинга «мягкой силы» России в Топ-30.

Рассмотрим динамику этого рейтинга по отдельным показателям.

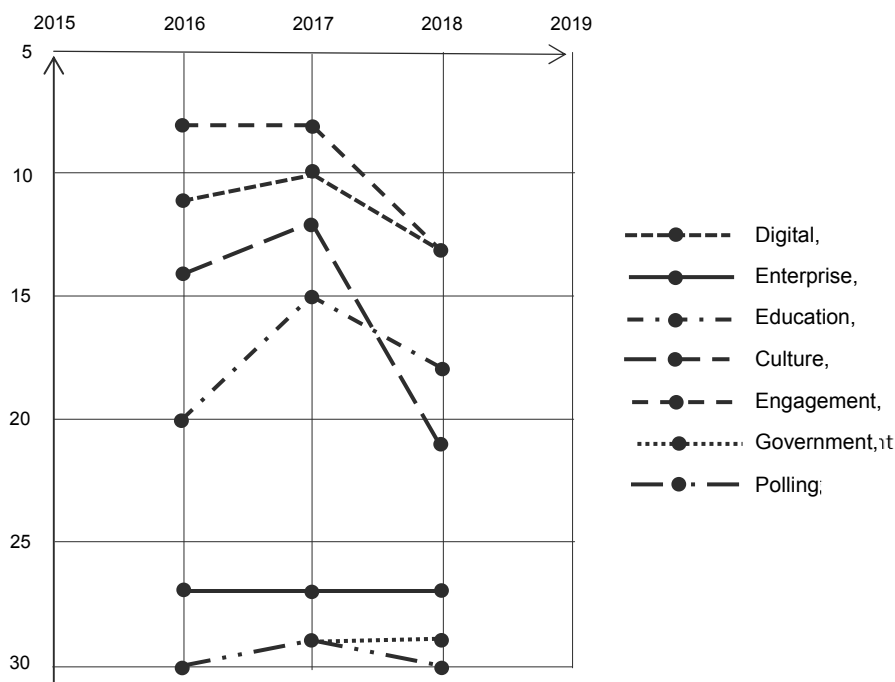

Рис. 2. Динамика рейтинга «мягкой силы» России в Топ-30 по показателям: *Digital, Enterprise, Education, Culture, Engagement, Government, it, Polling*

В 2017 г. по большинству показателей (*Digital, Education, Culture, Government, Polling* – это пять показателей из семи) Россия улучшила свой рейтинг по сравнению с 2016 г. Так, по показателям *Digital, Government, Polling* она повысила свою позицию на одно место, по показателю *Education* – на пять мест, по показателю *Culture* – на два места.

Однако в 2018 г. наша страна снижает свои показатели по большинству позиций: пять из семи. Это показатели *Digital, Education, Culture, Engagement* и *Polling*.

Наибольшие потери наблюдаются по показателям *Culture* (снижение на девять мест!) и *Engagement* (снижение на пять мест). По показателям *Digital* и *Education* Россия потеряла три места, по показателю *Polling* – одно место, и, таким образом, она оказалась последней в ряду стран по данному показателю, но смогла сохранить свои позиции по показателям *Enterprise* и *Government*.

Сравнительный анализ показателей России и стран БРИКС

Из стран БРИКС – ближайших партнеров России в чарте «мягкой силы» Тор-30 оказались только две страны: Китай и Бразилия. Индия и ЮАР пока в этот Тор не попадают.

Сравним показатели России с этими странами – членами БРИКС.

Таблица 1

Сравнение показателей России и Китая в 2018 г.

Показатели	Китай	Россия
Место	27	28
<i>Сумма баллов</i>	<i>51,85</i>	<i>51,10</i>
<i>Digital</i>	30	13
<i>Enterprise</i>	22	27
<i>Education</i>	13	18
<i>Culture</i>	9	21
<i>Engagement</i>	9	13
<i>Government</i>	30	29
<i>Polling</i>	28	30

У России и Китая очень близкие показатели: Китай в 2018 г. занял в чарте 27-е, а Россия – 28-е место. Но по сумме баллов разница составляет всего лишь несколько десятых: у Китая общая сумма баллов 51,85, у России – 51,10, то есть у нашей страны на 0,75 балла меньше.

У России пять показателей из семи хуже, чем в Китае. Это *Enterprise*, *Education*, *Culture*, *Engagement* и *Polling*. Наибольший разрыв имеется в показателях *Culture* (12 единиц), *Enterprise* и *Education* (пять единиц), разрыв по показателю *Engagement* составляет четыре единицы, *Polling* – одна единица.

Два показателя России лучше, чем у Китая: *Digital* (у России 13-е место, у Китая – последнее, 30-е. Таким образом, разрыв составляет 17 единиц) и *Government*, где разрыв минимальный в одну единицу в пользу России.

Таблица 2

Сравнение показателей России и Бразилии в 2018 г.

Показатели	Бразилия	Россия
Место	29	28
<i>Сумма баллов</i>	<i>50,69</i>	<i>51,10</i>
<i>Digital</i>	28	13
<i>Enterprise</i>	29	27
<i>Education</i>	27	18
<i>Culture</i>	19	21
<i>Engagement</i>	19	13
<i>Government</i>	28	29
<i>Polling</i>	23	30

Бразилия в чарте занимает следующее за Россией место – 29-е. Разрыв у двух стран по сумме баллов, так же как и в случае с Китаем, минимальный: у России 51,1 балл, у Бразилии – 50,69, то есть на 0,41 балла меньше. При этом разрыв Рос-

сии с Китаем по сумме баллов чуть больше (на 0,31 балла), чем разрыв Бразилии с Россией.

Из семи показателей у России четыре показателя лучше (*Digital*, *Enterprise*, *Education* и *Engagement*), однако три показателя отстают от Бразилии (*Polling* – на семь мест, *Culture* – на два места, *Government* – на одно).

Наибольший разрыв у Бразилии по сравнению с Россией по показателям *Digital* (Бразилия отстает на 15 единиц), *Education* (разрыв 9 единиц в пользу России), *Engagement* (6 единиц).

Наименьший разрыв у стран по показателям *Government* (Бразилия занимает на одно место выше России), *Enterprise* (Бразилия на две строчки ниже в рейтинге) и *Culture* (у Бразилии показатели на три единицы хуже).

Сравнение динамики рейтинга «мягкой силы» у России, Китая и Бразилии в Top-30

Динамика рейтинга «мягкой силы» у Китая в Top-30

Китай в 2016 г. занял в рейтинге «мягкой силы» в Top-30 28-е место (45,07 баллов), в 2017 г. он повысил свой рейтинг и занял уже 25-е место (50,5 баллов), но в 2018 г., как и Россия, ухудшил свои показатели и, потеряв два пункта, оказался на 27-м месте. Таким образом, положительная динамика роста показателя «мягкой силы» Китая в 2017 г. по сравнению с 2016 г. составила три пункта (три места), но в 2018 г. динамика роста у Китая оказалась отрицательной, и он потерял два пункта (опустился на два места ниже).

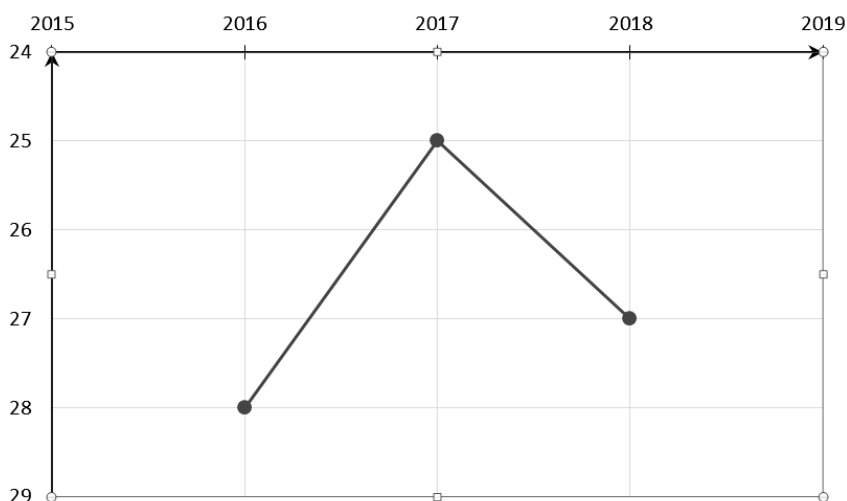

Рис. 3. Динамика рейтинга «мягкой силы» у Китая в Top-30

Динамика рейтинга «мягкой силы» у Бразилии в Top-30

Бразилия в 2016 г. заняла в рейтинге «мягкой силы» в Top-30 24-е место (47,69 баллов), в 2017 г. она понизила свой рейтинг и заняла уже 29-е место (47,41 балла), в 2018 г. – сохранила свои показатели. Таким образом, отрицательная динамика роста показателя «мягкой силы» Бразилии в 2017 г. по сравнению с 2016 г. составила пять пунктов (пять строчек в рейтинге), но в 2018 г. динамики роста у Бразилии (ни положительной, ни отрицательной) не наблюдается. Страна сохранила свою позицию (29-е место).

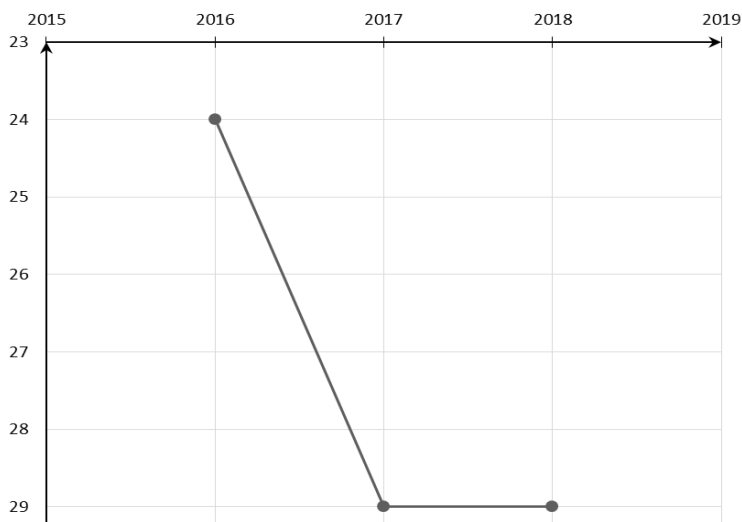

Рис. 4. Динамика рейтинга «мягкой силы» у Бразилии в Топ-30

Таблица 3

Сравнение динамики рейтинга «мягкой силы» трех стран – партнеров по БРИКС в Топ-30

Показатели	Место в 2016 г.	Место в 2017 г.	Место в 2018 г.
Россия	27	26	28
Китай	28	25	27
Бразилия	24	29	29

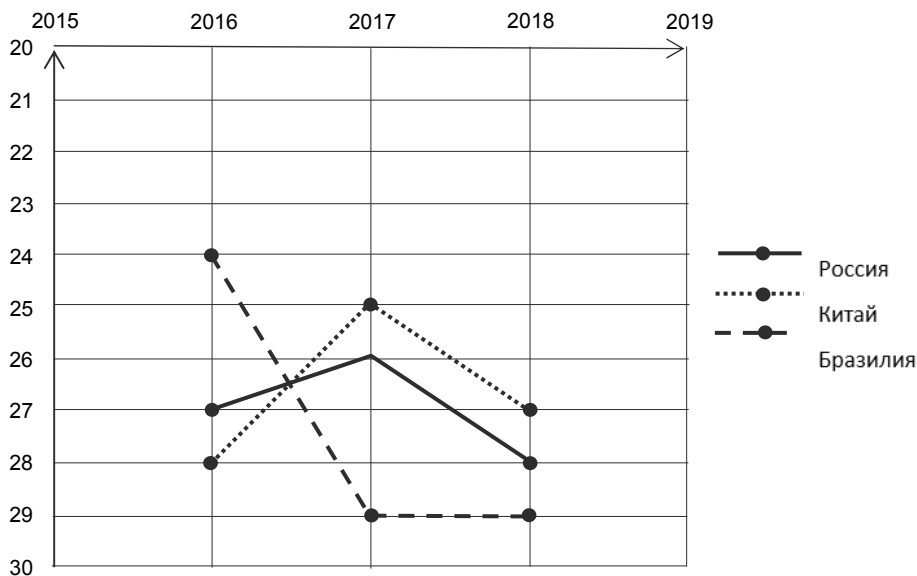

Рис. 5. Наложение графиков динамики рейтинга «мягкой силы» России, Китая и Бразилии в Топ-30.

Сравним показатели России со странами, входящими по рейтингу «мягкой силы» в первую пятерку Тор-30 (такими странами являются Великобритания, Франция, Германия, США и Япония), а также с Италией и Испанией.

Таблица 4

**Сравнение России со странами –
лидерами рейтинга «мягкой силы» в 2018 г.**

Показатели	Россия	Велико- британия	Франция	Германия	США	Япония
Место	28	1	2	3	4	5
<i>Сумма баллов</i>	51,10	80,55	80,14	78,87	77,80	76,22
<i>Digital</i>	13	3	2	4	1	8
<i>Enterprise</i>	27	7	18	6	5	9
<i>Education</i>	18	3	5	2	1	10
<i>Culture</i>	21	2	3	4	1	14
<i>Engagement</i>	13	2	1	3	4	5
<i>Government</i>	29	11	15	8	16	17
<i>Polling</i>	30	6	5	9	15	3

Итак, отрыв по баллам от лидеров рейтинга у России достаточно большой и составляет от 29,45 балла с Великобританией до 25,12 балла с Японией, которая замыкает пятерку лидеров. Однако наша страна опережает по показателю *Digital* Италию (на 11 пунктов) и Испанию (на три пункта).

Сравним показатели России с теми странами, которые входят в рейтинг «мягкой силы», но считаются «вторым эшеленом» (за исключением Италии и Испании). Эти страны являются одними из лидеров глобального мира, однако в рейтинге занимают места лишь во второй десятке).

Таблица 5

**Сравнение показателей России в рейтинге «мягкой силы»
с показателями стран «второго эшелона» в 2018 г.**

Показатели	Россия	Италия	Испания	Фин- ляндия	Новая Зелан- ландия	Ир- ландия	Юж- ная Корея	Порту- галия	Гре- ция	Поль- ша	Вен- грия	Чехия
Место	28	12	14	15	18	19	20	22	23	24	25	26
<i>Сумма баллов</i>	51,10	70,40	69,11	67,71	66,68	62,78	62,75	57,98	54,63	54,14	53,49	52,64
<i>Digital</i>	13	24	16	22	20	25	5	27	29	19	11	26
<i>Enterprise</i>	27	26	25	11	12	14	8	23	28	24	21	20
<i>Education</i>	18	9	16	19	20	24	15	26	25	22	29	28
<i>Culture</i>	21	10	5	23	29	18	11	25	24	22	30	27
<i>Engagement</i>	13	6	7	20	27	25	14	23	22	24	26	29
<i>Government</i>	29	21	18	6	10	14	20	22	25	24	26	19
<i>Polling</i>	30	1	10	16	11	17	26	19	21	29	24	27

По показателю *Digital* Россию опережают Южная Корея и Венгрия. По показателю *Education* выше России среди этих стран Италия, Испания и Южная Корея. Показатели *Culture* выше у Италии, Испании, Ирландии и Южной Кореи. Показатели *Engagement* превышают аналогичные России только у Италии и Испании. Однако по показателю *Enterprise* показатели выше, чем у России, у всех стран в данной таблице, кроме Греции.

Как видно из приведенных выше таблиц, наиболее низкие места в рейтинге у России – по тем пунктам, которые подвержены моральной коррупции и носят более субъективный, чем другие показатели, характер, – *Government* и *Polling*. Поэтому можно посмотреть, **каким окажется место России в этом рейтинге, если отбросить данные показатели, а принимать во внимание лишь те, которые основаны на более объективных данных: Digital, Enterprise, Education, Culture, Engagement**, используя имеющиеся уже подсчитанные баллы.

Таблица 6

Сравнение суммы баллов стран без учета показателей *Government* и *Polling*

Общая сумма баллов	Digital	Culture	Enterprise	Education	Engagement	Сумма за 5 показателей	Страна (место страны без учета показателей <i>Government</i> + <i>Polling</i>)
01. Великобритания 80.55	83.59	77.07	70.73	86.40	72.10	390,72	1. Великобритания
02. Франция 80.14	84.42	70.88	62.66	83.13	79.75	380,84	2. США
03. Германия 78.87	82.48	69.32	71.10	87.08	66.72	376,70	3. Франция
04. США 77.80	85.20	77.11	71.57	87.81	66.30	387,99	4. Германия
05. Япония 76.22	77.66	47.72	70.61	80.52	61.55	351,49	5. Япония
06. Канада 75.70	79.54	50.03	64.20	81.85	50.165	325,785	6. Нидерланды
07. Швейцария 74.96	63.67	46.27	77.91	77.90	47.10	312,85	7. Швеция
08. Швеция 74.77	74.56	49.84	75.39	79.73	52.05	331,57	8. Южная Корея
09. Нидерланды 73.79	69.74	54.29	70.26	84.36	54.17	332,82	9. Канада
10. Австралия 72.91	72.59	53.11	64.80	82.85	44.86	318,21	10. Австралия
11. Дания 70.70	66.83	40.03	72.54	79.04	42.65	301,09	11. Бельгия
12. Италия 70.40	60.41	50.72	45.11	80.86	57.45	294,55	12. Швейцария
13. Норвегия 69.60	68.39	45.39	67.81	67.95	45.40	294,94	13. Испания
14. Испания 69.11	68.19	55.94	49.15	75.67	55.88	304,83	14. Австрия
15. Финляндия 67.71	64.17	34.76	70.06	72.12	43.12	284,23	15. Дания
16. Бельгия 67.25	66.97	51.66	61.75	81.33	50.16	311,87	16. Норвегия
17. Австрия 67.23	72.98	41.93	64.98	74.44	47.14	301,47	17. Италия
18. Новая Зеландия 66.68	65.09	30.44	68.72	69.37	36.76	270,38	18. Сингапур
19. Ирландия 62.78	56.47	41.91	65.29	59.49	39.05	262,21	19. Финляндия
20. Южная Корея 62.75	80.54	50.38	70.70	77.76	48.19	327,57	20. Россия
21. Сингапур 62.44	78.90	30.90	81.36	65.43	29.52	286,11	21. Чехия
22. Португалия 57.98	54.04	31.72	52.21	55.99	41.28	235,24	22. Новая Зеландия
23. Греция 54.63	50.67	33.70	40.28	56.64	41.40	222,69	23. Ирландия
24. Польша 54.14	66.24	36.49	49.63	67.58	40.09	260,03	24. Польша
25. Венгрия 53.49	72.64	26.22	55.05	52.96	38.53	245,40	25. Венгрия
26. Чехия 52.64	54.20	31.03	58.03	54.55	35.68	233,49	26. Португалия
27. Китай 51.85	37.52	50.73	54.45	78.01	52.66	273,37	27. Чехия
28. Россия 51.10	71.18	37.48	45.11	73.47	49.55	276,79	28. Бразилия
29. Бразилия 50.69	52.86	41.49	35.82	55.64	44.72	230,53	29. Греция
30. Аргентина 48.89	64.43	31.33	35.36	46.32	36.74	214,18	30. Аргентина

Таким образом, суммирование баллов по пяти показателям *Digital, Culture, Enterprise, Education* и *Engagement* (без учета суммы баллов показателей *Government* и *Polling*) отражает несколько иную картину распределения мест между странами в рейтинге их «мягкой силы».

Если в первой десятке Топ-30 страны перераспределяют места между собой незначительно (исключение составляет Швейцария, которая выпадает из этой десятки), то во второй смещение мест более заметно.

Ряд стран понижают (без учета субъективной составляющей) свой рейтинг: Италия на пять пунктов, Дания, Финляндия, Новая Зеландия и Ирландия – на четыре пункта.

Повышают свое место в рейтинге: Южная Корея (на 12 пунктов), Бельгия (на пять пунктов), Австрия (на три пункта), Испания (на один пункт).

Россия перемещается в рейтинге на восемь пунктов вверх и занимает 20-е место.

Это говорит о том, что «мягкая сила» данных стран явно недооценена, а их более низкое место в рейтинге объясняется, во-первых, политической конъюнктурой (это касается низкой оценки в показателе *Government*), во-вторых, манипуляциями с восприятием имиджа этих стран. Так, на имидже России негативно сказались сфабрикованные кампании по так называемому «делу Скрипалей» и бездоказательные обвинения во вмешательстве в президентскую кампанию Д. Трампа.

В-третьих, недостаточная эффективность механизма и инструментов трансляции «мягкой силы» нашей страны на целевую аудиторию (в данном случае на западные страны) и недостаточно эффективная работа по формированию своего имиджа за рубежом сказались на результатах показателей *Polling*.

* * *

Важными задачами России в целях повышения эффективности ее «мягкой силы» и места в рейтинге Топ-30 являются:

1. Исследование и анализ *опыта использования «мягкой силы» других стран* в отношении целевой аудитории.

2. Проведение *аудита комплекса ресурсов и проводников «мягкой силы» России* в отношении как западных, так и восточных стран (они должны быть разными по содержанию), а также их возможное взаимодействие.

3. *Отказ от приоритетности выстраивания политики «мягкой силы» в контексте информационной войны, пропаганды, технологий манипуляции общественным сознанием*, а также других способов по достижению влияния. Необходимо понимать, что такая «мягкая сила» России воспринимается, особенно в западных странах, как угроза их национальной безопасности, как доминантное давление в собственных целях и в конечном итоге работает против России.

4. Необходимость *выявлять нереализованные возможности «мягкой силы» России* (например, ее традиционных проводников – НПО и НКО) и ее ресурсов.

5. В формировании стратегии и тактике трансляции «мягкой силы» надо *вернуться к традиционному пониманию этого феномена*, сформулированному Дж. Наем. Согласно автору этой концепции, «мягкая сила» – это прежде всего привлекательность государства, его культуры, внешней политики и ценностей для других стран глобального мира. Поэтому стратегия политики «мягкой силы» предполагает работу именно с привлекательным содержанием. В России же,

наоборот, сложился приоритет создания новых и совершенствования коммуникативных каналов доставки контента в рамках «мягкой силы» над самим качественным ее содержанием.

6. *Содержанием* политики «мягкой силы» должны стать: достижения культуры и науки и их трансляция в мире, достижения в сферах образования и здравоохранения, успехи в спорте, участие в гуманитарных программах помощи, развитие гражданского общества, распространение национального языка.

Главными *методами* политики «мягкой силы» могут быть:

– во-первых, методы альтернативной дипломатии (публичная, гражданская, культурная дипломатии, деятельность НПО);

– во-вторых, гуманитарные методы и реализация гуманитарных проектов. Россия может и должна конкурировать в глобальном мире посредством повышения качества образования, науки, культуры и здравоохранения, достижений национального спорта.

Литература

Ильин И. В., Леонова О. Г. Глобальные универсальные ценности и гуманитарные технологии в международной политике // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2018. № 1. С. 3–10.

Кхатри Дж. Повестка дня для БРИКС в эпоху деглобализации // Вестник МГУ. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2017. № 3. С. 40–47.

Леонова О. Г. «Мягкая сила», ее индикаторы и инструменты измерения // Экономика и управление: проблемы, решения. Научно-практический журнал. 2017. Февраль. № 2. Т. 2(62). С. 15–23.

Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004.

Portland Communication. Soft Power «Топ-30» [Электронный ресурс]. URL: <https://softpower30.com/> (дата обращения: 15.01.2019).

Rapid-growth Markets Soft Power Index [Электронный ресурс] : Ernst & Young and The Moscow School of Management SKOLKOVO. 2012. URL: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2012-02-02_en.pdf (дата обращения: 24.11.2018).

ТЕОЛОГИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

Митрофанова А. В.*

Под коммунистической фантастикой автор имеет в виду направление в современной русскоязычной фантастике, построенное на утверждении, что научно-технический прогресс неизбежно ведет за собой социальный и моральный прогресс. Статья посвящена творчеству Яны Завацкой, создавшей в контексте католической теологии освобождения цикл романов, описывающих попытки построения коммунистического общества на основе христианских ценностей. Христианство и коммунизм соприкасаются в идее «нового человека», без которого невозможно создание желаемого будущего. Первоначально Завацкая конструирует мобилизационное теократическое общество, которым управляют монашеские ордена, но его ожидает предсказуемый коллапс, так как большинство людей не готово подчинять личные интересы высоким религиозным идеалам. На смену приходит общество, где основное внимание уделяется не общественно-политическим институтам, а созданию «нового человека», который чувствует себя комфортно только в коммунистическом христианском обществе. В статье подробно рассмотрена эволюция взглядов Завацкой, отразившаяся в ее произведениях. Сделан вывод, что относительная популярность коммунистической фантастики обусловлена ее способностью предложить привлекательный образ будущего, не призывая возродить архаические социальные и моральные нормы.

Ключевые слова: Яна Завацкая, коммунистическая фантастика, теология освобождения, Долоев, научная фантастика.

The author defines communist science fiction as a trend in contemporary Russian sci-fi, which is grounded in the idea that scientific and technological progress is inevitably accompanied by social and moral progress. The article is devoted to Yana Zavatskaia, who authors a series of novels describing, in the context of Catholic liberation theology, the attempts to build communist society based on Christian values. Christianity and communism overlap in the concept of a “novel person” needed to achieve the desirable future. Initially Zavatskaia constructs a mobilized theocratic society governed by monastic orders, but it predictably collapses because most people are not ready to sacrifice their private interests for the supreme religious ideals. Instead, a society emerges where attention is paid not so much to sociopolitical institutions, but to creation of a new person who feels good only in a communist Christian society. The article follows the evolution of Zavatskaia's

* Митрофанова Анастасия Владимировна – д. полит. н., ведущий научный сотрудник Института социологии ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук», профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: avmitrofanova@fa.ru.

beliefs as reflected in her novels. The author concludes that communist science fiction is relatively popular thanks to its ability to offer an attractive vision of the future without calling for revival of archaic social and moral norms.

Keywords: Yana Zavatskaia, communist science fiction, liberation theology, Doloev, science fiction.

Введение. Что такое коммунистическая фантастика

Коммунистическая фантастика (комфантастика) представляет собой направление в современной русскоязычной научной фантастике, до недавнего времени малоизвестное за пределами почитателей «красной культуры». Большая часть этой литературы бесплатно доступна в сети, некоторые бумажные публикации финансировались путем интернет-фандрайзинга. К настоящему моменту вышло четыре выпуска альманаха комфантастики «Буйный бродяга»¹, который издается с 2013 г. (в 2017 г. на бумаге опубликована книга на основе альманаха – «Хроники Мировой Коммуны»), существует ЖЖ-сообщество «Коммунистическая фантастика»²; опубликован сборник «Будущее есть» (2013 г.), проведен литературный конкурс «СССР-2061», на основе которого в 2017 г. издан бумажный сборник рассказов³. Из персоналий можно назвать автора романа «Цветы прорастают сквозь кости» Велимира Долоева (псевдоним), главного редактора альманаха Ию Корецкую, писателя и блогера Александра Коммари, а также героиню данной статьи Яну Завацкую.

Коммунистическая фантастика основана на представлении, что технологический прогресс неизбежно должен сопровождаться равноценным социальным и моральным прогрессом. Строго марксистская точка зрения предполагает, что прогресс общественных отношений следует за развитием производительных сил. Возможна, разумеется, и противоположная позиция – что прогресс техники, напротив, является результатом морального и социального прогресса человечества. С точки зрения марксизма последняя позиция утопична, поскольку прогресс общественных отношений в данном случае представляется ни на чем не основанным, самопроизвольным. Коммунистический подход, разумеется, господствовал в советской фантастике: цивилизации, достигшие определенной степени технологического развития, характеризовались соответствующим развитием общества; технологическая отсталость была синонимом отсталости социальной. Большинство современных фантастических произведений – как западных, так и российских – отражает противоположный принцип, комбинируя в своих описаниях будущего технологические достижения с архаическими общественными отношениями (многочисленные версии «космического феодализма»).

Можно согласиться с Велимиром Долоевым, что современная русскоязычная фантастика делится на два «отряда эпигонов» – поклонники Ивана Ефремова и поклонники братьев Стругацких; большинство авторов заняты «деконструкци-

¹ Название отсылает к подпольной газете «Runagate Rampant» из романов левого британского фантаста Ч. Мьевиля «Вокзал потерянных снов» и «Железный совет» (информация предоставлена В. Долоевым).

² <https://communist-sf.livejournal.com>; создано в 2007 г.; по словам В. Долоева, сейчас фактически не функционирует.

³ <http://2061.su/>.

ей» произведений этих авторов⁴. Особенно в этом смысле популярны Стругацкие, пародийными по отношению к которым являются чуть ли не все значимые тексты постсоветской русскоязычной фантастики (например, «Спектр», «Звезды – холодные игрушки» С. Лукьяненко). Иногда деконструкция идет под маской иронической «сверхидентификации» с идеями советских фантастов, то есть в виде стеба [о стебе см.: Юрчак 2014: 489 и далее]. Коммунистическая фантастика отличается тем, что стремится не к пародии или стебу, но к серьезному конструированию желаемого будущего или, по крайней мере, к созданию «контекста, в котором можно говорить о будущем»⁵.

Поскольку научные прогнозы о коммунистическом будущем в Советском Союзе не особенно поощрялись (хотя в 1960-е гг. наблюдался краткий период прогностического творчества, не маркированного как фантастика [см.: Фокин 2017]), они появлялись под маркой научной фантастики. Серьезные авторы понимали, что для успешного функционирования коммунистического общества необходимы сознательные усилия по воспитанию «нового человека», так как представитель старого общества (мещанин, обыватель) может выступить разрушителем идеальной социальной системы, что происходит и в пьесе В. Маяковского «Клоп», и в детской утопии Н. Носова «Незнайка в Солнечном городе». Идея создания «нового человека» имеет христианские корни: под «ветхим человеком» имеется в виду наше эго, поглощенное страстями и грехом. Задачей христианского аскета является уничтожение «ветхого человека» внутри себя и превращение в «нового человека», обожженного, отражающего образ и подобие Божье (Кол. 3:9–10). Социальные реформаторы начиная с XIX в. заимствовали эту концепцию, в результате чего ее христианская основа стала неочевидной. Данная статья написана с целью продемонстрировать, что в современной русскоязычной фантастике существуют произведения, посвященные серьезному конструированию желаемого мира будущего на основе христианских принципов. Как ни странно, эти произведения оказались созданы в рамках не религиозной или православной, а коммунистической фантастики.

Творчество Яны Завацкой в контексте современной фантастики

Яна Юльевна Завацкая родилась в 1970 г. в Ленинграде, но выросла в Челябинске. В 1993 г. выехала с семьей в Германию. В настоящее время работает в доме престарелых специалистом по уходу и, помимо научной фантастики, публикует рекомендации о паллиативном уходе за дементными пациентами. Писательница является католичкой – то есть, в соответствии с немецким законодательством, платит налог в пользу римско-католической церкви, а также состоит в Коммунистической партии Германии⁶. В блоге она указывает, что не хочет быть профессиональным писателем, так как это означало бы отчуждение ее труда в марксистском понимании [Завацкая 2013]. Как и другие комфантасты, Завацкая

⁴ Долоев В. Интервью автору. 19 октября 2018 г. Тверь.

⁵ Там же.

⁶ *Kommunistische Partei Deutschlands* – небольшая левая партия, основана в 1968 г., не представлена в федеральном парламенте Германии. До присоединения к КРП Завацкая входила в радикальную сталинистскую группу «Коммунистическая инициатива» (*Kommunistische Initiative*).

публикуется в основном в Интернете; на бумаге появились четыре ее романа («Ликей», «Невидимая нить», «Эмигрант с Анзоры» и «Холодная зона»), а также несколько рассказов в составе антологий. В 2019 г. Завацкой была присуждена независимая литературная премия «Бегущая по волнам» за лучший женский образ в фантастике (роман «Холодная зона»).

Книги Завацкой не имеют четких границ: автор вносит в них изменения, при этом в сетевых библиотеках сохраняются старые версии, некоторые книги выглядят незавершенными или содержат неразрешенные внутренние противоречия. Более того, каждый роман следует воспринимать в более широком контексте, включающем авторский блог и комментарии к электронным публикациям. Существуют также тексты, написанные, но нигде не публиковавшиеся: они тоже раскрывают некоторые аспекты созданных Завацкой миров. Читатель, таким образом, приглашается выйти из ограниченного пространства книг на территорию неопубликованного и еще не написанного.

Первоначально Завацкая активно участвовала в различных проектах, организованных Велимиром Долоевым («Буйный бродяга», «Будущее есть»). При этом между двумя ведущими авторами комфантастики с самого начала существовали глубокие идейные различия: Завацкая придерживается сталинистской позиции, Долоев не скрывает симпатий к троцкизму. Однако лишь в 2014 г. расхождение взглядов по украинскому вопросу привело к полному разрыву Завацкой с Долоевым и его проектами.

Яна Завацкая является также феминисткой и сторонницей теологии освобождения:

Поскольку я вообще в молодости увлекалась Латинской Америкой, для меня в подростковом возрасте коммунизм был связан с Латинской Америкой, и уже тогда гибель архиепископа Ромеро и так далее – это все для меня было актуально... как может духовно расти женщина, которая вынуждена торговать своим телом, просто вынуждена, потому что она должна прокормить своего ребенка? Как может духовно расти человек, который работает по 16 часов на тяжелой работе, о чем тут может идти речь вообще? Конечно, изменить эту систему – это гуманизм, это то, о чем Христос говорил... радикальный гуманизм. Конечно, мне очень нравятся эти идеи⁷.

Теология освобождения (ТО), также известная как «прогрессивный католицизм», зародилась в Латинской Америке, но в 1960-е гг. охватила буквально весь католический мир (самым известным последователем ТО в литературе считается Грэм Грин). Соединив социальную концепцию католической церкви с идеями революционного марксизма, сторонники ТО сделали вывод, что преодолеть нищету можно только с помощью социалистической революции. Теологи освобождения пришли к специфической трактовке греха, обозначенного не как индивидуальный, а как структурный, то есть порожденный структурой классового общества [Католическая... 1983: 161]. В то же время они полагали, что их понимание веры и роли церкви ближе к идеям Христа и первых христиан, чем квиетизм католической церкви. Теологи освобождения практиковали создание так называе-

⁷ Завацкая Я. Интервью автору. 28 февраля 2019 г. Москва.

мых базовых христианских общин (CEBs, comunidades eclesiales de base), состоявших из бедняков под руководством мирянина-католика или (иногда) монахини. Созданные изначально для катехизации бедных, общины начали выполнять многочисленные социальные функции (здравоохранение, постройка жилья, ликвидация неграмотности и т. д.), превращаясь в первый организационный этап политического протеста. Иногда теологи освобождения присоединялись к коммунистическим подпольщикам или партизанам. Для этого движения характерен постоянный конфликт между радикалами (мирянами и рядовыми священниками) и иерархией католической церкви [см.: Bruneau 1986].

Яна Завацкая не сразу пришла к католицизму, к христианству вообще. В конце 1990-х гг., после переезда в Германию, писательница, тогда даже не крещеная, присоединилась к группе «Цветок мира», частично построенной на идеях Даниила Андреева, но в целом скорее синкретической. Постепенное разочарование как в духовной основе группы, так и в ее лидерах описано Завацкой в документальной повести «Черная книга, или Приключения блудного оккультиста». Параллельно произошло присоединение к римско-католической церкви, которая была выбрана по соображениям удобства: «Мне очень нравятся православные богослужения, я чувствовала что-то родное, это необъяснимо просто... но я выбрала католицизм, потому что у меня муж – из семьи католиков.... Потом, банально, у меня не было средств, времени, возможностей с двумя маленькими детьми, один из которых – инвалид, ездить куда-то к черту на кулички на православные службы... я не думаю, что эти церкви чем-то одна принципиально хуже другой... для меня евангелическая церковь была – протестантская – исключена, потому что это какое-то изобретение последних веков, а эти церкви имеют апостольскую преемственность. То есть выбор был из этих двух»⁸.

В результате духовного кризиса Завацкая сочинила единственный роман (точнее, два романа – «Ликей» и «Ликей: новое время»), который можно отнести к религиозной фантастике, написанной с целью популяризации религиозных убеждений автора. Действие разворачивается на каком-то этапе реализации проекта всемирного правительства, изложенного Д. Андреевым в трактате «Роза Мира»: человечество разделилось на избранное меньшинство, обладающее эзотерическими способностями, и прочее население, предоставленное самому себе и постепенно деградирующее. Бросается в глаза, что христианство в этом мире фактически забыто и стало уделом «опасных экстремистов», которые, помимо посещения храмов, исповеди и причастия, отличаются созданием крепких многодетных семей.

«Ликей», написанный практикующей католичкой, которая испытывала «сильное желание стать православной» [Завацкая 2012], был напечатан православным издательством «Лепта» в серии «Роман-миссия» (там публиковали православных фантастов Ю. Вознесенскую и Н. Иртенину), остальные книги Завацкой выходили под шапкой «фантастического боевика». Насколько я могу судить, роман до сих пор пользуется популярностью среди православных читателей. Сегодня Завацкая скептически относится к текстам того времени, признавая, что «многие читатели “Ликей” давно во мне разочаровались» [Ее же 2011а]. Не состоялся

⁸ Завацкая Я. Интервью автору. 28 февраля 2019 г. Москва.

и переход в православие: «...я предпринимала какие-то шаги, потом меня что-то останавливало. Например, я на сайте одной церкви прочитала, что у них положено обязательно покаяться за то, что ты был пионером... я подумала: нет, я туда не пойду, я не готова каяться за то, что я была пионеркой»⁹.

Творчество Завацкой – кроме «Лицея» – резко отличается от религиозной фантастики наподобие той, которую пишут консервативные протестанты в Америке (серия «Оставленные» и др.) [McAlister 2003] или православные авторы в России: покойная Юлия Вознесенская, протоиерей Александр Торик, Наталья Иртенина и др. Религиозная фантастика обычно является иллюстрацией догматики – как ее понимает автор – и служит для ознакомления с основами веры в популярной форме. Завацкая не ставит перед собой миссионерских целей, кроме того, ее книги не консервативны в общепринятом понимании, хотя сама писательница с такой оценкой не согласна, считая свои взгляды на брак, например, вполне консервативными: «...там люди у меня переживают: как же можно изменять мужу или жене... для меня это уже консерватизм, в смысле – я сама такая же, но окружение меня в этом не понимает»¹⁰.

Яна Завацкая также не принадлежит к идеологическому течению «православного коммунизма», который, как правило, заменяет марксистский классовый анализ национализмом или патриотизмом. Завацкая открыто признает в своем блоге, что ее личный патриотизм нетерриториальный и означает приверженность системе социализма [Ее же 2016а]. Являясь сталинисткой, она отрицает популярное представление о Сталине как «православном русском императоре»¹¹. Завацкая не пишет так называемой «имперской» или «геополитической» фантастики, получившей распространение в постсоветских государствах [Suslov 2016: 11]. Для ее творчества характерен универсализм, обусловленный комбинацией марксистских и католических убеждений писательницы.

В данной статье объектом исследования выступают три цикла романов Завацкой: «Дейтрос» (четыре романа), «Квиринские истории» (два романа) и «Сагонские войны» (три романа)¹². Все они в настоящее время оцениваются автором как «незрелые»: «это уже очень старые всё вещи, одни из самых старых. Я бы уже этот мир – не знаю – задвинула, я бы его уже убрала даже, потому что они незрелые еще, эти вещи... и мне они не нравятся сейчас уже. Ну, конечно, я их люблю по-своему, но мне как-то неловко даже за них»¹³.

Христианский военный коммунизм

«Крест Империи» – роман, который Завацкая считает своей лучшей книгой [Завацкая 2008], изображает общество, попытавшееся воплотить на практике хри-

⁹ Завацкая Я. Интервью автору. 28 февраля 2019 г. Москва.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Цикл «Дейтрос»: «На тверди небесной», 2006; «Не бойся, девочка!» (также известен как «Про жизнь и про любовь»), 2007; «Невидимый мир», 2008; «Новые небеса», 2009–2010. Цикл «Квиринские истории»: «Нить надежды», 2006; «Эмигрант с Анзоры», 2006. Цикл «Сагонские войны»: «Крест империи», 2005–2006; «Дороги», также существует в версии «Дороги, часть 1», 2003–2004; «Кольцо и крест», также «Дороги, часть 2», 2005. Датировка авторская.

¹³ Завацкая Я. Интервью автору. 28 февраля 2019 г., Москва.

стианские и коммунистические идеалы, но потерпевшее в этом неудачу. Другая версия того же общества сконструирована в цикле «Дейтрос». Автор характеризует эти общества как «военный коммунизм» [Завацкая 2007е].

Планета Эдоли в «Кресте Империи» разделена между двумя государствами – теократической коммунистической Империей и капиталистической плутократией Сканти. Христианство было принесено с Земли галльским миссионером IV в. Квирином, спасенным от смерти эдолийской космической экспедицией. Возникла церковь, которая напоминает католическую, хотя формально таковой не является: она не находится под властью папы, который вообще не знает о ее существовании (равно как о существовании церквей планет Дейтроса и Квирина). В то же время бытовые практики церкви Эдоли сходны с католицизмом: celibat для клириков, монашеские и мирянские ордена и т. д. Не совсем ясно, как – при отсутствии папы – управляется эта церковь, возможно, с помощью соборов.

Постепенно на Эдоли формируется теократическая, вернее, иерократическая, империя, где светская власть подчиняется монашеским орденам. Все высокопоставленные чиновники обязаны быть терциариями¹⁴ орденов. Повседневная жизнь Империи напоминает СССР, где христианство выступает в качестве идеологии, а церковь играет роль партии. Многие аспекты этой жизни вряд ли понравятся современному читателю.

В соответствии с коммунистическими принципами экономика Империи носит нетоварный характер, частной собственности нет, пища и другие товары распределяются государством в соответствии с заслугами человека перед обществом. Чтобы обеспечить идейное единство, практикуется коллективное воспитание детей: они отправляются в школы-интернаты, где применяют телесные наказания. Исповедь является обязательной, так же как пост (в постные дни централизованная система снабжения мяса не выдает). Существует инквизиция, наблюдающая за всеми аспектами жизни людей; у нее есть право применять пытки. В соответствии с христианскими моральными идеалами все обязаны соблюдать целомудрие до брака; развода не существует. Тем не менее общество Империи не является патриархальным: автор неоднократно подчеркивает полное равенство мужчин и женщин. Запрещены астрология, ведовство, любые формы оккультизма. Еретические воззрения могут привести виновных – и приводят – к смертной казни.

Примерно так же выглядит планета Дейтрос, где общество контролируется местным вариантом инквизиции. В первом романе цикла «Дейтрос» главная героиня, Кейта (дочь «дейтрина» и землянки), читает книгу о социально-политическом устройстве родной планеты своего отца (следует учитывать, что книга представляет собой исследование, написанное на враждебной планете Дарайя – своего рода американская советология): в школах царила полная авторитарность, детей воспитывали в строгости, то и дело сурово наказывали и тщательно следили, чтобы дети придерживались правильной христианской веры. Впрочем, следили и за взрослыми. Была в Дейтросе такая специальная служба – Охраны Веры, на их языке она называлась Верс (а на латыни, наверное, называлась бы инквизицией) [Завацкая 2007б].

¹⁴ Терциарии – миряне, входящие в третий круг католического ордена (первые два круга – монашеские, мужской и женский).

Из приведенных цитат складывается непривлекательный образ коммунистической теократии в обоих ее изводах, но это далеко не так. Общества Дейтроса и Эдоли очень симпатичны. Рядовые граждане, не знающие жестокостей рыночной конкуренции, добродушны и спокойны. По причине отсутствия потребительства и массовой развлекательной культуры они вынуждены посвящать свое свободное время чтению хорошей литературы, дружескому общению и спортивным занятиям. Как и в советском обществе, у людей есть возможность лавировать внутри жесткой системы, выторговывая себе маленькие преимущества, в то время как та же система защищает их от по-настоящему опасных катастроф. Положительные черты обществ Империи и Дейтроса особенно хорошо раскрываются на фоне их антагонистов.

Дарайя (главный враг Дейтроса) и Сканти (сверхдержава, противостоящая Империи) основаны на свободной рыночной экономике и индивидуализме; претендуют на звание демократий, но на самом деле управляются финансовой олигархией. В одном из комментариев Завацкая пишет, что Дарайя – это будущее Запада, если из него полностью убрать христианскую составляющую [Завацкая 2009д]. «Конкуренция – основа дарайского бытия. Она повсюду, во всех областях. Считается, что именно конкуренция обеспечивает высокий уровень жизни», – пишет Завацкая во второй книге цикла «Дейтрос» [Ее же 2007в]. Социальная иерархия Дарайи основана на генетическом неравенстве: богатые могут обеспечить своим детям больше генетических улучшений, чем бедные. Бедняки и безработные получают социальное пособие, но только до шестидесяти лет. Бедные старики обычно соглашались на эвтаназию добровольно, так же как многие богатые, чья жизнь стала пустой и бесполезной. Христианство и церковь на Дарайе запрещены. Описания жизни в Сканти более реалистичны, но это общество также построено на индивидуализме, неравенстве и соперничестве между людьми.

Писательница подчеркивает, что материальное благосостояние на Дарайе и в Сканти намного выше, чем в военно-коммунистических обществах. В то же время капиталистические общества негуманны, потому что большинство людей выброшено на обочину социальной системы (хотя их минимальные материальные потребности удовлетворены). «Гуманность Дейтроса состоит в том, что там НЕТ выброшенных на обочину людей», – объясняет Завацкая читателю [Ее же 2009б]. Мы даже узнаем, что обитатели Дарайи «лишены благодати»: они потеряли способность к творчеству, то есть, вероятнее всего, подобие Божье. В одном из комментариев писательница отмечает, что самое страшное в Дарайе – что там идет отвержение Духа Святого [Ее же 2009д].

Мы видим Империю Эдоли на разных стадиях ее истории. В начале она напоминает Советский Союз конца 1950-х гг.: идеологические догмы еще сильны, но молодое поколение осторожно начинает пробовать границы дозволенного. Крис, главная героиня, разочарована всеобщим лицемерием и скудостью жизни. Ее собственное будущее терпит крах из-за жестких церковных требований: она и ее возлюбленный исключены с медицинского факультета, так как нарушили требование добрачного целомудрия.

Второй раз мы наблюдаем имперское общество приблизительно в советские 1980-е гг. Идет постепенное улучшение материального благосостояния, но дефицит товаров широкого потребления выглядит знакомым для всех, кто прожил хо-

тя бы часть сознательной жизни в Советском Союзе: «Районный распределитель занимал весь первый этаж огромного здания третьего квартала Маренты. Крис сразу прошла в отдел текстиля и обуви. Ей нужны летние туфли. Лимит есть еще на две пары, а старые уже каши просят. Однако вопрос туфель отпал сразу – в распределителе их не было. Зато стояли почему-то в ряд теплые зимние унты» [Завацкая 2007а].

Империя Эдоли и Дейтрос являются мобилизационными обществами, где большая часть ресурсов отвлечена на проведение в жизнь религиозных идеалов. Помимо этого, оба находятся в состоянии постоянной войны: Империя вынуждена вести гонку вооружений со Сканти, а Дейтрос сражается с Дарайей, чтобы защитить от нее Землю (поскольку на нашей планете произошло Боговоплощение, она имеет особый вселенский статус). От каждого члена общества требуется приносить свой личный комфорт и желания в жертву высшим целям. В то же время формированию каждой отдельной личности уделяется не так много внимания, как необходимо: многих школьная система просто ломает или пытается сломать, другие вырастают лицемерами и приспособленцами. Постепенно читатель приходит к выводу, что крушение этих обществ закономерно.

Романы Завацкой демонстрируют – возможно, вопреки желанию автора, – что хотя Империя основана на передовой гуманистической идеологии, для того чтобы заставить людей жить в соответствии с ней, используются неправильные методы. Даже самые преданные христианству и коммунизму энтузиасты чувствуют себя скованными, утомлены необходимостью скрывать простейшие человеческие потребности, устали от бытового аскетизма и мобилизации в режиме нон-стоп. Что же говорить об обычных людях – «мещанах», «обывателях»? Постепенно становится понятно, что именно они неосознанно стали главными врагами мобилизационного общества. Как Империя, так и Дейтрос подвергаются опасности со стороны людей, сосредоточенных на своей частной жизни, способных пожертвовать идеалами ради материальных благ.

Творчество Завацкой находится в общем русле советского пропагандистского искусства, направленного против мещанства. Первым на память приходит стихотворение В. Маяковского «О дряни» (1920–1921), где сам Карл Маркс обрушивается на мещан, представленных внешне невинными канарейками:

Опутали революцию обывательщины нити,
Страшнее Врангеля обывательский быт,
Скорее
Головы канарейкам сверните,
Чтоб коммунизм
Канарейками не был побит!

Разумеется, обывателем в советском контексте является не всякий простой, незначительный человек. Мещане, обыватели – те, кто ставит собственные интересы (обычно материальные) выше интересов других людей и идеалов общества, это «подлые люди» из социалистического трактата Николая Чернышевского, это те, чьи привычки наводят ужас на героя повести братьев Стругацких «Хищные вещи века».

Третья встреча читателя с Империей Эдоли состоится в момент ее полного распада. Сначала происходит отделение Церкви от государства, затем мутация

и коллапс всей общественно-политической системы. Хотя подрывная деятельность Сканти играет свою роль в этом процессе, неизбежность трагедии обусловлена безразличием обывателей. Завацкая рисует узнаваемые картины времен распада Советского Союза: «Там, где висела агитационная картина о покорении Космоса – алый крест на фоне черного космического пространства и голубого шарика планеты, космоплаватель в скафандре – теперь плакат, рекламирующий колготки» [Завацкая 2007а].

Обидно, что Империю подстрелили на взлете, когда она находится на пороге научных открытий, которые должны были покончить с дефицитом товаров народного потребления. К счастью для героев, непосредственно перед своим бесславным концом Империя начинает проект космической колонизации. Лучшие представители мобилизационного общества – космонавты, ученые, инженеры – отправляются, чтобы основать базу на планете Квирина, названной по имени святого. Квирина становится резервуаром, где сохраняются христианские и коммунистические ценности. Совместно с квиринцами жители Эдоли организуют проект «Ковчег»: они перебираются на Квирина, чтобы создать христианское коммунистическое общество, которое избежит судьбы Империи. Такой финал является стандартным для комфантастики и в какой-то степени повторяет неоднократно отмеченную исследователями тему книги Н. Носова «Незнайка на Луне»: нормальный мир все еще где-то существует, и героям остается лишь выжить до перемещения туда [см., например: Загидуллина 2008: 220].

Перед теми же вызовами стоит общество Дейтросса. Изначально проблема мешан не столь остра, поскольку в первой книге цикла мы узнаем, что планета Дейтрос была уничтожена неким темпоральным взрывом (точнее, Дейтрос пожертвовал собой, чтобы спасти нашу Землю). Все население погибло, кроме тех, кто в тот момент отсутствовал (они продолжают называть свое сообщество Дейтросом): воинов, исследователей и миссионеров, то есть не обывателей. В третьей книге цикла неожиданно открывается, что, возможно, не вражеская Дарайя, а правящая элита Дейтросса организовала взрыв, чтобы одним махом избавиться от потенциально опасных обывателей: «Оглушающий, почти смертельный удар – и новая версия Дейтросса» [Завацкая 2007г]. Ни герои, ни читатель так и не узнают, правда ли это. Но семя сомнения автором посеяно – особенно в свете стихотворения Маяковского, где шею канарейкам предлагается свернуть. Но даже если Дейтрос уничтожен врагами, проблема обывателей сохраняет остроту. Население растет, далеко не все теперь являются самоотверженными исследователями и воинами; возникает даже относительно массовая эмиграция с Дейтросса на Дарайю. Завацкая ничего не сообщает нам о возможности выхода «второго Дейтросса» из этой ситуации. Его будущее выглядит печальным, поэтому писательница отказалась от продолжения цикла: «Третья часть заканчивается тем, что они открывают границу – то есть люди Земли получают тоже возможность путешествовать по этим мирам. И думаю, что после этого, во-первых, потеряется основная идея Дейтросса, для чего они существуют, – защита Земли. Земля и сама себя сможет защищать. Во-вторых, и там начнутся преобразования, которые, наверное, похожи на нашу перестройку... И эта вся жесткая организация, которая у них есть, она постепенно будет распадаться. То есть будет трагедия, но я не стала об этом, ко-

нечно, писать, потому что, во-первых, мне не хочется об этом писать, во-вторых, зачем людей разочаровывать. Есть этот мир, и ладно. Логическое такое продолжение напрашивается»¹⁵.

Развитой христианский социализм

Различные аспекты жизни на Квирина рассмотрены во всех романах, принадлежащих к циклам «Квиринаские истории» и «Сагонские войны». Квирина, как объясняет Завацкая, «мой любимый мир», «моя утопия, мое представление об идеальном обществе» [Завацкая 2011б]. Но эта утопия построена на прагматическом основании, учитывающем, при всей приверженности идеалам коммунизма и христианства, психологию среднего человека. Первое, что поражает эмигрантов с других планет, – Квирина является обществом практически неограниченного материального благосостояния. Благодаря неким неясным технологическим прорывам все разумные материальные потребности людей могут быть удовлетворены. Эти прорывы являются *deus ex machina*, который обеспечивает успех Квирина. Нет сомнений, что Империя Эдоли, обладай она неограниченными материальными ресурсами, справилась бы со своими проблемами. Как и другие общества, сконструированные Завацкой, Квирина ведет бесконечную борьбу с враждебной цивилизацией демонических существ – «сагонов», тем не менее граждане не знают ни дефицита, ни очередей, ни несправедливого распределения. Экономика Квирина является смешанной, деньги используются в основном для удобства расчетов, но их нельзя вложить как капитал, разве только в малый бизнес. Вероятно, Квирина еще не коммунистическое общество, но это уже очень развитой социализм.

Квирина не является теократией. Церковь – уважаемый институт, но она не участвует в управлении планетой. Вообще система управления не совсем понятна – Завацкая сообщает, что государство и общество на Квирина не разделены [Ее же 2009г]. Граждане объединены в профессиональные союзы, руководители которых одновременно являются политическими лидерами планеты (похоже, на Квирина реализован какой-то вариант синдикализма). Существует также система сетевой демократии, которая обеспечивает каждому гражданину доступ к принятию решений, но она упомянута только в блоге [Ее же 2009в]. На Квирина можно не быть христианином, там нет инквизиции и цензуры. В блоге Завацкая раскрывает кое-какую дополнительную информацию о церковной жизни Квирина [Ее же 2011б]: первичной христианской общиной считается не приход, а производственный коллектив или семья, руководитель коллектива, даже будучи женщиной, исполняет роль священника. Причастие представляет собой «обряд», в котором могут участвовать и нехристиане. Таким образом, христианство на Квирина не связано с какой-либо религиозной организацией или деноминацией. Я предполагаю, что на Завацкую оказали влияние идеи теологии освобождения о приоритете базовых христианских общин перед церковной иерархией.

«Эдоли была куколкой, из которой потом появилась бабочка – Квирина», – пишет Завацкая [2011б]. Он представляет собой следующую стадию развития христианского государства [Ее же 2009а]. Вместо навязывания жестких правил

¹⁵ Завацкая Я. Интервью автору. 28 февраля 2019 г., Москва.

Церковью над этим рационально организованным технократическим обществом царит Этический кодекс. Он разрешает многое, что запрещает Церковь, особенно в сексуальной сфере – этот аспект квиринской жизни в романах мало обсуждается, но в блоге можно найти полезные дополнения [Завацкая 2009а]. Можно сказать, что Квириин следует не букве, а духу христианства, потому что, независимо от принадлежности к церкви, практически все обитатели знают наизусть Евангелие и Новый Завет [Ее же 2011б].

Позиция Завацкой заключается в том, что особое внимание следует обратить не на институциональную структуру, а на воспитание «нового человека». Этот аспект терялся в теократических обществах, потому что Империя Эдоли просто запугивала обычных граждан (заставляя их притворяться и обманывать), а Дейтрос «удачно» избавился от обывателей благодаря загадочному взрыву. При отсутствии цензуры и инквизиции Квириин нашел свои способы противостоять как влиянию обывательской психологии, так и подрывной деятельности сагонов. Этот метод описан уже на последних страницах «Креста Империи»: «Грубо говоря, на Квириине будет постоянно поддерживаться определенная духовная атмосфера. Поддерживаться она будет искусственно, с помощью определенной службы. Не грубой пропагандой, а, скажем так, путем правильного отбора и рекламы художественных произведений, тона новостей и так далее. Это будет атмосфера именно такая, в какой себя хорошо и легко чувствуют люди дела, люди-искатели, исследователи, ученые, те, кто стремится к подвигам, те, кто хочет жить для блага людей. Люди, которые в принципе стремятся жить для себя, тоже получают свои возможности – на Квириине будет разрешен мелкий бизнес, скажем. Они смогут открыть кафе или дизайнерскую фирму. Они смогут обогащаться. Но они на Квириине будут чувствовать себя не вполне своими. Им будет неловко, не очень приятно» [Ее же 2007а].

Читатель приходит к выводу, что Империя Эдоли пала, как может пасть и Дейтрос, поскольку они принуждали всех людей – даже обывателей – жить в соответствии с высокими моральными стандартами христианства и коммунизма. На Квириине принуждения нет: вместо этого Служба информации контролирует все информационные потоки, поддерживая такие ценности, как «желание жить, пассионарность, гуманизм, желание иметь детей, поддержание высокого престижа жизненно важных профессий – военных, научно-исследовательских» [Ее же 2007д]. Если в потоках появляется что-то опасное для этих ценностей, оно не цензурируется, но нейтрализуется сознательным созданием противоположностей. В результате только «новые люди» чувствуют себя на Квириине как дома. Персонажи согласны, что «Квириин – не нация. Это духовное образование... полная свобода эмиграции обеспечивает то, что на Квириин все время притекают издалека новые пассионарные силы и уходят те, кто не может удержаться в наших инфопотоках» [Там же]. Помимо Квириина, во вселенной Завацкой существует много других планет, разнообразие социальные системы которых помогают развивать сюжет и контрастно высвечивают разные аспекты жизни квириинцев.

Сказанное выше не означает, что Квириин расстался с идеей воспитания «нового человека» с самого детства. Много страниц Завацкая посвящает описанию продуманной образовательной системы этой планеты. Коллективного воспитания нет: дети остаются в семье, причем не нуклеарной, а расширенной, включающей

всех родственников и даже друзей дома. Телесные наказания не применяются, и вообще в школах мало принуждения: вместо заучивания догматов в детях развивают пытливость, храбрость, коммуникабельность и пр. Тех, кто ухитрился пройти через школьную систему и остаться обывателями, не заставляют жить в соответствии с передовой моралью. На Квирине есть люди, которые заботятся только о своих личных интересах, но они не опасны для общества. Если же такая опасность возникает, существует секретная Дозорная служба, где – что совсем не удивительно – работают все положительные герои.

Социетальная эволюция христианско-коммунистического общества от Эдоли к Квирину (и от первой книги о Дейтросе к четвертой) следует за идеологической и духовной эволюцией автора¹⁶. Будучи практикующей католичкой, Завацкая верила в «социализм, как в СССР – но только еще с церковью» [Завацкая 2016б]. В те годы писался цикл «Дейтрос». Комментируя эту тему, писательница отмечает (соблюдена орфография источника): «У меня тогда была несколько лет такая иллюзия (в принципе, сходная с идеей теологии освобождения), что церковь может и должна освободить общество. На мой взгляд, коммунизм с этической стороны (конечно, не как экономическая теория марксизма) прописан полностью в евангелии. Поэтому как в Дейтросе, так и в Эдоли (Крест Империи) я попыталась изобразить такой христианский социализм» [Ее же 2007д].

Уже в третьем романе цикла представитель Дарайи выражает закономерные сомнения (это позиция врага, но ни герои, ни автор ее не опровергают): «В Дейтросе вся общественная жизнь, экономика, все перестроено в ориентации на заповеди христианства. Разве идеалы не проигрывают от этого? Их нельзя воплотить в неизменном виде! В воплощенном варианте они представляют собой шарж на самих себя!» [Завацкая 2007г].

Последний роман о Дейтросе отражает разочарование автора в теократической системе. Главная героиня приходит к выводу, что клирики не должны руководить государством. Мы не знаем, что произойдет с Дейтросом далее, но его единственный шанс на выживание – превратиться в нечто вроде Квирина. Автор признает, что она хотела бы связать два мира и послать на Квирин представителя Дейтроса¹⁷.

Заключение

Сейчас Яна Завацкая утверждает, что от темы религии в своем творчестве отошла: «Я остаюсь в католической церкви, я из нее никуда не выходила, но... теперь я не религиозный человек. И писать, конечно – пропагандировать эти идеи – я больше не буду»¹⁸. В последних романах, например, в «Холодной зоне», церковь присутствует, но выполняет вспомогательную роль в революционной борьбе. Герои также утратили религиозность, характерную для романских циклов о Дейтросе и Квирине. Тем не менее, судя по комментариям в блоге, старые ро-

¹⁶ В ходе интервью и в переписке со мной Яна Завацкая подчеркивала, что об эволюции речи не идет, так как квинское общество было задумано, когда писалась первая книга о Дейтросе. С моей же точки зрения, духовная эволюция не обязательно должна отражаться на порядке написания книг.

¹⁷ Завацкая Я. Интервью автору. 28 февраля 2019 г., Москва.

¹⁸ Завацкая Я. Интервью автору. 28 февраля 2019 г., Москва.

маны (даже «Ликей») по-прежнему востребованы и вызывают у читателей разнообразные эмоции. Можно предложить, что популярность книг Завацкой, как и вообще коммунистической фантастики, обусловлена поколенческой травмой распада СССР и последующего превращения новых независимых республик в государства второго, если не третьего, сорта. В этом смысле все книги Завацкой автобиографичны – особенно «Крест Империи», в котором отражен идеологический путь не только автора, но и части ее поколения: от разочарования в советской системе к активному антисоветизму и, наконец, обратно к советизму.

Такая ситуация типична, но в большинстве случаев историческая травма приводит постсоветских фантастов к той или иной форме эскапизма, что вызвало распространение, с одной стороны, разнообразных местных вариантов фэнтези, а с другой – бесчисленных публикаций на тему «альтернативного настоящего». В большинстве случаев это настоящее больше напоминает прошлое, так как авторы не стремятся к прогнозированию дальнейшего развития социальных и моральных установлений, ограничиваясь в лучшем случае прогрессом технологий. Сильная сторона коммунистической фантастики, каким бы маргинальным явлением она на сегодняшний момент ни была, в том, что, отвергая современную социальную систему, она не стремится «назад в будущее», но пытается найти для описания конструируемых обществ образы, привлекательные для тех, кто верит в социальный и моральный прогресс. Но даже в этом контексте христианско-коммунистические общества Яны Завацкой представляют собой уникальное явление, пока что не имеющее идейных аналогов не только в русскоязычной, но и в мировой фантастике.

Литература

Завацкая Я. «Крест Империи» // Самиздат. 2007а. 24 мая [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/j/jenna_k/edoli.shtml.

Завацкая Я. «На тверди небесной» // Самиздат. 2007б. 5 декабря [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/j/jenna_k/deitros-1.shtml.

Завацкая Я. «Не бойся, девочка!» // Самиздат. 2007в. 5 декабря [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/j/jenna_k/deitros-2.shtml.

Завацкая Я. «Невидимый мир» // Самиздат. 2007г. 5 декабря [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/j/jenna_k/deitros-3.shtml.

Завацкая Я. «Дороги» // Самиздат. 2007д. 12 декабря [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/j/jenna_k/dorogi-1.shtml.

Завацкая Я. «Комментарий 32 к «Не бойся, девочка!» // Самиздат. 2007е. 30 октября. [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/comment/j/jenna_k/deitros-2?PAGE=3 (дата доступа: 14 марта 2019).

Завацкая Я. «Эх...» // Blau_kraehe. 2008. 3 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://blau-kraehe.livejournal.com/23345.html> (дата доступа: 14 марта 2019).

Завацкая Я. «Церковь, общество, разные миры» // Blau_kraehe. 2009а. 14 января [Электронный ресурс]. URL: <https://blau-kraehe.livejournal.com/31542.html> (дата доступа: 14 марта 2019).

Завацкая Я. «Комментарий 7 к «Не бойся, девочка!» // Самиздат. 2009б. 19 января [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/comment/j/jenna_k/deitros-2?PAGE=2 (дата доступа: 14 марта 2019).

Завацкая Я. «Не удержалась» // Blau_kraeche. 2009в. 1 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://blau-kraeche.livejournal.com/31390.html> (дата доступа: 14 марта 2019).

Завацкая Я. «Комментарий 73 к «Невидимый мир» // Самиздат. 2009г. 19 мая [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/comment/j/jenna_k/deitros3?PAGE=2 (дата доступа: 14 марта 2019).

Завацкая Я. «Комментарий 16 к «Не бойся, девочка!» // Самиздат. 2009д. 2 августа [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/comment/j/jenna_k/deitros-2?PAGE=2 (дата доступа: 14 марта 2019).

Завацкая Я. «Мрачное» // Blau_kraeche. 2011а. 3 января [Электронный ресурс]. URL: <https://blau-kraeche.livejournal.com/74384.html> (дата доступа: 14 марта 2019).

Завацкая Я. «Квирин и христианство» // Blau_kraeche. 2011б. 25 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://blau-kraeche.livejournal.com/123235.html> (дата доступа: 14 марта 2019).

Завацкая Я. «Принципы миссионерской работы. Взгляд извне» // Blau_kraeche. 2012. 25 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://blau-kraeche.livejournal.com/234893.html> (дата доступа: 14 марта 2019).

Завацкая Я. «Как преодолеть отчуждение труда?» // Blau_kraeche. 2013. 8 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://blau-kraeche.livejournal.com/309748.html> (дата доступа: 14 марта 2019).

Завацкая Я. «Патриотизм. Все побежали, и я...» // Blau_kraeche. 2016а. 2 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://blau-kraeche.livejournal.com/474137.html> (дата доступа: 14 марта 2019).

Завацкая Я. «Обо мне» // Blau_kraeche. 2016б. 4 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://blau-kraeche.livejournal.com/499834.html#cutid1> (дата доступа: 14 марта 2019).

Загидуллина М. Время колокольчиков, или «Ревизор» в Незнайке // Веселые человечки: культурные герои советского детства. М. : Новое литературное обозрение, 2008.

Католическая церковь в социально-политической борьбе в странах Латинской Америки: Реферат. сб. М. : ИНИОН АН СССР, 1983.

Фокин А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х гг. М. : Политическая энциклопедия, 2017.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М. : Новое литературное обозрение, 2014.

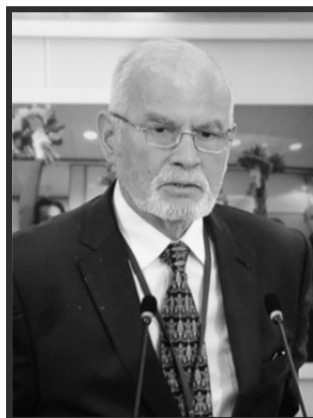
Bruneau T. C. «Brazil: The Catholic Church and Basic Christian Communities» // Religion and Political Conflict in Latin America / ed. by Daniel H. Levine. Chapel Hill; London : The University of North Carolina Press, 1986. Pp. 106–123.

McAlister M. «Prophecy, Politics, and the Popular: The Left Behind Series and Christian Fundamentalism's New World Order» // The South Atlantic Quarterly. 2003. Vol. 102(4). Pp. 773–798.

Suslov M. Of Planets and Trenches: Imperial Science Fiction in Contemporary Russia // The Russian Review. 2016. Vol. 75(4). Pp. 562–578.

IN MEMORIAM

Барлыбаев Халиль Абубакирович
(5 января 1944 г. – 18 марта 2020 г.)

Редколлегия журнала «Век глобализации» с прискорбием сообщает, что на 77-м году жизни скоропостижно скончался член редколлегии нашего журнала, доктор экономических и доктор философских наук, профессор, заслуженный экономист Республики Башкортостан Х. А. Барлыбаев.

Он прожил яркую и интересную жизнь, пройдя путь от преподавателя политекономии и проректора по экономике Башкирского государственного университета до председателя Государственного комитета Республики Башкортостан по управлению государственной собственностью. В декабре 1999 г. был избран депутатом Государственной Думы РФ третьего созыва и стал членом депутатской группы «Регионы России», заместителем председателя Комитета Государственной Думы по собственности. По окончании депутатских полномочий он перешел на работу профессором в Академию государственной службы при Президенте РФ, а затем ведущим научным сотрудником в Институт философии РАН, где входил в группу по исследованию философских проблем глобализации.

Халиль Абубакирович – автор целого ряда получивших широкую известность научных трудов по философским и социальным проблемам глобалистики. Он был одним из наиболее активных членов редколлегии нашего журнала и постоянным участником научных мероприятий по глобальной проблематике, в частности междисциплинарного семинара «Актуальные проблемы глобалистики».

Выражаем искренние соболезнования родным и близким Халиля Абубакировича Барлыбаева.

Редколлегия и редсовет журнала «Век глобализации»

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Arkadi D. Ursul, Tatyana A. Ursul. Global Studies and the concept of Sustainable Development (pp. 3–17).

Alexey N. Ilyin. The results of neoliberal globalization: A space for discussion (pp. 18–32).

Valeriya I. Spiridonova. The imperative of a return to national identity as a basis for the polycentric world (pp. 33–44).

Global Issues

Dmitry G. Yegorov, Angela V. Yegorova. Global Warming and economic theory: The overcoming of the world civilization crisis (pp. 45–54).

Alexey Ye. Belyantsev. “Supertechnologies”: Global threats and social-political consequences of the NBIC-convergence (pp. 55–61).

Aza D. Iosseliany. Global digital society and social adaptation to the on-line reality (pp. 62–71).

Nature, Society, and Human

Vladimir Yu. Lukyanov. Harmonization of the system of international relations in the 21st century: the implementation of historical experience (pp. 72–84).

Viktor A. Savchenko. Subjectivism and revolution in the age of information technologies (pp. 85–94).

Russia in the Global World

Olga A. Nikolaychuk, Nikita O. Bondarenko. Russia in the search for the path of economic development (pp. 95–103).

Olga G. Leonova. The dynamics of Russia’s “soft power” ranking (pp. 104–118).

Anastasiya V. Mitrofanova. The theology of liberation in modern Russian-language science fiction (pp. 119–133).

In Memoriam (p. 134)

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегль 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегль 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2a/Bek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 2(34), 2020. – 136 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*

Корректор *Н. В. Самсонова*

Верстка *О. И. Вереницыной, М. И. Кухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 15.06.2020. Дата выхода: 29.06.2020

Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,05.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»

Полиграфкомбинат «Офсет»

400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10